

В І С Н И К
ХАРКІВСЬКОГО ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ

ISSN

K-14038

ПЗ26922

№ 424

**РОМАНО-ГЕРМАНСЬКА
ФІЛОЛОГІЯ**

1999

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

ISSN 0453-8048

**В І С Н И К
ХАРКІВСЬКОГО
ДЕРЖАВНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ**

№ 424

**СЕРІЯ
РОМАНО-ГЕРМАНСЬКА
ФІЛОЛОГІЯ**

Харків
КОНСТАНТА
1999

Видається згідно з рішенням Вченої Ради факультету іноземних мов Харківського державного університету від 22 січня 1999 р., протокол № 1.

Редакційна колегія:

Головний редактор

А.Г.Дородних (докт. філол. наук)

В.А.Дмитренко (канд. філол. наук), В.І.Говердовський (докт. філол. наук)

В.І.Каравашкін (канд. філол. наук), Л.М. Мінкін (докт. філол. наук)

В.Г. Пасинок (канд. пед. наук), Н.І. Сукаленко (докт. філол. наук)

О.В. Тарасова (докт. філол. наук), В.О. Ужик. (канд. філол. наук)

Л.М. Черноватий (канд. пед. наук), С.О. Швачко (докт. філол. наук)

І.С. Шевченко (канд. філол. наук, відп. редактор)

О.Д. Нефьодова (секретар)

У статтях цього вісника розглянуто проблеми комунікативної лінгвістики, прагматики, філософії мови, міжособової та міжкультурної комунікації, системи мови, та методів викладання іноземних мов.

Для лінгвістів, викладачів, студентів старших курсів, аспірантів та пошукачів.

Адреса

редакційної колегії: Україна, 310007, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський державний університет,
факультет іноземних мов.
Тел.: (0572) 45-75-04.

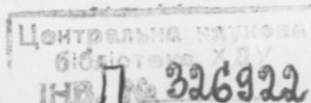
Copyright © Харківський державний університет, 1999

Copyright design © "КОНСТАНТА" 1999

Copyright cover © "КОНСТАНТА" 1999

ISBN 966-7309-46-0

K-14038

К ПРОБЛЕМЕ КОСВЕННЫХ СПОСОБОВ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО АКТА

Безуглая Л.Р., канд. филол. наук (Харьков)

Одним из наиболее важных и широко дискутируемых звеньев в теории речевых актов (далее - РА) является теория косвенности, которая пытается дать ответ на вопрос, "каким образом говорящий может при помощи некоторого высказывания выражать не только то, что оно непосредственно обозначает, но и нечто иное; и каким образом возможно понимание этого слушающим" (Серль 1986:197). Дж.Серль первым делает попытку ограничить косвенный РА от прямого, отталкиваясь от мысли, что "в косвенных РА говорящий передает слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает" (там же).

Большинство существующих определений косвенности РА имеют в основе несоответствие между эксплицитно выраженной и реальной иллокутивной силой высказывания: "РА осуществляется косвенно тогда, когда иллокутивный тип, индицируемый языковыми средствами, (при нормальной интерпретации всех иллокутивных индикаторов) не совпадает с первично интендируемой иллокутивной функцией" (Franck 1975:219).

Многие исследователи акцентируют двустороннюю взаимосвязь между понятиями прямого и косвенного РА: "Каждая попытка определить косвенный РА влечет за собой попытку определения прямого РА" (Meyer-Hermann 1976:1). "Прямое значение, — пишет Й.Мейбауэр, — называется не иначе, как дословное. РА тогда является прямым, когда он понимается так, что его высказывание имеет дословное значение" (Meibauer 1986:31). При этом он подчеркивает, что дословное значение изучается семантикой, а недословное — прагматикой (там же:19).

Большое значение имеет в теории косвенности понятие контекста. Для трактовки косвенных РА вводится понятие нулевого, или нейтрального, контекста. Нейтральным контекст является в том случае, когда он не влияет на пропозициональную структуру предложения. Этот контекст ничего не изменяет в иллокутивной силе РА. РА является прямым, если контекст, используемый для детерминации иллокутивной силы, нейтрален; косвенным РА будет в том случае, когда для ее определения нужно прибегнуть к более широкому, по сравнению с нейтральным, контексту (Wunderlich 1976:234).

В соответствии с определением косвенности, которое предполагает в качестве критерия разграничения прямых и косвенных РА способ выражения иллокутивной силы, РА традиционно делятся на прямые и косвен-

ные. Однако, многие зарубежные авторы оперируют двухступенчатой оппозицией видов косвенности. Так, В.Эрих и Г.Зайле ограничивают косвенные РА (1) от имплицитных (2) и РА с имплицитной пропозицией (3), рассматривая эти три вида как не прямые РА в противоположность прямым (Ehrich, Saile 1972:105):

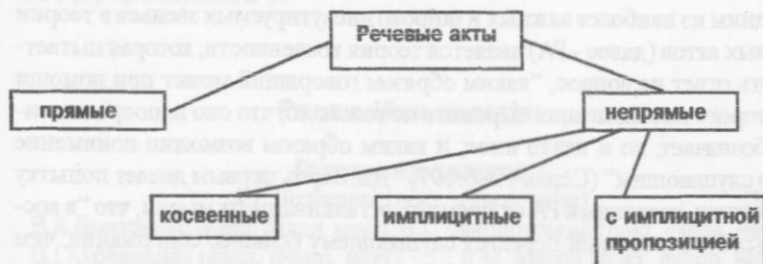

Рис. 1.

Способы реализации речевых актов (по В. Эрих и Г. Зайле)

(1) Frau Sudermann: Trinken Sie vielleicht gern Wermut?

Frau Körner: Naa. Jetzt isses doch so weit. /Deichsel, S. 212/

(2) John: You haven't got them a drink, Margit.

Margit: Oh bless then I never thought. (Принесла напиток) /Livings, p.227/

(3) Wirtin: Habt ihr euch schon überlegt, wo ihr den Leichenschmaus macht?

Marha: Noch nicht. Aber wahrscheinlich bei dir. /Sperr, S.323/

Пример (1) представляет собой косвенный директив (предложение), иллокутивная сила которого выражена при помощи вопросительной конструкции. В примере (2) косвенно (имплицитно) выражается не только иллокутивная сила побуждения к действию, но и пропозиция данного РА директива. В примере (3) иллокутивная сила - спрашивание - выражена прямо: при помощи вопросительной конструкции, однако реальная пропозиция данного квеситива не соответствует действительности, она выражена имплицитно.

К.Циммерманн и П.Мюллер исходят из того, что не прямой и прямой РА реализуются одновременно, то есть не прямой РА является всегда двойным, в отличие от прямого. При этом различное соотношение прямого и непрямого актов является критерием для разграничения видов непрямого акта — косвенного и имплицитного: предпосылкой для реализации косвенного РА является соответствие действительности пропозиции пря-

мого РА (1); предпосылкой для реализации имплицитного РА — соответствие действительности выводимой эксплицитной формы данного непрямого (имплицитного) акта (2). Иными словами, имплицитный РА имеет место в случаях языковой экономии или намека: пропозиция имплицитного акта логически выводится слушающим из произнесенной пропозиции. Для идентификации имплицитного РА К.Циммерманн и П.Мюллер предлагают использовать так называемый “и-тест”: “Невыраженная, интендируемая часть имплицитного РА, в отличие от косвенного, может быть соединена с выраженной при помощи союза “и” (Zimmermann, Müller 1977:245).

Так, в примере (3) импликация может быть представлена следующим образом: *“Habt ihr schon überlegt, wo ihr den Leichenschmaus macht? und Wo macht ihr den Leichenschmaus?”* Наличие импликации подтверждается тем, что адресат дает два ответа на поставленный вопрос: “Noch nicht” - на эксплицитную часть РА, “Aber wahrscheinlich bei dir” - на имплицитную, интендируемую часть.

Таким образом, данные три вида не прямой реализации РА различаются тем, что адресат переосмысливает либо иллокутивный компонент РА (1), либо пропозициональный (3), либо оба компонента одновременно (2).

Очевидно, что рассматриваемая классификация характеризуется смешением критериев: способ выражения иллокутивной силы анализируется в той же плоскости, что и способ выражения пропозиционального содержания. Представляется, что, поскольку иллокуция и пропозиция являются различными компонентами РА, целесообразно было бы разместить способы их выражения на разных уровнях. В зависимости от способа выражения иллокутивной силы, РА можно разделить на эксплицитные (прямые) и имплицитные (косвенные). Каждый из данных типов может иметь эксплицитно либо имплицитно выраженную пропозицию. Таким образом, наша схема видов косвенности принимает следующий вид:

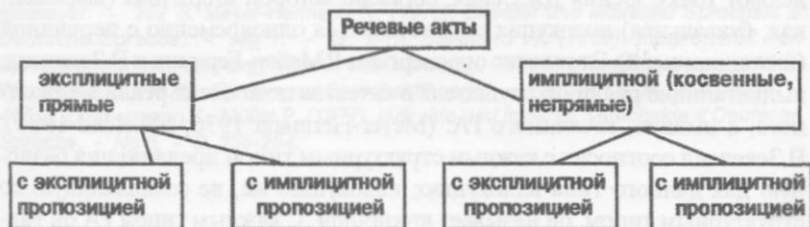

Рис. 2.

Способы реализации речевых актов (авторская трактовка)

Эксплицитные РА с эксплицитной пропозицией представляют собой простые РА типа:

(4) *Который час?* — Полвторого. — Квеситив

(5) *Приходите завтра утром.* — Директив

(6) *Мне нравятся исторические романы.* — Констатив

Эксплицитные РА с имплицитной пропозицией выражены соотносимой с их типом конструкцией, однако говорящий вкладывает в них отличное от реального пропозициональное содержание:

(7) *Ты знаешь вон того мужчину?* — *Это мой сотрудник Петров.* (Ты знаешь вон того мужчину? и Кто тот мужчина? — Квеситив;

(8) *Я хочу с ним поговорить.* — *Будь гордой.* (Будь гордой и не говори с ним)). — Директив;

(9) *Ты идешь завтра к Анне.* — *С цветами.* (Я иду и Я иду с цветами). — Констатив.

Имплицитные РА с эксплицитной пропозицией — это РА, выраженные конструкцией, несоотносимой с их типом:

(10) *Скажи, был ли там.* — *Да.* — Квеситив;

(11) *Ты поможешь мне?* — *Конечно.* — Директив.

Имплицитные РА с имплицитной пропозицией характеризуются двойной импликацией, т.е. говорящий употребляет несоотносимую с типом РА конструкцию и вкладывает в него иное пропозициональное содержание:

(12) *Пожалуйста, вспомни его имя.* — *Иванов.* (Вспомни его имя и Как его зовут?) — Квеситив;

(13) *Я надеюсь, у тебя есть пиво и Угости меня пивом.* — Директив;

(14) *Кто знает, когда мы встретимся?* (Кто знает, когда мы встретимся? и Никто не знает, когда мы встретимся). — Констатив.

Среди ученых нет единства взглядов по поводу того, сохраняется ли при реализации косвенного РА прямая иллокуция. Многие лингвисты разделяют точку зрения Дж.Серля, согласно которой вторичная (выраженная, буквальная) иллокуция осуществляется одновременно с первичной (интендируемой). Этот тезис опровергают Р.Мейер-Германн и В.Зекеланд, выдвигающие реакцию слушателя в качестве показателя реализации одного, а именно, косвенного РА. (Meyer-Hermann 1976; Sökeland 1980). В.Зекеланд соотносит с каждым структурным типом предложения базисную для данного типа иллокуцию; иллокуцию же, не совпадающую со структурным типом, он называет вторичной. С каждым типом РА он также соотносит определенную иллокутивную силу — основную (например, спрашивание для квеситивов); а если иллокутивная сила не совпадает со структурой, то она именуется вторичной (квеситивы могут иметь вторич-

ную иллокутивную силу побуждения, утверждения, выражения эмоций; при этом совершается соответствующий косвенный РА). Таким образом, любой РА может быть вторичным, если он выражен несоотносимой с ним структурой, следовательно, понятия "косвенный" и "вторичный" у В. Зекеланда идентичны.

Мы рассматриваем реализацию косвенного РА несколько иначе. Вслед за В. Зекеландом мы полагаем, что в случае косвенной реализации РА имеет место только один РА — косвенный, в котором имеются две или более иллокутивных силы, причем одна иллокутивная сила — основная, ведущая, вытесняет другие, сопутствующие иллокутивные силы, наличие которых определяется с помощью соответствующих индикаторов. Так, у квеситива могут наблюдаться сопутствующие иллокутивные силы побуждения, выражения эмоций, утверждения и метакоммуникативная.

Ответ на вопрос о причинах использования косвенных РА, при всей его неоднозначности, в наиболее общем виде можно усматривать в стратегиях речи и считать их "техникой заботы об имидже", "с помощью не-прямых РА говорящий пытается сохранить свой имидж или имидж говорящего" (Ehrich, Saile 1972:286). Их употребление социально обусловлено: выбор РА производится на основе общественных конвенций, основанных на социальных условиях данных ситуаций.

К использованию РА с имплицитной пропозицией⁷ могут побуждать стратегия вежливости, стремление ввести адресата в заблуждение (Sökeland 1980:153), коммуникативно-ролевой статус общающихся, экономия языковых средств (Zimmermann, Müller 1977:245).

ЛИТЕРАТУРА

- Серль Дж.Р. (1986). Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. 17. - С. 170-194. Ehrich V., Saile G. (1975). *über nichtdirekte Sprechakte // Linguistische Pragmatik.* - Wiesbaden: Athenäum. - S. 255-287. Frank D. (1975). *Zur Analyse indirekter Sprechakte // Beiträge zur Grammatik und Pragmatik.* - Kronberg: Univ. Verl. - S. 219-231. Meibauer J. (1986). *Rhetorische Fragen.* - Tübingen: Niemeyer. - 292 S. Meyer-Hermann R. (1976). *Direkter und indirekter Sprechakt // Deutsche Sprache.* - № 1. - S. 1-19. Sökeland W. (1980). *Indirektheit von Sprechhandlungen: eine linguistische Untersuchung.* - Tübingen: Niemeyer. - 168 S. Wunderlich D. (1976). *Studien zur Sprechakttheorie.* - Frankfurt a. M.: Suhrkamp. - 416 S. Zimmermann K., Müller P. (1977). *Indirekte und implizite Sprechakte // Deutsche Sprache.* - № 5. - S. 238-254.

ТЕМПОРАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ “ТЕПЛОЙ” КАРТИНЫ ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ ДЖ.КИТСА)

Бондаренко Е.В., канд. филол. наук (Харьков)

Утверждения по поводу великого предназначения поэта овеществлять дух эпохи и современные ему умонастроения давно стали общим местом. Тем не менее, степень доверия к “продуктам” поэтического мировосприятия, которые являются базовым материалом для “теплой” картины мира или ТКМ (Бондаренко 1997), крайне невысока. Платоновская критика поэзии, обозначившая разницу между переносными поэтическими утверждениями и истинным знанием, заложила прочный фундамент для подобного пессимизма. В последнее время, однако, философская и лингвистическая теория склоняется в пользу необходимости и даже неизбежности обращения к инструментарию “теплой” картины мира, а именно к поэтической метафоре, так как именно метафора является одним из основных способов концентрации человеческого опыта (Gibbs 1994:13). Таким образом, роль поэта, воплощающего тип мировосприятия так называемого “ночного человека” (Померанц 1995: 42), т.е. создателя ТКМ, все чаще признается существенной при моделировании действительности.

В данном контексте интересна динамика отражения концепта времени поэтами различных эпох и творческих направлений в форме именной темпоральной метафоры с точки зрения выбора и трактовки ее когнатов. В качестве иллюстративного материала на первоначальной стадии исследования была избрана поэзия Дж.Китса, творчество которого воплотило все характерные черты романтизма. Репрезентативность выбора в столь ограниченном диапазоне оправдывается методологией построения ТКМ, в которой частное, индивидуальное, особенное имеет не меньшее значение, чем имманентное и закономерное (Цофнас 1995: 8).

Известно, что выбор образных средств у романтиков был невелик. “Традиционный инвентарь - луна, озеро, соловей, скала, роза, замок и тому подобное” (Якобсон 1996: 106). Видимо, и время, подчиняясь законам жанра, было заключено в узкие метафорические рамки, покинуть которые ему позволили только с приходом иной эпохи. Динамику перестройки концепта времени невозможно проследить вне сопоставления с неким литературным экстремумом, в качестве которого, нужно отметить весьма условно, было избрано творчество Дж.Китса. Его модель времени взята за некий “плюс”, от которого, вернее, с отрицанием которого возникнет

позднее “темпоральный пессимизм”, “новый концептуальный комплекс, объединяющий понятия новизны, современности [...], прогресса” (Арутюнова 1997:57).

Временная система у Китса достаточно своеобразна и, видимо, является репрезентацией представлений о времени его эпохи: практически ни одно наименование темпоральной единицы не употребляется в буквальном смысле, все они избираются произвольно и часто отрицаются в собственную противоположность - мгновения длятся дольше лет, года пролетают, как минуты. некоторые достаточно популярные в более поздние эпохи наименования таких временных интервалов, как “неделя”, “месяц”, практически вообще не употребляются.

Наиболее распространенными в системе лексем, обозначающих темпоральные интервалы, являются названия кратких отрезков времени типа *moment* или *minute*: *In these still moments I have wished you joy...* или *The lover's endless minutes slowly passed...* и в то же время: *O aching time! O moments big as years!* Ничто не является абсолютным в глазах поэта. В системе летоисчисления главенствует Метафора, которая характеризует и ход часов. Они, в отличие от мгновений, пролетают незаметно:

*Loving and hatred, misery and weal
Will in a few short hours be nothing to me...
Nor do we merely feel these essences
For one short hour.*

Лексема *hour* вообще одна из наиболее часто употребляемых. В своей метафорической реализации часы ассоциируются с чем-то нежным: *Revive, or these soft hours will hurry by in tranced dullness.*, они крылаты: *...the meek ethereal Hours*

And made their dove-wings tremble..., и как вода, падают в вечность, так что в них даже можно купаться: *drop like hours into eternity; ...bathing in hour's space...*

Часы поэта, их тихом кружении, складываются в дни: *...a calm round of hours shall make my days.*

Существенное место в системе времяобозначения Китса занимают названия частей суток. Однако если когнаты метафоры “минута” и “час”, как правило, ограничивались ассоциативными связями типа: время - долгота; время - движение (текучесть), влага; время - птица, то метафорический диапазон “утра”. “полудня” “вечера” и т.п. несколько шире.

Утро для Китса - это не просто начало нового дня, это открытие “врат небесных”, возможность общения с божествами: *High above, Dancing before the morning gates of heaven...* или: *...all night to see unfold Heaven's gates ...*

В связи с этим утро нередко описывается развернутой метафорой - картиной прихода Аполлона: *...that golden song Apollo singeth, while his chariot*

Waits at the doors of heaven, а также: *For 'twas the morn: Apollo's upward fire Made every eastern cloud a silvery pyre Of brightness...* или Феба: *I shall again see Phoebus in the morning...*

Нередко поэт ассоциирует время с человеком, так утро плачет, а солнце утешает его, как любимое существо: *The sun, when first it kist away the tears That fill 'd the eyes of morn.*, слышатся то рыдания утра: *early sobbing of morn*, то его дыхание: *...the healthy breath of morn...*

Персонафикация утра у Китса максимально эксплицируется в появлении у него рода и имени собственного:

Now Morning from her orient chamber came.

Таким образом, ассоциативный базис метафоры времени утра составляет связи: время - врата небесные; время - божество (Аполлон, Феб); время - человек.

Характерно, что атрибутивные связи понятия "morning" практически всегда позитивны - *precious, gracious, beautiful: The morning precious: Beauty was awake!*

Это торжественное сладкое время: *Sweet birds antheming the morn* или: *When the light of morn with hum of bees Stole through its verdurous matting of fresh trees How sweet, and sweeter!*

День - период менее нежный, божества на время прячутся от палящих солнечных лучей. Тем не менее, это - полные чаши света и тепла: *...rich brimmed goblets, that incessant run Like the bright spots that move about the sun. ...for all the golden bowers of the day Are empty left...*

День полон солнца, райского уюта и покоя: *...it flutters in sun-beams that shine through a fountain..., smiling day...*

И конец дня связан с положительными ассоциациями, приятными ощущениями: *...at blushing shut of day*. Умирает день не трагично, тихо и благостно: *While barred clouds bloom the soft-dying day...* Таким образом, день для Китса прежде всего ассоциируется с человеком, затем с природой - деревьями, журчащими водами, небом, облаками.

Приближение к ночной поре вызывает у поэта лирические ассоциации. Здесь снова появляется божество - Аполлон, украшающий небеса: *For as Apollo each eve doth devise A new apparelling for western skies.*

Вечер - пора спокойная: *...through the green evening quiet*, приятная: *the pleasant sun is getting low* или *...before the dusk Had taken from the stars its pleasant veil...*

Вечер напоен необычными, таинственными звуками, которые складываются в музыкальную гармонию:

the unnumbered sounds that evening store

The songs of birds - the whisp'ring of the leaves -

*The voice of waters - the great bell that heaves
With solemn sound, - and thousand other more,
That distance of recognizance bereaves,
Make pleasing music, and not wild uproar.*

Вечере все живо и сулит не тьму и одиночество, а волшебство, чудеса и новую красоту.

Естественно: что в описании ночи психология "ночного человека" находит свое наиболее яркое отражение. Метафоры выпуклы, ассоциации афористичны. Недаром одна из строк, посвященных этому времени суток, была использована Скоттом Фитцджеральдом в названии одного из романов: *tender is the night...*

Тем не менее, когнаты понятия "ночь" в поэзии Китса довольно традиционны. Это, как правило, лунный свет, в котором быют крыльями серафимы: *...or a rapt seraph in a moonlight beam...*, соловей и спящие лебеди: *...the nightingale's fist under-song; white swans that dream so quietly...*

Луна в ночи оживает, персонификация снова находит широкое применение:

*With all its diamonds trembling through and through
Of the coy moon, when in the waviness
Of whitest clouds she does her beauty dress,
And steadily paces higher up and higher...*

А вслед за луной и сама ночь, как живое, мыслящее существо, опрокидывает на мир черную чашу или, прячась в темно-серый кашпошон, крадется на цыпочках: *ere matron Night uptook Her ebon urn; How tiptoe Night holds back her dark-grey hood...*

Атрибутика ночи весьма характерна для всего творчества Китса. Это сладкое, даже медовое время: *Upon the honey'd middle of night.*

Не менее интересны ассоциативные составляющие названий сезонов. В данном случае нельзя говорить о переносности значений последних, однако и здесь прослеживаются устойчивые связи. Если весна, то непременно - вечная: *...mid that eternal spring...*

Лето - олицетворение роскоши, красоты, восторга, оно - сокровищница природы: *...he takes the head In summer luxury...* или *...the beauty crest of summer weather...* или *... the delights of summer weather.* Осень - снова богатая пора, но уже золотая: *...but let Autumn bold With universal tinge of sober gold.*

Развернутая метафора - описание прихода осени опять основана на тецентрической ассоциации - переходе солнца-Феба в созвездие Льва:

*... the sun unwillingly leaves
So dear a picture of his sovereign power,
And I could witness his most kindly hour,*

*When he doth lighten up the golden reins,
And paces leisurely down amber plains
His snorting four. Now when his chariot last
Its beams against the zodiac lion cast.*

Зима Китса в первую очередь седа: *wintry season, bare and hoary*, холодна и предвещает близкую гибель:

*In the middays of autumn, on the eves
The breath of Winter comes from far away,
And the thick west continually bereaves
Of some gold tinge, and plays a round play
Of death among the bushes and leaves.
Let not quick winter chill its dying hour.*

Сезоны, тем не менее, несмотря на традиционность ассоциирующихся с ними атрибутов, образуют весьма оригинальную темпоральную систему, которая является одной из фундаментальных характеристик картины времени Дж.Китса. Времена года у поэта складывают не месяцы, а краткие часы:

*Green-kyrtled Spring, fresh Summer, golden store
In Autumn sickle, Winter frosty hoar,
Join dance with shadowy hour...*

Сезоны для человека эпохи Китса - живые, реальные персонажи с чертами характера, особенностями внешности и судьбы.

Апофеозом гармонии временной системы Китса является уподобление года - слияния четырех сезонов - соборному кресту, вознесенному к облакам:

*... as that the year
As made of the four seasons - manifest
As a large cross, some old cathedral crest,
Lifted to the white clouds.*

Трагиком поэтом самого концепта времени не менее любопытна. Его веки в лучших традициях романтизма золотят поэты: *How many bards gild the lapses of time!* Время, подобно составляющим его часам и минутам, то бьет крыльями: *...at the beat of Time's wide wings*, то шагает по земле: *the coming step of time*, а то и ползает: *Time's creeping shall the dreary space fulfill*.

Поэт ассоциирует время, снова применяя персонификацию, с доброй нянькой, обучившей его терпению: *Time, that aged nurse, Rocked me to patience*, сам же автор ощущает себя птицей, затерявшейся в бездне времени: *Just like a bird I am in loss of time...*

Картина времени Дж. Китса, таким образом, может быть охарактеризована как "теплая", со свойственными ей когнатами: время - божество; время - человек; время - движение; время природа (астральные тела, деревья, птицы). Атрибутивные связи темпоральных номинативных еди-

ниц, как правило, положительно коннотированы. Поэтом создано ощущение благодати времени, сопричастности его чувствам человека, богатства, таинственности, полного отсутствия враждебности или противостояния. Китс опровергает знаменитый тезис И. Бродского об отсутствии у времени лишь одного свойства - красоты. В поэзии Кита еще нет того "временного пессимизма", которое вскоре появится у его преемников и разовьется в 20 столетии в мандельштамовский "век-волкодав". Время Кита - это почти Бог или живое творение природы во всем ее многообразии, буйстве красок и звуков. Темпоральные восприятия у него пока тесно связаны с системой чувственного познания мира, причем преимущественно через положительную эмпирику, существовать которой в постромантической поэзии остается уже недолго.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. (1997). Время: модели и метафоры // Логический анализ языка: Язык и время. - М. - С. 51-61.
2. Бондаренко Е.В. (1997). К методологии анализа лексического компонента языка (категория времени в "теплой" языковой картине мира) (препринт). Харьков: ХГУ.
3. Померанц Г. (1995). Выход из транса. - М.: Юрист.
4. Цофнас А.Ю. (1995). Комплементарність світогляду і світорозуміння // Філософська і соціологічна думка. Київ. - № 1-2. - С. 5-22.
5. Якобсон Р. (1996). Язык и бессознательное. - М.: Гнозис.
6. Gibbs R. (1994). The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language and Understanding. - New York: Cambridge University Press.

Источник иллюстративного материала

- Keats J. (1996) Selected Poems. - London: Penguin.

КОММУНИКАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

Геращенко Е. Д. (Харьков)

Реклама - стратегическая коммуникация (Baker 1995, Davidson 1988, Fairclough 1989), направленная на то, чтобы вызвать желаемую реакцию у потребителя. Стратегическая коммуникация противопоставляется массовой коммуникации в том, что в отличие от последней она направлена на дифференцированную аудиторию и имеет определенную коммерческую цель. В результате такого воздействия рекламного дискурса возникает противостояние между создателями рекламы и её потребительской аудиторией.

Проанализировав понятие стратегической коммуникации в работах Т. Г. Винокур (1982), Т. А. Ван Дейка (1989), Д. Таннен (1988), П. Браун, С. Левинсона (1987), мы, вслед за П. Браун и С. Левинсоном, определяем её

как направленность речевой деятельности на достижение определённых неречевых целей. В стратегической коммуникации существенно возрастает роль когнитивного фактора. Респициент в рекламном дискурсе осознаёт воздействие, инициированное рекламодателем. Он делает определённые логические выводы, которые представляют собой реализацию стратегической коммуникации (Ibid.:56). В рекламном дискурсе логические выводы реализуются в возникновении у потребителя желания приобрести тот или иной продукт. Таким образом, стратегия рекламного дискурса может быть сформулирована как воздействие на потребителя с целью породить в нём желаемую для рекламодателя реакцию - приобрести какой-либо товар.

Стратегия рекламы реализуется посредством идеологического воздействия языка (Fairclough 1989), которое с психолингвистической и прагматической точек зрения есть внедрение в сознание адресата информационных установок в режиме пониженного контроля с его стороны, что достигается специфическими типами подачи информации, "упакованной" в форму высказывания как заведомо истинное. Таким образом, стратегия закодирована в рекламном сообщении. Если она реализуется успешно, её результатом становится "захват власти" - потребитель подвергается влиянию рекламного сообщения. Но реклама может и не достигнуть желаемого эффекта. И в этом, и в предыдущем случае потребитель может как выиграть так и проиграть. Рассмотрим каждый случай отдельно.

А. Потребитель выигрывает, если рекламная стратегия неуспешна. В данном случае мы имеем дело с антирекламой, которая предотвращает покупателя от покупки. Примером может служить выпуск на рынок автомобиля "Эдзел" 4 сентября 1957 года. Для фирмы "Форд" это был день триумфа, но единственный день. Фирма рекламировала "Эдзел" как автомобиль нового типа. Но потребители не увидели в нём никакой новизны. Они также отметили недостатки дизайна, что повлекло множество шуток. Таким образом фирма стала жертвой своих чрезмерных обещаний. В 1959 году модель "Эдзел" была снята с производства. Потребители же выиграли в том, что лишились возможности его приобретения, т. е. в спешке выпустить новый автомобиль фирма "Форд" ослабила своё внимание к контролю качества и многие "Эдзелы" оказались с браком.

Б. При неуспешной рекламе потребитель также может проиграть, т. е. из-за неудачной рекламной компании вполне хорошего качественного продукта потребитель лишается возможности его приобрести. Вместо этого в нём формируется негативный стереотип относительно данного товара. Так, различия в национальном менталитете, иерархии культурных ценностей могут вызвать в разных странах различную реакцию на рекламную коммуникацию (Ромат 1997). Например, культурологическими барьерами являются следующие товарные марки вследствие своей неблагозвучности и табуированных ассоциаций:

'Blue Water' (для минеральной воды) в русскоязычных странах;
'Cue' (для зубной пасты 'Colgate') во франкоязычных;
'Nova' (для марки автомобиля) в испаноязычных.

В. Идеальным результатом взаимодействия рекламы и потребителя является случай, когда потребитель выигрывает при успешной реализации рекламной стратегии. При этом выигрыш потребителя заключается не в выигрыше в цене, качестве, престиже, удобстве. Он заставляет незаинтересованного человека обращать внимание на рекламу, обсуждать её, рассматривать рекламные проспекты и т. д. Этот выигрыш предполагает для потребителя следующие положительные эффекты:

1) удовлетворение потребности в информации как при её целенаправленном поиске так и из-за простого интереса "заглядывания в замочную скважину";

2) усиление позиций потребителя: реклама прямо или косвенно поддерживает и утверждает определённые ценности и цели самого потребителя или той социальной группы, к которой он принадлежит, например, она может убедить хозяйку дома, что она пользуется действительно качественными продуктами питания;

3) достижение эмоционального эффекта: реклама способствует реализации естественной человеческой потребности в эмоциональных впечатлениях;

4) доставление эстетических переживаний, чему особенно способствуют визуальные образы;

5) возникновение состояния комфорта в результате предыдущих ощущений (познавательных, позиционно-престижных, эмоциональных, эстетических).

Г. При успешной рекламной стратегии потребитель может и проиграть. В данном случае мы рассматриваем рекламу как результат манипуляционного воздействия на потребителя. Н. Фэклоу (1989) называет данное явление "идеологическим" проявлением рекламного дискурса. У современных социологов существует и противоположная точка зрения, которая заключается в том, что в процессе рекламного воздействия потребители выступают не пассивными реципиентами, а активными участниками данного коммуникативного процесса (Baker 1995). Баланс власти между рекламодателем и потребителем достигается за счёт процесса "социализации" - путём приобретения знаний, умений и навыков, которые позволяют человеку стать компетентным потребителем в своей культуре, обществе. Но вторая, более демократическая точка зрения, не приемлема в украинском потребительском обществе. В силу того, что рекламная деятельность только начинает приобретать определённые очертания на Украине, украинский потребитель ещё не выработал "иммунитет" на некачественную рекламу (Рубель 1998).

На данном этапе можно говорить о четырёх типах некачественной рекламы, выявленных в результате анализа рекламы в двух плоскостях: анализа мотиваций и целей рекламы, а также её степени соответствия действительности (Краско 1998):

1) передача информации, которая приводит к заблуждению и неверному знанию, например, реклама медицинских препаратов, эффект от которых гарантирован каждому;

2) передача информационной полуправды: в результате потребитель делает ошибочные выводы из достоверных фактов, например, реклама инвестиционной компании “МММ”;

3) побуждение к принятию решения в обход сознания. Приёмы прямого побуждения (использование эффекта 25 кадра) запрещены за рубежом, но в то же время широко распространены приёмы косвенного побуждения, а именно латеральное программирование (в буквальном смысле “программирование сбоку”). При этом происходит структурирование потребительских представлений, намерений, отношений и установок в интересах рекламы. Латеральное программирование навязывает человеку некие представления ранее у него не существовавшие. Оно скрыто предлагает такие средства достижения цели, которые неосознанно для человека влияют на принятие им решения. Но у человека остаётся ощущение самостоятельности принятия решения;

4) косвенное способствование возникновению у потребителя чувства вины или тревоги. Формально эта реклама направлена на защиту прав и интересов потребителя, но она его программирует, подводит к тому, что неизбежен нежелательный результат без продемонстрированного способа его предотвращения. Так, “поновлєнням кислотно-лужного балансу у роті” потребителю латерально программируется угроза кариеса, если он не вкусит определённого типа жевательной резинки.

Такая реклама не срабатывает в том случае, если потребитель распознаёт манипуляцию. Но для этого необходимо вырабатывать “иммунизированное восприятие”, которое бы позволило потребителю объективно оценивать рекламу. В рамках данной проблемы целесообразным является исследовать стратегическое воздействие рекламы.

Рассмотренные четыре варианта воздействия рекламы предполагают поиск успешной рекламной стратегии для её удачной реализации, а именно - формирование эффективной коммуникации. Предварительно должны быть чётко определены её цели, правильно выделена целевая аудитория и спрогнозирована её ответная реакция, а также верно определён канал коммуникации.

В целом стратегическая коммуникация предполагает как выигрыши так и проигрыши как потребителей так и рекламодателей. При этом важное значение имеют два фактора:

• насколько рекламодатель знаком со своей потребительской аудиторией. В зависимости от этого фактора выстраивается рекламная стратегия и способы воздействия на потребителя;

• насколько развит у потребителя "иммунитет" против манипуляционного воздействия рекламы.

ЛИТЕРАТУРА

1. ван Дейк Т. А. (1989). Язык. Познание. Коммуникация. - М.: Прогресс.
2. Краско Т. И. (1998). Человек и реклама: выигрыши и проигрыши // Маркетинг и реклама. - №11 - 12 - С. 46 - 52.
3. Ромат Е. В. (1997). Схема рекламной коммуникации // Маркетинг и реклама. - №10 - С. 11 - 13.
4. Рубель К. В. (1998). Основные черты украинского менталитета и их учёт в системе маркетинговых мероприятий // Маркетинг и реклама. - №3 - С. 33 - 36.
5. Baker J. Michael. (1995). Marketing: theory and practice. - London: Macmillan.
6. Brown P., Levinson S. (1987). Politeness. - Cambridge: Cambridge University Press.
7. Davidson H. (1988). Offensive marketing. - London: Longman.
8. Fairclough N. (1989). Language and power. London: Longman.

ЭВФЕМИЗМЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Говердовский В.И., доктор филол. наук (Харьков)
Радченко И.Б. (Харьков)

В последнее время сфера исследования коннотации в лингвистике значительно расширилась.

К настоящему времени в лингвистике выделены с достаточной четкостью группы лексических коннотаций, существование которых обусловлено различными причинами: ситуативно-психологическими - коннотации ироничности, эвремистичности, мелиоративности, пейоративности, усиления; социально-лингвистическими - коннотации жаргонистичности, разговорности, книжности; собственно языковыми - коннотации новизны, иноязычности, архаистичности, терминологичности; локальными - коннотации диалектности; культурными - коннотации идеологичности и культуры (Говердовский 1997).

В данной статье мы ограничимся исследованием коннотации эвфемистичности на примерах английского языка.

Поведение людей подчиняется определённым правилам. Среди этих правил есть нормы, свойственные всему человечеству, или группам культур, объединяемым в тот или иной тип цивилизации или национальным культурам (на этом основаны стереотипы поведения, например, "типичного англичанина", "типичного француза" и т. д.), а также субкультурам и социолектам (к ним относятся поведение и стиль жизни студенческой молодёжи, представителей среднего класса и т.д.) или отдельным людям (эти нормы составляют неповторимый личностный узор человеческих поступков и мнений). Специфические нормы поведения проявляются в стиле жизни речевого коллектива и поэтому находят отражение в словарях.

В каждой культуре есть некоторое число понятий, находящихся под запретом, их не полагается упоминать, во всяком случае, не полагается называть прямым словом, хотя последнее, как правило, существует и известно всем. Старое прямое наименование предмета или явления вызывает негативную эмоцию: страх, стыд или отвращение. Новое косвенное наименование нейтрализует эту эмоцию и в этом заменяющем слове возникает коннотация эвфемистичности.

Каждый человек может красноречиво выразить свою мысль, используя "свой" словарный запас, выбирая выражения доступные как ему, так и слушателю. Хотя слово в системе языка обладает четко фиксированным словарным значением, в конкретном акте речи это значение претерпевает модификации. Каждое новое употребление слова есть новое слово, говорил А.А. Потебня. Эта мысль Потебни вырастает из природы коннотации. Уникальность значения слова в каждом новом употреблении зависит от участия субъективных моментов. „Проблема коннотации как субъективного компонента семантики особенно тесно связана с человеческим фактором в языке, а именно с тем, что человек, жизнь и деятельность которого протекает [...] в конкретном социуме, ассоциирует все познаваемое в заданных координатах и с позиций самопознания прежде всего" (Телия 1986). Изучая язык, мы открываем для себя гигантскую лингвистическую систему. Сейчас не существует языка, да и тяжело предположить, что мог бы быть, в котором примитивный словарный запас, или сама его структура препятствовала естественному выражению мысли. Ярким доказательством этому служит большое количество эвфемизмов, которые даже разрешают такую проблему как культуру речи, мягкость высказывания.

„Эвфемизмы – эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными" [БСЭ с.590]. Другими словами эвфемия – это есть средство избежать прямого наименования всего, что способно вызвать негативные чувства. По мнению некоторых авторов, в частности Д.К.Зеленина, достаточно лишь уменьшительного суффикса, прибиваемого к старому наименованию,

чтобы придать слову значительное эвфемистическое звучание: смерть – смертушка, крыса – крыска. В английском языке суффикс *-y, -ie*: auntie-тетушка, daddy-папочка, lassie-милочка, doggy-собачка, birdie-птичка и др. Однако, не всегда возможно избежать грубости, неприличия прибавлением уменьшительного суффикса, и тогда мы используем эвфемизмы.

При возникновении и употреблении эвфемизмов преобладает социальный, либо психологический фактор. Есть эвфемистические наименования, относящиеся к сфере пороков (пьянства, лживости и т.д.): *three sheets in the wind* (три шкота на ветру), *juiced*, *glorious* (славный) в значении “пьяный”, *to misinform* (дезинформировать) в значении “лгать”, к сфере преступлений и их последствий: в значении “убить” – *to send to glory* (отправить к славе), *to shift*, в значении “украсть” – *to pinch* (ущипнуть) *to abstract*, в значении “посадить в тюрьму” – *to put away* (убрать), в значении быть “бедным” – *to be in Queer Street* (оказаться на Странной улице), к некоторым профессиям: в значении “мойщик окон” – *glass maintenance engineer* (инженер по поддержанию стёкол в порядке), “уборщик мусора” – *sanitation engineer* (инженер по санитарии) вместо *garbage collector* (уборщик мусора), увольнение рабочих ныне именуется *rationalization or reorganization of enterprise redundancy* вместо *unemployment*.

В английском языке можно выделить особую группу эвфемизмов – наименований сильных эмоций, что, несомненно, связано с английской национальной чертой – сдержанностью в проявлении чувств. Характерным эвфемизмом такого рода можно назвать употребление Лоуренсом Монтом – персонажем “Саги о Форсайтах” Дж.Голсуорси выражение *cerebral agitation in connection with women* (мозговое волнение в связи с женщинами) в значении половое влечение. Далее, в английском языке косвенное наименование сверхъестественного: *by George, goodness, goodness gracious, dickens* гораздо более употребительны, чем в других языках, что объясняется причинами исторического характера, а именно риторическими запретами церкви в XVII в. на произнесение имён бога и чёрта.

Особый интерес представляют эвфемизмы, в основе которых лежат те или иные реалии. Англичане используют выражение *to be married at Finglesham church* (пожениться в Финглсхемской церкви) в значении “жениться незаконно”. В Финглсхеме не было церкви, и влюблённые встречались в меловом карьере.

Происхождение английского оборота *in the straw* (в соломе) в значении “беременная” связано с обычаем класть солому перед домом роженицы, чтобы её не беспокоил проезжающий транспорт.

Особого внимания заслуживают эвфемизмы с иронической коннотацией. В лингвистической литературе нередко эвфемизацию связывают с иронией Э.Партридж, Х.Шройдер, Ч.Кейни. Иронический компонент

особенно свойствен сленгизмам, в которых общепринятое отношение к денотату не отвергается грубой и циничной прямотой высказывания, а приобретает эмоциональное наслоение – шутливость, пренебрежительность и т.п. Ныне в английском языке широко распространён иронический эвфемизм *to enjoy her majesty's hospitality* (пользоваться гостеприимством её величества) – т.е. “сидеть в тюрьме” или *to kick the bucket* – “сыграть в ящик”, *goldenager* (от *golden* (золотой) + *age* (возраст) + суффикс – *er*) – “старик”, можно назвать *senior citizen* (гражданин старшего возраста), *sun trap* (ловушка для солнца) – “задний двор”.

Эвфемистический вокабуляр постоянно пополняется, это объясняется стремлением говорящих устранить впечатление от грубых и резких слов, которые пополняют словарный состав английского языка с ещё большей скоростью, чем эвфемизмы. Возникновение вулгаризмов и эвфемизмов – взаимозависимый процесс. Будучи по природе психологическим (ассоциативным) феноменом, коннотация эвфемистичности характеризует личность говорящего и поэтому возникновению эвфемизма в каждом конкретном случае предшествует психологический фактор. В.Н. Телия пишет: “... проблема коннотации ... тесно связана с человеческим фактором в языке... человек... ассоциирует всё познаваемое в заданных координатах и с позиций самопознания прежде всего.”

В словарном составе любого языка можно без труда обнаружить слова с эвфемистической коннотацией: *intoxicated* вместо *drunk* (пьяный), *perspiration* вместо *sweat* (пот), *flipping* (от *to flip* – щёлкать, ударять слегка) вместо *confounded* (проклятый), *conflict* вместо *war*, *big C* (буквально большое C от *cancer* – рак) вместо *cancer*, *pacification* (умиротворение) вместо *killing* (массовое убийство людей), *in nature's garb* (в одеянии природы) – в голом виде, *knight of the cleaver* (рыцарь ножа) – “мясник”.

Ряд новых эвфемизмов, относящихся к области взаимоотношений мужчин и женщин, включающей преимущественно половую сферу, используется главным образом в публикациях, например в периодической литературе. К ним можно отнести: *serious offence* (серьёзное оскорбление) либо *fate*, в значении *rape* (изнасилование), *butterfly in need of mounting* (бабочка желающая приземлиться) в значении “женщина ищет спутника жизни”. Выражение *if anything should happen to me* (если что-либо со мной случится) по свидетельству английских авторов, стало привычным последнее время в объявлениях страховых компаний. Рассмотрим ещё несколько новых эвфемизмов: слово *hat* имеет несколько денотативных значений: шляпа, надевать шляпу, в переносном значении *hat* означает “кардин. сан”, как эвфемизм *hat* означает “взятка” (датируется 1971 г. из выражения *buy yourself a hat* – (купи себе шляпу), которую произносят предлагая взятку). Английское слово *juice* имеет несколько денотативных зна-

чений 1) сок, 2) сущность(чего-либо) 3) бить током. В разговорном английском *juice* употребляется в значении “электроэнергия”, “бензин”. Как эвфемизм *juice* употребляется в значении “алкоголь”, “*juicer*” – “пьяница”. В значении “курильщик марихуаны” – *acid-head*, *pill-head*, *pot-head*, *skin-head* (второй компонент этих образований полусуффикс – *head* с агентивным значением. В качестве первого используется *acid* (кислота), *pill* (пилюля), *pot* (горшок), *skin*(кожа). В книге Дж. Лоуренса находим другие примеры новообразований: *correctional therapeutic communities* (исправительные терапев. сообщества) в значении *prisons* (тюрьмы), *custodial officer* (офицеры охраны) – *prison guards* (тюремные надзиратели), *people enjoying temporarily hospitality from the state* (люди, пользующиеся временным гостеприимством у государства) – *prisoners* (заключённые), *Broadmoor patients* (пациенты Бродмора) – *criminal lunatics* (душевнобольные преступники), *short-life property* (недолговечная собственность) – жильё в трущобах.

Под влиянием одного из своих значений слово в целом оказывается как бы заражённым вирусом непристойности, неприличия. Английское *intercourse* в широком смысле означает “общение”, “связь”, в узком – “половая связь”. Это последнее значение влияет на слово в целом, заставляет воздерживаться в его употреблении даже тогда, когда речь идёт о безобидном характере связи, о переписке, об отношениях между социальными группами. “*Mistress*” с приобретением значения “любовница” становится неудобным произносимым для обозначения хозяйки дома, т.е. в совершенно безобидном значении.

Вот почему, при изучении коннотации эвфемистичности важно обращать внимание на психологический мотив говорящих, несмотря на то, что коннотация стремится стать общей для всех. С течением времени происходит сближение ассоциата с денотатом в семантической структуре эвфемизма с сопутствующей утратой ассоциатом позитивной коннотации, что является следствием длительного и интенсивного использования эвфемизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Говердовский В.И.(1989). Коннотемная структура слова.-Харьков.
2. Телия В.Н.(1986). Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука.

Словари

1. Большой Энциклопедический Словарь.Языкознание.(1998).- М. с. 590.
2. Гальперин И.Р. (1988). Большой англо-русский словарь. М.
3. Трофимова З.С. (1993). Словарь новых слов и значений. Павлин.
4. Barnhart C.L. (1980). The Barnhart Dictionary of New Endlish. London.
5. Lawrence J. (1973). Unmentionable and other euphemisms. London.

ПРОБЛЕМА ПРИСОЕДИНЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

*Дмитренко В.А. канд. филол. наук,
Богдан В.В. (Харьков)*

С поворотом современной лингвистики к изучению не изолированных единиц текста, а к их глубокой комплексной оценке, заметно возрос интерес исследователей к элементам, являющимся составными частями текста. В частности, большое внимание исследователи уделяют изучению сверхфразового единства (СФЕ) и его конstituентов. Большинство ученых (В.А. Белошапкова, М.Я. Блох, Л.И. Бурак, В.В. Виноградов, Г.Ф. Гаврилов, В.И. Запорожцев, Е.В. Литвиненко и др.) справедливо широко рассматривают явление присоединения. Некоторые из них выделяют союзные присоединительные конструкции в особую группу, уточняя их функции и отделяя их как от синтагм на уровне предложения (вводных конструкций, обособлений, приложений), так и на уровне текста (парцелляции, а также других типов присоединения) (Дмитренко 1987: 17). Интерес к присоединительным конструкциям (далее – ПК) с союзной связью обусловлен тем, что данные единицы широко распространены в европейских языках и их всестороннее изучение поможет выявить механизмы соединения отдельных предложений в СФЕ, а также функционирование данных единиц в процессе речевого общения.

Как и многие исследователи (Е.А. Реферовская, (Реферовская 1983) В.Л. Ринберг (Ринберг 1987)), под союзной ПК мы понимаем текстовую структуру, разделенную чаще всего точкой (иногда многоточием, вопросительным или восклицательным знаками) и состоящую из двух частей – основополагающей, или стержневой, самостоятельной части, и зависимой, присоединяемой части. При этом вторая часть присоединяется к первой с помощью союза как сочинительного, так и подчинительного. Причем, в этом случае данные союзы уже выступают в роли присоединительных. При этом структурно-семантические функции сложносочиненных предложений (далее ССП) и их союзов и ПК с сочинительной связью довольно подробно прослежены у целого ряда авторов (М.Т. Гайбова, В.А. Дмитренко, М.В. Карпенко, Е.А. Реферовская, В.Л. Ринберг и др.), в то время как ПК с подчинительной связью уделяется гораздо меньше внимания. А ведь роль последних структур в организации текста не менее важна, а их стилистические возможности так же обширны.

Подобно тому, как лингвисты выделяют формальную структуру ССП и ПК (Дмитренко 1987: 17), можно выделить и составные части сложного предложения и ПК с подчинительной связью, что доказывает их стабиль-

ность и объективное существование. Рассмотрим структуры сложноподчиненного предложения (далее СПП) и ПК с подчинительной связью на примере англоязычных текстов.

1. The boys pull on casual clothes, eager to get their day with Mummy underway. They know she likes them to wear identical outfits – which they hate. ("New Idea")

2. Helmut couldn't cover the short distance to the village to warn them, couldn't sound the alarm, and buy time to disperse the young and the ancient into the forest. Because – he gritted his teeth – if he did warn them they would only ask what he had been doing up on Wreckers' Point. (Charles Davidson)

Из примера 1 видно, что формула СПП может выглядеть следующим образом:

[(ПЕ1) <— (пс —> ПЕ2)], где ПЕ – предикативная единица, пс – подчинительный союз, который, взаимодействуя с обеими частями СПП, неразрывно связан с его второй частью. Формулу ПК (пример 2) можно представить следующим образом: [(ОВ) <—> (со —> ПЧ)], где ОВ – основополагающее высказывание, со – присоединительный союз, а ПЧ – присоединяемая часть (в данном примере и во всех последующих компоненты ПК будут подчеркиваться).

Как и у структур с сочинительной связью, в СПП и ПК центральную роль играет анафорический союз, в данном случае подчинительный, который объединяет основополагающее высказывание и присоединяемую часть в "единое структурно-коммуникативное целое" (Дмитренко 1996: 44).

При этом следует согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что вторая (присоединяемая) часть ПК играет далеко не второстепенную роль. С.Е. Крючков отмечал, что "при присоединении второй элемент возникает в сознании как бы в самом процессе высказывания, дополнительно [...]" (цит. по Реферовская 1983: 15). Это означает, что в ней сообщается какая-то дополнительная информация, пришедшая в голову говорящему в последний момент. Однако это отнюдь не означает, что эта информация незначительна или второстепенна. Как доказывается в наших исследованиях, нередко как раз во второй части ПК передается основная, существенная мысль. Следовательно, она не менее важна, чем первая часть. Поэтому, вряд ли правомерна общепринятая точка зрения, что первая часть – это основное по смыслу высказывание. Только обратившись к контексту можно сказать, какая из двух частей ПК несет большую информативную нагрузку. Отсюда, более точным было бы назвать первую часть ПК "основополагающим высказыванием", т.е. компонентом, который является причиной, предпосылкой для возникновения второй, присоединяемой части (Дмитренко 1987: 17). ПК всегда состоит из этих двух составных частей. Мнение об однокомпонентном составе небе-

известно, но с ним никак нельзя согласиться по той простой причине, что семантика второй части подчинена первой. Поэтому, основополагающее высказывание всегда автосеманлично, а присоединяемая часть – синсеманлична и без первой части вторая невозможна и теряет свой смысл.

3. None could allow his foot to slip from a brake or press an accelerator beyond certain point; eyes had to be squinted, sharpening the focus, alert for a sudden stop or an unexpected curve in the darkness. (OB)

For it was darkness. (ПЧ) (Robert Ludlum).

Несмотря на то, что обе части ПК разъединены “значительным” знаком препинания (точкой, вопросительным, восклицательным знаками или многоточием), которые формально завершают высказывание, присоединительный союз (как сочинительный, так и подчинительный) их связывает семантически, т.к. присоединяемая часть, возникающая в процессе говорения или сразу после него, является продолжением мысли, зачастую не менее важной, чем та мысль, которая выражена в основополагающем высказывании. Значит, в ПК союз не может обладать парцеллирующим, т.е. разделительным, свойством, (что, впрочем, видно из названия конструкции – присоединительная). В этом и проявляется диалектическая природа союзной присоединительной конструкции.

Нельзя не заметить, однако, что при внешнем сходстве (из-за союза) СПП и ПК – это не одно и то же явление. Общее у них то, что, как было сказано выше, подчинительные союзы соединяют в единое целое предикативные единицы СПП как по форме, так и по содержанию, а присоединительные союзы – в ПК. Парцелляция знаком препинания является чисто условным формальным моментом. Однако, как отмечает В.Л. Ринберг (Ринберг 1987: 15) и ряд других лингвистов, это не может служить поводом к отождествлению этих двух текстовых единиц. Как уже говорилось выше, ПК часто не отграничивают от других языковых единиц. Вероятно, это связано с тем, что ее присоединяемая часть может иметь форму не только сложного предложения, но и его предикативной части или члена предложения.

4. “No, I didn’t!” Bernie clutched at his hair. “Mercy! If he did stay here...” (J.H.Chase)

5. “Everybody ignored him. The only thing Christianson had for him was that he had the captain’s ear. Which did them no good at all.” (Harry Harrison, Jack C. Haldman II)

Говоря об отличиях СПП и ПК с подчинительной связью нельзя не отметить ту же тенденцию, которую обнаружили исследователи, занимающиеся проблемами присоединения с сочинительной связью: в СПП тоже “наблюдается короткая [...] пауза перед союзом, нерасчлененная мысль, в то время как у ПК – более долгая присоединительная пауза перед со-

юзом, расчлененная мысль” (Дмитренко 1987: 8). Кроме того, нельзя не учитывать того факта, что ПК подчинена строгому порядку компонентов: на первом месте – основополагающее высказывание, а присоединяемая часть – на втором. В ССП или СПП отсутствует такая строгая фиксация компонентов и иногда возможна их перестановка. Следует отметить, что, хотя ПК и состоит из двух частей, она является открытой структурой и ее присоединяемая часть может состоять из нескольких высказываний:

6. I'll sit with my back to the wall. If he starts anything in there, we'll have him. If he doesn't, I'll walk from the restaurant to the Gaumont cinema. If still nothing happens, I'll walk on the Mikes' bar at the back of the Florian.” (J.H. Chase)

Как видим, формальное построение ПК с подчинительной и сочинительной связью аналогично. Следовательно, присоединительные союзы “являются константой присоединительной конструкции, главным компонентом ее структуры” (Дмитренко 1987: 6), а ПК представляет собой особую единицу, отграничиваемую от других, сходных с нею структур. “Выделение ПК только на основании психологических, семантических и логических критериев важно, но [...] во многом субъективно” (Дмитренко 1987: 6).

Не менее интересны СПП и ПК с точки зрения их семантических особенностей. Как указывалось выше, части данных структур объединены союзом в единое структурно-синтаксическое целое. При этом, в отличие от ССП и ПК с сочинительной связью, в структурах с подчинительной связью союз, взаимодействуя с обеими частями данных структур, обязательно принадлежит ее второй части.

В плане обратимости или необратимости компонентов СПП и ПК приходим к выводу, что СПП могут быть как коррелятивными, так и некоррелятивными, а ПК – только некоррелятивными структурами. У коррелятивных СПП возможна перестановка составных частей местами, не меняющая смысла высказывания, однако, в ПК не наблюдается симметрии составных частей: т.е. вынести присоединяемую часть в препозицию и присоединить к ней основополагающее высказывание тем же союзом без ущерба для семантики невозможно:

7. JAMES (pleasantly): Why is she able to get anything she wants out of you? When I can't. (William Gibson)

ПК являются структурами неукладочного типа. Значит, их компоненты не могут полностью семантически состыковываться.

8. “Good-bye. May God go with you.”

“If he chooses.” (Robert Ludlum) (т.е. здесь *he* в ПК – не God).

Поэтому, исходя из вышесказанного, некоррелятивные ПК подчинены строгому порядку следования своих составных частей: основополагаю-

щее высказывание (первая часть) находится в препозиции, а присоединяемая (вторая часть) – в постпозиции.

Рассматривая вопрос укладочности – неукладочности структур с подчинительной связью, нужно отметить, что большинство этих ПК относится к укладочному типу, их части близки в семантическом плане, дополняют друг друга и, поэтому, легко преобразуются в СПП.

При этом нужно особо подчеркнуть роль второй части СПП и ПК, которая, как и при сочинительной связи, нередко является “семантическим центром, определяющим в тексте смысловую структуру всего синтаксического целого, а также его прагматическую нагрузку” (Дмитренко 1987: 8).

При анализе вторых частей СПП и ПК помимо подчинительных союзов встречаются довольно часто союзные слова, междометия, наречия, которые способствуют определению пропозициональных значений данных структур. Данные релятивы конкретизируют союзы, способствуют определению различных значений (например, уточнения, дополнительной информации и др.). При реализации значения уточнения в СПП и ПК нередко используются вопросительная форма предикативной единицы, а также члены предложения, предполагающие вопрос. Значение же дополнительной информации передается с помощью релятивов в структурах повествовательных отрезков СПП и ПК, например:

9. “Where shall we go?”

“There’s Lodoni. It’s a little expensive, but the food’s marvelous: that is if you like sea food.” (J.H. Chase)

10. Hadn’t Rambette said they killed two of the aliens within the ship? If two, why not three? Four? A hundred? (Harry Harrison, Jack C. Haldeman II.)
Потенциальные возможности ПК с подчинительной связью, безусловно, велики и далеко не исчерпываются затронутыми в этой статье проблемами. Требуют дальнейшего исследования и описания вопросы тождественности – нетождественности ее лексико-грамматических форм, стилистических функций и др., что позволит всесторонне исследовать явление присоединения с помощью союзной связи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитренко В.А. (1987). Структурно-семантические особенности и функции сложных предложений и присоединительных конструкций с сочинительной связью (на материале английских диалогических текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса;
2. Дмитренко В.А. (1996). Стилистические функции присоединительной конструкции с сочинительной связью в английском языке // Вестник ХГУ. – вып. 386 – Харьков. – С. 44-48;
3. Реферовская Е.А. (1983). Лингвистические исследования структуры текста. – Л.;
4. Ринберг В.Л. (1987). Конструкция связанного текста в современном русском языке. – Львов.

ДВУХФРАЗОВЫЕ ТЕКСТЫ С ПСЕВДОДЕФИНИЦИЕЙ

Ейгер Г.В., доктор филол. наук

Григорьева Л.М., канд. филол. наук (Харьков)

“Словари немецких сокращений” оказывают помощь переводчикам и читателям современной немецкой литературы, отражающей самые различные области науки, знаний и общественно-политической жизни Федеративной Республики Германии, Австрии, Швейцарии и других немецкоязычных стран. Трудно себе представить журнальную или газетную статью, где не было бы сокращений. Причем широкое распространение получили не только немецкие, но и иноязычные аббревиатуры. Ни один словарь не может претендовать на исчерпывающую полноту толкований сокращений, так как процесс создания новых аббревиатур совершается непрерывно: “Abkürzungen schießen ins Kraut. Überall Wildwuchs. Und keiner versteht, was sich hinter den Kürzeln verbirgt” (Müller-Remscheid 1989:3).

В этой ситуации закономерным является появление оригинальных сборников новых (комических и сатирических) интерпретаций старых сокращений, задача которых заключается не только и не столько в том, чтобы выявить предметно-логическую сущность объектов, сколько в том, чтобы вскрыть этическую значимость явлений, раскрыть их новые стороны или перспективы в их познании, а также передать авторское эмоциональное отношение. Отсюда субъективность в выдвигании “сущностного” признака определяемого предмета, неожиданность, оригинальность сопоставлений, сопряженных, как правило, с нарушением требований нормативно-логических определений. Юмор и сатира, пародия, краткость и связанная с ней информационная плотность, пуантированность - вот далеко неполный перечень черт, присущих юмористическим расшифровкам.

Рассмотрим следующий пример:

DDR - Die Dümsten Regieren (Deutsche Demokratische Republik)

Официальная расшифровка этой аббревиатуры всем известна, а юмористическая псевдодефиниция носит иронический характер. Аббревиатура с псевдодефиницией может быть легко развернута в следующий специфический двухфразовый текст:

Weißt du, was die DDR bedeutet? Die Dümsten Regieren!

Т.е. вместо ожидаемого ответа *die DDR* приводится “подлинный” ответ неизвестного автора, так называемый пуант. Аналогично:

VB - Volksbetrug (Völkerbund)

В таких текстах содержится по сути два определения: стандартное и нестандартное: первая часть анализируемых текстов юмористических

интерпретаций сокращений представляет собой стандартную дефиницию сокращений, а вторая - юмористическую, имеющую фольклорный источник. В качестве своеобразного городского фольклора такие тексты не чужды и славянскому фольклору, например:

ВКП(б) - Все кончится погромам большим

СНВ - Служба, которая не занимается спасением тех, кто уже под водой (Спасение на водах)

Салями - Колбаса с солями

Этот весьма своеобразный вид сжатых двухчастных текстов изучен еще недостаточно, и в лингвистической литературе отсутствует их системный анализ. Более того, существуют большие расхождения уже в терминологии, используемой при анализе различных типов и видов сокращений (Алексеев 1963, Борисов 1972, Волошин 1966, Сегаль 1964, Мизецкая 1998).

Подробное изучение сокращений и их псевдодефиниций, учитывающее процессы их производства и восприятия, контекст коммуникации и их характеристики, может привести к новому пониманию ряда явлений: многие факторы и условия производства текстов могут быть эксплицитно соотнесены с различными структурными характеристиками этих текстов. А поскольку ведущей экстралингвистической характеристикой сжатых юмористических текстов является лаконизм, автосемантичность, модальность, антропоцентричность, забавность (Швачко, Кобякова, Лещенко 1997), такие тексты, являясь базовыми для построения развернутых текстов большего объема, важны для изучения механизмов строения и развертывания текста, что позволяет приблизиться к пониманию сущности текста вообще.

Если в однофразовых текстах необходимо для передачи всей информации выстраивать одну цепочку различной длины и структуры для разных текстов, то двухфразовые тексты в отношении квантования информации обладают своей спецификой (Более подробно см. Григорьева 1996).

Между значением сокращения и его юмористической расшифровкой может существовать определенная связь, в которой выражается отношение автора к соответствующему денотату, в основном, как правило, отрицательное:

AKW - Akute Katastrophenwahrscheinlichkeit (Atomkraftwerk)

BASF - Brutaler Ausstoß von Schadstoffen und Fehlinformationen (Badische Anilin- und Sodafabriken)

Сокращения, образованные от иностранных слов, могут также служить материалом для юмористических расшифровок с отрицательной оценкой:

q.e.d. - quatscht ewig dazwischen (quod erat demonstrandum = was zu beweisen wäre)

UPI - *Ursache politischer Intoleranz (United Press International)*

Ярко выраженное отрицательное отношение автора не является, однако, обязательным компонентом псевдодефиниций:

ОМО - *Opa mag Oma (Waschmittel)*

vgl. - *Viel Glück (vergleiche)*

Юмористическая дефиниция не обязательно тесно связана с денотатом, выраженным сокращением. Такая связь может и вообще отсутствовать:

AL - *Armleuchter (Alternative Liste)*

atü - *alles total überflüssig (Atmosphärendruck)*

i.d.F. - *in die Fresse (in der Fassung)*

Ряд сокращений является исходным материалом для появления нескольких юмористических расшифровок:

GmbH - *Girl mit bemerkenswertem Hintern; Gaunerei mit behördlicher Hilfe (Gesellschaft mit beschränkter Haftung)*

GV - *Gefährliches Vergnügen; Geschlechtsverkehr (Gesetzlicher Vertreter)*

В таких дефинициях используются близкие по значению слова, а их структуры являются идентичными:

Kfz - *Kavallerie für Zivilisten; Kraft für Zwerge (Kraftfahrzeug)*

K.u.k. - *Kind und Kegel; Krank und kaputt (kaiserlich und königlich)*

Однако по содержанию не все слова дефиниций соотносятся с аббревиатурой, и часто встречаются разноструктурные расшифровки одного и того же сокращения:

DM - *Der Mammon; DoofMann; Du Mistkerl (Deutsche Mark)*

SWF - *schon wieder falsch; so was Feines; Schwarzwaldfrust (Südwestfunk)*

Число подлинных аббревиатур, рассматриваемых в юмористическом словаре, составляет большинство, поскольку форма здесь уже задана, и ей можно найти любое содержание в соответствии с креативными способностями автора. Особым видом юмористических дефиниций является расшифровка обычных кратких слов, которые рассматриваются как сокращения, хотя таковыми не являются:

LIEBE - *Leichtfertige Illusion Eines Beschwipsten Ehepaars*

MAN - *Machen Alles Nach; Mist aus Nürnberg (Maschinenfabrik Augsburg-Nürnberg)*

MAUS - *Ministerium für Arbeit, Umwelt und Soziales*

Таким образом можно расшифровать практически любое слово, но особой популярностью пользуются фамилии известных политических деятелей и географические названия:

Горбачев - *Граждане, обождите радоваться: Брежнева, Андропова, Черненко еще вспомните!*

Kohl - *Kann ohne Hirn leben*

МЕККА - *Middle East Koran Keeper Association*

Процесс создания юмористических дефиниций для обычных слов более сложен: при этом автор не только придумывает необычную интерпретацию, но и сам подыскивает необходимое для этого слово и ситуацию. Поэтому и число соответствующих статей в юмористическом словаре невелико.

Имена конкретных лиц широко используются и в самих юмористических расшифровках:

SEX - Sokrates ehelicht Xanthippe

ÖBB - Örtliche Brigit Bardot; Ökologisches Big Busines (Österreichische Bundesbahnen)

Преобладающее количество юмористических определений для немецких сокращений составлено и составляется на немецком языке. Но иностранные слова или аббревиатуры из букв или цифр могут расшифровываться и на английском языке:

NC - No Chance (Numerus Clausus)

NASA - Not Approved Safe Arrival (National Aeronautics and Space Administration)

00000 - toilet out of order

Псевдодефиниции могут быть выражены различными языковыми структурами, среди которых наиболее часто встречаются:

1) Сложные слова:

Habil. - Halbbildung (Habilitation)

MP - Modepüppchen (Maschinenpistole)

2) Предложные группы:

TROPI - Trotz Pille (Ungewollte Schwangerschaft)

z.K. - zum Kotzen (zur Kenntnisnahme)

3) Различные словосочетания, например:

а) согласующиеся определения, в том числе и развернутые:

EV - Erste Verführung (Einstweilige Verfügung)

nukl. - nacktes unzüchtiges kleines Luder (nuklear)

б) несогласующиеся определения в родительном падеже:

ADAC - Ansammlung durchgedrehter Autobahn -Chaoten (Allgemeiner Deutscher Automobilclub)

Некоторые определения, входящие в состав словосочетаний, представляют собой грамматические пометки:

qkm - Quatschkopf, männlich (Quadratkilometer)

в) предложные определения:

IKEA - Imitationen von Kiefer, Edeltanne und Ahorn (Möbelanbieter aus Schweden)

REWE - Regenwürmer in Weckgläsern (Lebensmittel- Kette)

г) приложения:

FBI - Franz Beckenbauer Imperator (Federal Bureau of Investigation)

GO - Geliebter Otto (Gebührenordnung)

OWG - Onkel Willis Grab; Otto Waalkes Geburtstag
(Ordnungswidrigkeitengesetz)

д) предикативные определения:

TV - total verblödet (Television)

и.а. - unglaublich anmaßend (unter anderem)

е) спаренные словосочетания, преобладают разговорно-диалектные формы:

exkl. - extrem kleinlich (exklusiv)

j.w.d. - ganz weit draußen

4) Однородные члены предложения разных типов с союзом и без него:

ff - fix und fertig (sehr fein)

GEW - Gas Elektrizität Wasser (Gewerkschaft Erziehung und Wissenschaft)

incl. - intelligent, naturlieb, charmant, leidenschaftlich (inclusive)

При этом одним из однородных членов псевдодефиниции может быть словосочетание, а другим - слово, как простое, так и сложное:

DDT - Dämlicher Dorftrottel; Druck & Durch Tod

(Umweltgift = Dichloriphenyltrichlormethylmethan)

PEN - Prominente Epigonen und Nullitäten (International Association of Poets, Playwrights, Editors, Essayists and Novelists)

5) Предложения, например:

а) повествовательные:

RGO - Rumpelstilzchen grüßt Otto (Reichsgerichtsordnung)

QbA - Qualität braucht Anerkennung; Qualm beim Abprotzen
(Qualitätswein bestimmter Anbaubereiche)

Допустимы высказывания, выражающие отдельные конкретные ситуации:

EKD - Einer Kam Durch (Evangelische Kirche Deutschlands)

Для многих предложений характерно опущение подлежащего:

i.e. - ist egal (im einzelnen)

б) фразы разговорного типа с сокращенной структурой:

ADM - Ab durch die Mitte (Allgemeiner deutscher Musikverein)

ADN - Auch das Noch (Allgemeiner Deutscher Nachrichtendienst, DDR)

в) ритуальные фразы:

cbm - ciao, bis morgen (Kubikmeter)

HB - Herzliches Beileid; HochBett (Zigarettenmarke)

г) универсальные высказывания, пословицы, афоризмы и т.д.:

Edeka - Ein dummer Esel kauft alles (Einkaufsgenossenschaft deutscher Kolonialwaren- und Lebensmitteleinzelhändler)

GAU - Gott Ahndet Unbelehrbarkeit (Größter Anzunehmender Unfall)

HH - Herr, Hilf! Hammelherde (Autokennzeichen Hamburg)

Logo - Lobet Gott (logisch; Wortbildmarke)

Ufo - Unsinn findet Ohren (unbekanntes Flugobjekt)

В некоторых случаях пародируются клипше, в том числе цитаты из известных произведений:

NSDAP - Nur solange die Affen parieren; Nous Sommee Des Allemands Primitifs (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei) (Ср.: Nur so lange der Vorrat reicht)

VDE - Verdammte dieser Erde (Verband deutscher Elektroingenieure)

Сама фраза-псевдодефиниция может также представлять собой определение:

Kominform - Knaus-Ogino-Methode ist notdürftige Fickschusterei ohne Risiko-Minimierung (kommunistisches Informationsbüro)

д) побудительные предложения:

BKA - Bitte Keine Anrufe! (BundesKriminalAmt)

Встречаются юмористические определения, состоящие из двух и более побудительных предложений:

KapSTDV - Komm, alter Penner, stoß Deine Verlobte! (Kapitalertragssteuerdurchführungsverordnung)

Несколько побудительных фраз, особенно разговорно-диалектных, значительно усиливают юмористическую расшифровку:

STUFFz - Stöhn! Uff! Zoing!!! (Stabsunteroffizier)

е) высказывание-предупреждение:

Vopo - Vorsicht, Pollenflug (Volkspolizist)

HAG - Hab' Acht, Genosse (Kaffee)

ж) фразы, выражающие обращения:

INRI - Ihr NeuReichen Ignoranten (Jesus Nazarenus Rex Judaeorum)

з) Игра слов, основанная на паронимии или рифмах:

Dr.h.c. - Doctor honoraris cassa (Doctor honoris causa)

EM - Euer Merkwürden (ср.: Ehrwürden) (Europameisterschaften)

IH - Ihre Hohlheit; Impotenter Hahn (Ihre Hoheit)

IOK - Input Output Kaputt (Internationales Olympisches Komitee)

TASS - These, Antithese, Synthese, Schmelzkäse

Игра слов используется для намеренного создания комического эффекта, поскольку она непосредственно связана с эффектом обманутого ожидания.

и) ситуативный юмор:

AEG - Auspacken - Einschalten - Gehnicht (Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft)

Таким образом, псевдодефиниции представляют собой творчество, в котором используется богатый арсенал лингвистических и прагмалингвистических средств. Рассмотренные тексты не накладывают ограничения на использование языково-стилистических средств комического, но

основным и обязательным, как уже указывалось выше, является наличие в нем своеобразного пунта - неожиданной, необычной юмористической или сатирической расшифровки известного сокращения или любого слова. В основе этого эффекта неожиданности и резкой конфронтации с традиционным, "нормативным" в смысловом и речевом планах лежит авторское видение явлений (автор усмотрел аналогию и связь между, казалось бы, несовместимыми явлениями) и "обостренное чувство языка", вплоть до отчуждения, позволяющее осуществлять неожиданные манипуляции с языковым материалом.

Изложенные выше характеристики юмористических расшифровок сокращений обуславливают их прагматические функции. Эти функции тесно связаны с рассказчиком, который может быть как автором псевдодефиниций, так и выступать в качестве посредника, не имеющего прямого отношения к выработке стандартных определений, но участвующего в процессе его циркуляции и занимающего место между сообщением и предполагаемым слушателем (Знепольски 1985:102). Можно выделить следующие прагматические функции двухфразовых текстов с псевдодефинициями:

1. *Развлекательная функция*, стремление изменить ситуацию, в которой "überall Abkürzungen und nichts zu lachen" (Müller-Reimscheid 1989), и рассмешить слушателя или читателя. Реакция - смех на юмористическую расшифровку - доставляет удовольствие и автору или рассказчику, и адресатам.

2. *Функция критики* в комической (юмористической или сатирической) форме каких-либо негативных явлений, ситуаций. Псевдодефиниция может отображать конфликт с действительностью и удовлетворять желание повеселиться над глупостью. Иногда через критику выражается эмоциональное отношение к объекту, обозначенному аббревиатурой.

3. *Орнаментально-иллюстративная функция* проявляется в тех случаях, когда юмористическая расшифровка приходится к слову, т.е. иллюстрирует, передает или развивает мысль, выраженную одним из коммуникантов.

4. *Аттрактивная функция* - привлечение внимания к адресанту, т.к. сообщение неожиданной дефиниции выдвигает его автора или рассказчика в центр внимания. Однако в большинстве случаев оценивается не рассказчик, а сама юмористическая расшифровка. И если при этом удачно выбран момент для сообщения, а сама неожиданная трактовка еще и связана каким-либо образом с деятельностью организации, конкретного лица, фактом или явлением, обозначенным аббревиатурой, ситуацией, в котором интерпретируемое имеет место или функционирует, тем больше юмористический эффект.

5. *Переключательная функция.* Использование юмористических интерпретаций сокращений позволяет “переключиться”, разрядить накаленную обстановку, перевести разговор с одной темы на другую и избежать тем самым назреваемого конфликта мнений, обид, оскорблений.

6. *Функция “детабулизации”.* Так как система табу регулирует социальную деятельность человека, запрещая определенные формы поведения (Минский 1988:286), с помощью юмористических псевдодефиниций можно выражать свои мысли и чувства более раскованно.

7. *Фатическая функция.* Юмор всегда наряду с другими функциями служит средством установления контакта или его поддержания в том случае, когда тема беседы оказывается по каким-то причинам исчерпанной, и юмористические расшифровки сокращений не являются исключением.

8. *Терапевтическая функция.* Юмористические тексты помогают легче переносить обиды, рассеивают дурное настроение, одолевают хандру, улучшают самочувствие (Дземидок 1974:160).

Все эти функции могут взаимодействовать. В зависимости от конкретных обстоятельств любая из перечисленных функций может быть доминирующей, а другие ее дополнять или вообще отсутствовать. Необходимо отметить, что не все псевдодефиниции выполняют возложенные на них автором или рассказчиком функции, а некоторые из них остаются невыполненными, что связано в первую очередь с ситуацией сообщения и конкретными участниками коммуникации: их возрастом, эрудицией, родом занятий и интересами, культурным уровнем, отношением к объекту, обозначенному интерпретируемым сокращением или словом и т.д. Прежде всего речь идет о развлекательной функции. Реципиент может понять содержание псевдодефиниции, ее связь с сокращением, но она не кажется ему смешной, а скорее вульгарной, например, из-за использования автором предположительно в комических целях соответствующей лексики. Возможны также случаи, что юмористический смысл псевдодефиниций понятен, но неинтересен или в какой-то мере задевает участников коммуникации. Не вызывает комического эффекта и та расшифровка, которая грешит “оригинальничаньем” (Манякина 1980), но не заключает в себе истинной, значительной и актуальной мысли.

Перлокутивный эффект юмористических интерпретаций может быть самым различным - от положительной реакции до открытого неодобрения и вербальной агрессии.

Процесс производства кратких и ярких по изложению юмористических псевдодефиниций для новых и старых аббревиатур очень продуктивен, т.к. позволяет по новому переосмыслить картины мира и лучше понять человека вообще, а сфера их употребления очень широка, на наиболее часто они встречаются в анекдотах типа:

"Mensch, deine Frau sieht aber sportlich aus." - "Ist sie auch. Seit Jahren boxt sie beim WSV".

- "Wuppertaler Sportverein?" - "Nee, Winterschlußverkauf".

Предпринятое исследование раскрывает определенные перспективы в дальнейшем изучении жанра.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Д.И. (1963). Графические сокращения и слова-аббревиатуры // Развитие современного русского языка. - М. - С. 11-16. Борисов В.В. (1972). Аббревиация и акронимия. - М.: Воениздат. Волошин Е.П. (1966). Аббревиация и аббревиатуры в лексической системе английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М. Григорьева Л. М. (1996). Об изучении квантования информации в тексте (на материале микротекстов на немецком языке) // Система мови та мовленнєва діяльність. - Вісн. Харк. держ. ун-ту. - № 386. - С. 38 - 41. Дземидок Б. (1974). О комическом. - М.: Прогресс. Знеполски И. (1985). Художественная коммуникация и ее посредник // Художественная коммуникация и ее посредник // Художественная рецепция и герменевтика. - М. - С.102 - 115. Манякина Т.И. (1980). Языково-стилистическая характеристика жанра афоризмов: Дис. ... канд. филол. наук. - Днепропетровск. Мизецкая В.Я. (1998). Сокращения-капитализации в специальной военной литературе // Проблеми мови, мовленнєвої діяльності та викладання іноземних мов. - С. 109 - 113. Минский М. (1988). Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. - М.- Вып. XX111. С. 281 - 310. Сегаль М.М. (1964). Аббревиация и аббревиатуры в современном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л. Швачко С.А., Кобякова И.К., Лещенко О.И. (1997). Текстовая зависимость языкотворческой функции // Актуальні проблеми теорії комунікації та викладання іноземних мов. - Вісн. Харк. держ. ун-ту. - № 390. - С. 169 - 170. Источники иллюстративного материала: Бестолковый словарь в Литературной газете. Müller-Remscheid H.U. (1989). AKÜ: das lustige Abkürzungslexikon; Scherzdeutsch kontra Amtsdeutsch. - Frankfurt am Main: Eichborn.

РЕЧЕВЫЕ РЕАКЦИИ НА ЛОЖНЫЕ (ОШИБОЧНЫЕ) ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Е.Н.Зобена (Харьков)

В данной статье рассматривается вопрос о сходстве и различии реакций на ложные (ошибочные) высказывания. Анализ около 300 примеров позволил выделить следующие типы реакций.

1. Реакции на ошибочные высказывания.

1. Наиболее употребительным является, как и в логике, использование отрицания:
 - Ich bin wirklich zu blöd!
 - Nein, das bist du nicht! Du bist mein geliebtes, kluges schönes Mädchen! (Fischer 1984: 19).

Здесь, по сути, ошибочность высказывания выражается три раза: *kein – nicht – klug* (антоним к *blöd*). Таким образом эмоциональное воздействие реплики увеличивается.

Кроме того в реакции выражено еще и отношение к партнеру (*geliebtes, schönes*), т.е. оценка высказывания как неправильного во второй части реплики выражена слитно с выражением эмпатии.

Мотивировка своей оценки высказывания в реплике отсутствует; это связано с тем, что первый коммуникант сам всерьез не принимает своего высказывания, само возникновение которого обусловлено эмоциональным возбуждением. Речевая реакция оформлена в виде эмотива.

Отрицание нередко сочетается с лексическими средствами, указывающими на несоответствие высказывания действительности:

“*Bis ich auftauchte, war er also liebevoller, besorgter Ehemann?*” (ироническое высказывание).

“*Sie wissen genau, daß das nicht zutrifft*” (Fischer 1984: 107)

Здесь в реакции содержится указание на то, что второй коммуникант знает, что стимул выражает ошибочное высказывание и что первый коммуникант знает об этом. Таким образом, оценка высказывания как ложного связана с рефлексивным анализом первой реплики. Определить неискренность высказывания возможно помогает ироническая интонация. Речевая оценка выражена в форме констатиива. Тональность высказывания – нейтральная. Ввиду очевидности факта мотивация здесь была бы излишней.

“*Als sie dann noch einen anderen kennenlernte, der ihrem Ideal mehr entsprach...*”

“*Das stimmt ja gar nicht*” protestierte ... *hitzig*. (Fischer 1984: 269)

В данном случае эмоциональность выражена интонационно: об этом свидетельствует авторский комментарий “*hitzig*”.

Моделью этого случая является: отрицание + слово (словосочетание) со значением согласия, соответствия.

1. Слова или устойчивые словосочетания, выражающие отрицательную характеристику ментальных качеств адресата:

“*Es bleibt dir ja unbenommen zu konvertieren,*” sagte er mit einem ironischen Lächeln.

“*Ach Unsinn, so doch nicht*”. (Fischer 1984: 210)

Здесь оценка адресата сочетается с оценкой его высказывания.

Число слов и словосочетаний такого типа в немецком языке достаточно велико.

2. Слова и словосочетания, выражающие концепт “заблуждение”:

“*Er ist ein sturer Büffel.*”

“Du irrst dich”(Fischer 1984: 53)

“Aber Sie schreiben doch die Horoskope für den Ausblick! Das weiß doch hier jeder!”

„Irrtum, mein Kind, ein ganz großer Irrtum!“ (Fischer 1977:76)

3. Слова и словосочетания, выражающие понятие “неправильно”:

“Das klingt entmutigend”, sagte sie leise.

“Sie verstehen mich falsch”, sagte Dr. Lombardi. (Fischer 1984: 107)

Здесь содержится косвенная оценка высказывания, поскольку указывается не на то, что само высказывание ложно, а на то, что партнер по коммуникации неправильно понял предыдущее высказывание и сделал поэтому ложный вывод.

4. Реакция содержит высказывание, противоречащее высказыванию в инициативной реплике:

“Er ist schon längst gestorben.”

“Ich habe in der Zeitung aber seinen Artikel gelesen!”(Babson 1996: 58)

Здесь оценка также является косвенной, поскольку требует восстановления цепочки рассуждений. Если человек давно умер, то он не мог недавно опубликовать статью. Я недавно читал эту статью. Следовательно Ваше высказывание ошибочно.

В некоторых случаях необходимо при этом наличие отрицания:

“Meinen Eltern ist das doch völlig egal!”

“Sag das nicht. Deine Mutter geht regelmäßig in die Kirche” (Babson 1996: 71)

Здесь в первой части реплики выражена (перифразой) оценка высказывания как ошибочного. Во второй части реплики содержится в сжатом виде мотивация (если твоя мать ходит в церковь, она набожная, а таким людям собственная дочь не может быть безразличной). В аспекте речевых актов составные части реплики неоднородны – первая часть директив, вторая – констатив.

II. Речевые реакции на ложное высказывание.

1. Лексические средства, непосредственно указывающие на оценку адресатом инициативной реплики как ложной:

“Ich bin schwanger...”

“Du lügst“, rief Orlini zornig (Fischer 1984: 187)

Оценка высказывания как ложного выражена эмоционально (zornig).

“Ich kann doch nicht lügen, Claudia”

“Wirklich nicht?” fragte die junge Frau. “Bisher hast du das aber ohne Skrupel gekonnt.”

(Fischer 1984: 299)

Здесь оценка высказывания как ложного выражена сочетанием *квеситива* (который, впрочем, приближается к риторическому вопросу) с *констативом*. В целом реплика носит иронический характер и таким образом выражает отношение к адресату.

2. Лексические средства, указывающие на смехотворность, глупость утверждений адресата. Эти средства используются независимо от того, считает ли адресант высказывания действительно ложными или хочет их представить как ложные и характеризуют отношение к партнеру по коммуникации.

“Es muß im Oktober 1959 gewesen sein!

Damals erhielt ich den ersten furchtbaren Schrecken!”

“Erzähl doch keine Märchen,” sagte er (Fischer 1984: 309)

Реакция выражена здесь директивом.

3. Если считать заведомое преувеличение одним из видов лжи, то реакцией на такие высказывания могут быть реплики, содержащие прямое указание на этот факт:

“Von Haus aus heiße ich nämlich Anna – unmöglich, wie? Cobra – das ist schon was ganz anderes. Klingt gefährlich und paßt zu mir.”

“Gib nicht so an Kleine”, sagte O’Conner schmunzelnd (Fischer 1984: 57)

Здесь содержится добродушная оценка ложности высказывания.

4. Если адресат рассматривает инициативное высказывание как неискреннее, то в ответной реакции содержатся соответствующие лексические средства:

“Was ist bloß auf einmal in Sie gefahren, Anette?” sagte er erstaunt.

“Das wissen Sie ganz genau! Ich bin an einen anderen Mann gebunden

“(Fischer 1984: 276)

Смысл: “Ваш вопрос излишен. Вы и так знаете в чем дело”. И далее следует (логически избыточная) мотивировка. Реакция эмоциональна (первая часть реплики).

“Was sagen Sie da? ” fragte sie empört.

“Sie haben mich ganz genau verstanden” (Fischer 1984: 277)

Здесь тот же случай, но мотивировка уже отсутствует.

5. Отрицание истины высказывания – nicht wahr:

“Eine kleine Balgerei unter Verliebten,” behauptete er.

“Das ist nicht wahr!” rief Claudia. “Du wolltest mich vergewaltigen

!” (Fischer 1984: 325).

Здесь отрицание истинности инициативной реплики подкрепляется мотивацией в её второй части. Обе части реплики эмоциональны.

Следует отметить, что указанное сочетание употребляется и в тех случаях, когда адресат просто не может поверить (не может прийти в себя от удивления) в сообщаемый из достоверных источников факт:

Annete hatte den Brief sinken lassen, sah die Freundin aus leeren Augen an.
"Er will die Verlobung lösen!"

"Nein!" rief Inge impulsiv. "Das kann doch nicht wahr sein" (Fischer 1984:

116)

Средства, используемые в реакциях на ошибочные высказывания в случаях 1, 2, 6 могут использоваться и для оценки высказывания как ложного:

"Na gut. Ich kannte den Wachtmann nicht." "Doch wir haben ihre Briefe zu ihm gefunden." (Babson 1996: 125)

"Ich hatte mit dem Verstorbenen keinen Streit."

"Die Zeugen wollen die Schreie und dumpfe Schläge gehört haben"

(Babson 1996: 29)

"Mein Wagen war nicht beschädigt."

"Unsinn. Sie haben ihn reparieren lassen." (Babson 1996: 83)

В реакциях обоих типов могут быть использованы

универсальные предложения:

"Er schien ein famoser Mensch zu sein."

"Irren ist menschlich. Er ist ein Schurke."

"Ich habe den Ball nicht genommen."

"Lügen haben kurze Beine." (там же).

В репликах-реакциях на ошибочность и ложность высказывания могут быть использованы одни и те же средства. Отличие заключается в том, что лексические средства, выражающие непосредственно понятие "ложь" – *Lüge* и синонимы этого слова, а также соответствующие универсальные предложения употребляются только для оценки высказывания как ложного. Большинство реплик-реакций эмоционально. Этим же и объясняется краткость реплик. Мотивация высказывания выражена, если это требует ситуация или же для эмоционального усиления. Реплики-реакции могут состоять из нескольких частей – однородных или разнородных в речеактовом отношении. Во многих случаях в репликах выражено отношение к адресату (при оценках ложности высказывания – преимущественно отрицательное). Оценка ошибочности/ложности высказывания может быть представлена в виде констатива (типичный случай), *упректива*, *эмотива* и *квеситива*. В процессе оценки высказывания могут возникать достаточно сложные рефлексивные процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Babson M. (1996): Der Tod kam auf Samtpfoten. Bastel-Verlag.
2. Fischer M.L. (1984): Mit einem Fuß im Himmel. Roman. Bastei. Lübbe.
3. Fischer M.L. (1984): Versuchung in Rom. Zürich.

СПІВВІДНОШЕННЯ ФОРМИ І ЗМІСТУ В ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ (комунікативний та когнітивний аспекти)

О.М.Кагановська, канд. филол. наук (Київ)

Проблема описання мовної здібності людини (в залежності від ступеня наближеності або віддаленості від емпіричної "норми") передбачає можливість виходу дослідника на декілька рівней одночасно (психолінгвістичний, нейрофізіологічний та інші), серед яких зовнішня, формально подана у звуковій формі, так звана "комунікативна" сторона тісно переплітається з вираженням пізнавальних потреб конкретного отримувача інформації (читача). Довгий шлях розвитку лінгвістики як самостійної науки характеризувався її спрямування до пізнання такого об'єкту як мова, а також більш стійким набором тих явищ, які лінгвісти намагалися зрозуміти та описати в залежності від предмета дослідження, котрий хоча і залишався незмінним, однак підлягав постійній кореляції з точки зору внутрішніх інтенцій як адресата, так і адресанта (інакше кажучи, якщо порівнювати "вхід" і "вихід" комунікації, а конкретніше - інтенцію і комунікативний ефект, то слід констатувати наявність відповідності між обома планами). Адже згідно загальноприйнятої думки щодо мови остання покликана слугувати в першу чергу меті передачі інформації (з вирішенням численних проблем, пов'язаних з її одержанням, обробкою, зберіганням, здобуттям та оперуванням знаннями), а коли певна інформація стає предметом повідомлення, виявляється, що будь-яке повідомлення містить у собі як когнітивні, так і комунікативні якості. У когнітивній науці питання свідомості та мислення отримали інше (порівняно з традиційним) висвітлення як тому, що змінився рівень розвитку окремих наук, так і тому, що наука в цілому підійшла до можливості вирішення глобальних проблем буття людини і виявилася здатною для вирішення цих проблем об'єднати зусилля багатьох наукових дисциплін.

В аспекті проблеми взаємозв'язку імплікації та експлікації (з безумовним перенесенням акценту на функціональні відмінності між формою та змістом) не останнє значення має розуміння глибинних психолінгвістичних механізмів взаємовідносин у художньому тексті письменника та читача, з одного боку, і письменника з його власним вимислом (спираючись на превалювання емоційного, чуттєвого елемента), з другого. Одне з положень когнітивної науки постулює значення мовної форми як концепта, пов'язаного з певними структурами знання, що реалізуються у конкретних мовних знаках, асоціативно апелюють до ментальних сутностей та

уявлень, поєднаних із здатністю мови оптимальним чином кодувати знання, отримані в ході сприйняття та осмислення (або переосмислення!) світу.

Розгляд тексту у комунікативному аспекті як втілення мовної здібності спонукає вивчати його не як простий процес обміну знаннями, а як подане у концентрованому вигляді співвідношення змісту тексту з досвідом індивіда. Ієрархічні відношення між словом і реченням створюють паралельно існуючі інтегративні рівні, на яких одночасна взаємодія форми і змісту призводить до “додавання смислів”. На думку С.Д.Кацнельсона, “процеси мислення та мовотворення невід’ємні один від другого і являють собою єдиний мовленнєво-розумовий процес”¹ (Кацнельсон 1984:4). У певному смислі можна сказати, що мисленнєва діяльність відноситься до свідомості приблизно таким чином, як діяльність мовлення - до мови. Виборча актуалізація слів і перетворення їх на елементи мовленнєвого ряду здійснюється у мовній сфері не спонтанно, а заздалегідь зумовлено. Потреби формування думки і наступної її комунікації передбачають характер мовних елементів, що послідовно включаються у мовленнєво-розумовий процес на різних фазах його протікання. Зовнішнє мовлення відрізняється від внутрішнього насамперед тим, що воно зорієнтоване на слухача; говорячий має брати до уваги рівень знань слухача, враховувати, що йому відомо і що невідомо, і в залежності від цього “конструювати” власну мову. Формальна мовленнєва ситуація, умови часу та місця суттєво впливають на форму і ступінь словесної експлікації, визначаючи тип словесної комунікації. У зв’язку з цим є природним, що головною метою у пошуці відповіді на питання, чому членування світу діється саме таким, а не іншим шляхом, стає з’ясування мотивів позначень конкретних мовних форм та їх зв’язок з такою когнітивною здібністю людини, як сприйняття (не заперечуючи при цьому вимогу пам’яті та уваги). Показовою з даної точки зору є перше положення Празького лінгвістичного гуртку (з’їзд славістів, 1929 рік), у якому зазначається: “Являючись продуктом людської діяльності, мова разом з останньою володіє цільовою спрямованістю. Аналіз мовленнєвої діяльності як засобу спілкування показує, що звичайною метою того, хто говорить, ... є вираження. Тому до лінгвістичного аналізу треба підходити з функціональної точки зору. З цієї точки зору мова є система засобів вираження, що слугує якійсь певній меті. Жодне явище у мові не може бути зрозумілим без урахування системи, до якої воно належить” (Пражский ... 1967:17). У зв’язку з наведеною вище думкою віддзеркалення у свідомості творця тексту положень, що містяться в узагальненому вигляді, є результатом когнітивних процесів, які представляють одночасно продукт і інструмент комунікації. Саме тому проблема

¹ Тут і далі переклад з російської мови наш (О.К.).

когнітивних структу (що формуються тільки шляхом пізнання об'єктивного світу, навіть якщо цей світ і поданий для кожного окремо взятого читача у досить викривленому вигляді) і проблема змісту текста (що виступає у ролі актуалізатора заданих когнітивних структур) стають втіленими в єдину глобальную проблему - розуміння текста в цілому та його інтенціональності зокрема.

З погляду принципового підходу до даної проблематики питання співвідношення імплікації та експлікації (безвідносно до жанру твору) неодмінно призводить до пошуку відповіді на питання про форму і зміст. У зв'язку з цим в умовних межах теоретичного підходу необхідно окреслити, що конкретно належить розуміти під запропонованими вище категоріями. Взаємозв'язок імплікації (як невираженого, але такого, що припускається) і експлікації (як даного, вираженого формально) призводить до розуміння їх єдності, але не протиставлення. Звідси постає наступне питання: чи можливо вважати форму компонентом виключно поверхневого характеру, тобто явищем формальним, якщо не формалізованим (і в такому випадку не могло би бути й мови про єдність форми і змісту) або ж природніше було би сприймати форму як зовнішнє виявлення змісту (навіть якщо в останньому міститься значно сильніший смисловий потенціал). Від різних відповідей на дане питання (чи навіть від нюансів подібних підходів) залежить глибина розуміння суті досить складного процесу: що слід приймати за своєрідну "матрицю", на яку в подальшому накладається певна інформація, і наскільки вона (ця матриця) вільна від зовнішніх (у термінах лінгвістичної термінології, контекстуальних), ситуаційно обумовлених факторів. Інакше кажучи, яке з двох положень дослідник емпірично має припускати як вихідне: або за першооснову береться форма, і в такому разі змістовна сторона підпадала би у повну від неї залежність, тому що мала би керуватися нав'язаними їй фактично "зовні" законами і принципами (беручи також до уваги закони формальної логіки, які "занурюють" емотивну сторону в очевидне небуття), або превалювання змісту перетворюється на аксіому, що ставить під значний сумнів формально-логічну сторону подання. В останньому понятті частково міститься дуалізм запропонованого нижче підходу, що реалізується у невибагливому на перший погляд запитанні: подання як таке, що пропонується зовні (повертаючись до даної теми, - задане формально) чи подання як вигадане, таке, що знаходиться у нашій підсвідомості і не проявляється в адекватній реальності?

Якщо ж намагатися привести оба поняття до єдиного цілого, відтворюючи щось на зразок "логіко-чуттєвого подання", необхідно зупинитися ще на одному питанні, а саме, на проблемі глибини проникнення до кожного із зазначених складових, хоча пошарове (або "покадрове") знят-

тя інформації може досить серйозно відобразитись на всій єдності. У праці В.Н.Волошинова "Марксизм і філософія мови", написаної ним за участі М.М.Бахтіна, останній запропонував такий порядок вивчення мови:

1) форми і типи мовленнєвого впливу у зв'язку з конкретними його умовами;

2) форми окремих висловлень..., тобто жанри мовленнєвих реалізацій, що визначаються мовленнєвою взаємодією;

3) виходячи з цього, перегляд мовних форм у їх звичайному лінгвістичному трактуванні" (Волошинов 1929:114).

Невеликий екскурс у спробу формалізації змісту (з урахуванням можливості зворотнього процесу) демонструє, наскільки складними та різноманітними можуть бути взаємостосунки автора і читача. Проходячи крізь призму індивідуального авторського подання (і не менш індивідуалізованого читацького сприйняття) і постійно відбиваючись у свідомості згідно інтелектуальних особливостей та ступеня психологічної підготовленості кожного з них, текст фактично набуває нового смислового наповнення (або іншої відтіючності) при "підключенні" нового читача до процесу "переробки" тексту.

Не зосереджуючись детально на розмежуванні позицій ідеального, реального і колективного читача, що досить повно викладено у дослідженні О.П.Воробійової (Воробьева, 1993), окреслимо лише у загальних рисах положення, на яких базуються взаємостосунки читача і письменника.

Перебуваючи у довічній суперечці-діалозі щодо ступеня та адекватності сприйняття запропонованої інформації, кожен з них має право претендувати на долю певної свободи. З цієї точки зору питання про глибину сприйняття інформації набуває особливої актуальності при урахуванні положення, що сама постановка даного питання є несправедливою по відношенню до читача і може бути болісно сприйнятою, виходячи із інтенцій письменника. Текст художньої літератури може бути або зрозумілим, або ні. Від його нерозуміння чи часткового недорозуміння загалом страждають обидві сторони, хоча авторські "втрати" набагато серйозніші. Непідготовлений (або небажаючий ним бути) читач може дозволити собі зупинитися на фрагментарному розумінні, виводячи на передній план який-небудь один кадр і залишаючи в тіні нерозуміння все останнє. На думку такого читача, все недостаюче може бути порівняно легко "домальовано" его уявою. Крім того, часто результатом недорозуміння стає попередня установка читача на "поверхнєве" прочитування без заглиблення у зміст та аналіза всіх деталей того, що відбувається. Досить вірогідно, що певному читачеві може бути достатньо подібного ознайомлення і судити про якісний бік прочитаного зможе лише дослідник. Однак авторські позиції

при подібному підході стають здебільшого порушеними, так як задуманий ним зміст, що міститься у тексті, доходить до основного одержувача у викривленому вигляді, що особливо негативно відображається на сприйнятті художнього тексту, враховуючи емоційний і афективний характер останнього. Якщо в інших жанрах літератури (публіцистичному чи науковому) першочерговим стає донесення до одержувача (а не просто читача) адекватної, логічно оформленої інформації, а емотивний нюанс хоча і є присутнім у текстах цих жанрів, але не впливає суттєво на сприйняття змісту тексту, то смислоформуюча функція чуттєвого фактора у художньому тексті більш ніж очевидна. Автору не настільки важливо, щоб читач прослідкував у якнайменших деталях структуру тексту, скільки необхідно розуміння вдумливим читачем суті внутрішніх душевних переживань його героїв і в результаті подібного розуміння (яке часто призводить до сопереживання) - адекватно оцінювати їх думки і реакції на вчинки інших персонажів.

Отже, співвідношення між тим, що реально представлено і зрозуміло імпліцитно, корегується в залежності від накладення та переплетення багатьох факторів, в основі яких знаходиться онтологічна категорія розуміння, на що в узагальненій формі вказав Г.В.Степанов: "... дослідження мови полягає саме у з'ясуванні того, якими мовними засобами і спираючись на які "віхи" у мовленні, в тексті і т.д. ми досягаємо розуміння" (Степанов, 1980:195). Тому відповідь на ще одне важливе запитання: в якій послідовності і які дії виконує "той, хто розуміє"? - може сприяти висвітленню загальної картини. Очевидно, що запропонована 15 років тому В.З.Дем'янковим система дев'яти "модулів" (Дем'янков:1983) частково спростила відповідь на це запитання, хоча повністю і не вирішила його. Виходячи з загального, "генеруючого" знання, проходячи складний шлях створення і верифікації гіпотетичної інтерпретації художнього твору, "оволодіння" сказаним, встановлення задуму, намірів і мотивації висловлення (із побудуванням модельного світу за умови його тотожності / нетотожності з об'єктивним світом), читач в ідеалі має дійти до вибору певної "тональності" розуміння. Тональність (або в іншій термінології - "ключ" розуміння) - одна із найбільш нестабільних категорій, у зв'язку з тим, що її варіабельність знаходиться у прямій залежності від кількості безпосередніх користувачів. Зазделегідь зумовлена на початку твору одночасно з його заголовком, тональність змінюється у випадку, коли по одному із перелічених вище модулів (або по їх сукупності у цілому) виникає переміщення. В аспекті ж постійної варіативності стосунків "письменник - читач" її постійність належить розглядати з точки зору рівня підготовленості читача до сприйняття конкретного тексту.

Врахування особливостей функціонування "модульного" розуміння повертає дослідника до категорії "модельного" світу, який входить до нашого внутрішнього світу, з одного боку, і до реконструйованого внутрішнього світу автора мови, з другого. Однак обидві ці сторони пов'язані з авторським задумом і його безпосереднім втіленням, що реалізується у кожному конкретному епізоді у двох тональностях - авторській і читачській. Так, вирішуючи проблеми описання єдиної комунікативної системи, Е.Бейтс і Б.МакВінні приходять до думки, що система має одну комунікативну функцію: вона підкреслює те, про що говориться (топiк) і що про нього говориться (комент). Дана функція визначається багатьма факторами. Мотивами для вибору топiка можуть бути: "заданість", пов'язана з умовами інформованості співбесідника, "перспектива", пов'язана з перевагами того, хто говорить, его-перспектива, суб'єктивна чи об'єктивна виділеність референтів та багато іншого (Bates, Mac Whinny 1992). На функціональні особливості топiка оповіді вказує також О.С.Кубрякова, яка підкреслює, що "адресату невідомо, про що буде розповідати його співбесідник, і для того, щоб привернути його увагу, адресант має окреслити топiк своєї оповіді, свою тему" (Кубрякова 1984:19). З цих позицій не позбавленим певного інтересу є припущення про те, що, представляючи власний задум у цілому, "відправник повідомлення" не може одразу визначити детальний зміст свого вислову і "домальовує" його саме у момент мовлення. Мовний задум нерідко пов'язаний тому або з існуванням цілої групи топiків (у функції відправних пунктів мови), або із з'ясуванням взаємодієнь між темою і ремою у кожному конкретному випадку, що сприяє, на думку О.С.Кубрякової, розгортанню певних синтаксичних конструкцій.

Людське знання (те знання, яке є реальним, багатомірним і об'єктивованим) покликане визначати, а не бути визначеним у системі комплексного оволодіння інформацією. З даного приводу досить цікавим є зауваження щодо процесу швидкого переходу лінгвістичного вокабуляру з терміну "поетапного" оволодіння інформацією на зазначений вище "комплексний", що природно спричинило фактично повну зміну ціннісних орієнтацій. Саме про комплексне всеосяжне знання йде мова в останній час, враховуючи зазначений О.С.Кубряковою факт, що "сьогодні лінгвістику неможливо робити, якщо не вийти за межі самої лінгвістики, якщо не враховувати тих процесів, які мають місце у психології і теорії інформації" (із лекції, прочитаної у КДЛУ 7 квітня 1998 року).

Отже, у структурі подання знання змістовна та формальна сторони (інакше кажучи, імпліковане та експліковане) є лише окремими видами однієї й тієї ж інформації, специфіка якої полягає саме у ступені її вербалізації,

способах первинної обробки і можливостях подальшого зберігання. Враховуючи інвентар структури знань (лексика), формули описання світу (граматику) та способи відображення ситуацій і подій (синтаксис), стає очевидною точка зору, згідно якої розуміння світу, який усвідомлюється, починається у процесі зіставлення первинного значення з його подальшими логіко-семантичними варіантами, поняттями, що набувають зміст суджень. Дані варіанти можливо розглядати з урахуванням їх ситуаційної приналежності, де на перший план виходить суб'єкт, який хоча і має право розподіляти текстову інформацію за власним бажанням, однак керується законами породження висловлення.

Таким чином, знову на перший план виходить проблема смислу, неформально вираженого змісту, який підпорядкований, з одного боку, закону лінійного характеру розгортання мовленнєвої структури, а з другого - має у своєму складі одиниці нижчого гатунку, що неминуче має призвести до порушення вказаного лінійного характеру. Скоріш за все, слід перевести мову в інше русло, тобто взяти до уваги зоротній зв'язок, двоїстий характер даного процесу, поза яким неможлива реалізація інтенцій говорячого і однозначність (до якої все ж таки спрямована кожна сторона учасників такої досить складної дії) його сприйняття у комунікації, у зв'язку з чим аналіз імплікованих та експлікованих елементів детермінується свідомим відбором одного чи групи елементів з ряду можливих варіантів, що корелюються в залежності від умов конкретної ситуації.

Література:

1. Волошинов В.Н. (1929) Марксизм и философия языка. - Л. 2. Воробьева О.П. (1993) Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (одноязычная и межъязыковая коммуникация): Дис. ... доктора филол. наук. - М.: МГЛУ, - 382 с. 3. Демьянков В.З. (1983) Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопр. языкознания. - №6. - С.58-67. 4. Кацнельсон С.Д. (1984) Речемыслительные процессы // Вопр. языкознания. - №4. - С.3-12. 5. Кубрякова Е.С. (1984) О номинативном компоненте речевой деятельности // Вопр. языкознания. - №4. - С.13-22. 6. Пражский лингвистический кружок. - М., 1967. 7. Степанов Г.В. (1980) О границах лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста // Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. - №3. 8. Bates E., MacWhinny B. (1982) Functionalist approach to grammar // E.Manner, L.Gleitman (eds.). Language Acquisition: The State of the Art. - Cambridge.

КИНЕТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В РАСКРЫТИИ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО РОМАНА XX СТОЛЕТИЯ

Калугина Е.А. (Киев)

Социальное поведение человека обусловлено возможностью общения людей при помощи языка. Вербальная коммуникация является условием существования человека в обществе. Язык является первичной естественной формой выражения мысли человека. Однако это не означает, что средства выражения мысли замыкаются только в звуковой материальной оболочке и являются изолированными от всех условий, из которых складывается ситуация общения. В живое речевое общение вплетено много обстоятельств, которые сопровождают высказывание. Рассматривая ситуацию общения, можно отметить, что неязыковые факторы также играют в ней определенную роль, хотя эта роль и является вспомогательной. Однако во многих случаях неязыковые факторы могут оказаться более красноречивыми и более ярко передающими информацию, чем сам язык. Искусство с древнейших времен пользовалось возможностью материализации общественных, в том числе и межличностных, отношений людей путем моделирования их жестов, поз, походки, лицевой экспрессии, особенностей тактильного и визуального контакта, ритма движений и т.п. Общеизвестно, что действия часто "говорят" громче, чем слова. Жесты, мимика, движения, позы иногда имеют такую мощную силу коммуникативного воздействия, что сопровождающие их вербальные высказывания остаются едва замеченными. В нашей работе мы не учитываем явления, которые свидетельствуют о несколько иной роли неязыковых факторов, такие как язык глухонемых, где сущность жестов и символов может трактоваться и как первичная языковая система, и как вторичная (т.е. код-заместитель), а также язык жестов у некоторых народов.

В связи с этим нужно вспомнить паралингвистику, занимающуюся изучением факторов, сопровождающих речевое общение и участвующих в передаче информации. В настоящее время название "паралингвистика" утвердилось в языкознании для обозначения отрасли науки, занимающейся сферой невербальной коммуникации. Паралингвистика, как научное направление, развилась сравнительно недавно, хотя жесты и различные виды телесных движений давно привлекали внимание ученых. Интерес к не-

звуковому языку, как коммуникации в животном мире, так и к специфическому его виду в человеческом обществе, в значительной мере объясняется поисками универсальной закономерности в любой системе знаков, рассматриваемой в семиотическом плане.

Понятие "кинесика" в современной науке включает в себя "выразительные телодвижения, участвующие в передаче информации в процессе коммуникации" (Колшанский 1974: 23). Начало научному изучению кинесики, по существу, было положено Ч. Дарвиным, который фундаментально исследовал вопрос о связи между происхождением языка и развитием жестов и мимики. В нашей работе мы рассматриваем кинесику как один из способов раскрытия образа персонажа в художественном произведении.

Центральным объектом изображения в литературном произведении является человек, а все описываемые в тексте события и ситуации есть средства его всестороннего показа. С этим связана одна из основных особенностей художественного текста как единицы эстетической коммуникации – его абсолютный антропоцентрический характер.

Свой взгляд на сущность человеческих характеров и закономерности их взаимоотношений автор художественного произведения развивает в системе создаваемых им образов действующих лиц. Каждому художественному образу внутренне присущ синтез художественного обобщения и конкретной, неповторимой индивидуализации в свете эстетического идеала художника. "Совокупность лингвостилистических средств, создающих художественный образ персонажа, может рассматриваться и в аспекте такой категории текста как интеграция, так как целостность художественного произведения зависит не в последнюю очередь от объединения отдельных деталей описания персонажа в завершённый художественный образ, связанный с общей авторской идеей и опирающийся на ассоциативные связи и индивидуальный опыт читателя" (Гончарова 1984: 134).

Все кинетические средства, т.е. жесты, мимика, телодвижения, играют очень важную роль в раскрытии художественного образа. Для подтверждения вышесказанного в нашей работе был проведен сравнительный анализ произведения М.Пруста "Amour de Swann". Использование авторами кинетической лексики в своих произведениях очень индивидуально и зависит от многих факторов. Проанализировав данное произведение М.Пруста, мы пришли к некоторым выводам о частоте употребления единиц кинетической лексики. Сравнительный анализ был проведен с использованием материалов лингвострановедческого словаря "Жесты и мимика в русской речи" (Акишина, Кано 1991).

Мимика, жесты и телодвижения передают различные эмоции, чувства, а также могут выражать некоторые вербальные проявления, например, приглашение, отдых, отрицание, указания. Авторы лингвострановедчес-

кого словаря рассмотрели около 60 эмоций, чувств и других вербальных проявлений, которые невербально выражаются с помощью кинетических средств. В словаре представлено 33 соматизма, наиболее часто используемых для описания невербальных явлений. Соматизмы – это существительные, обозначающие части человеческого тела. В сочетании с этими существительными используется около 360 глаголов.

Приняв лингвострановедческий словарь за некоторую норму и проанализировав произведение М. Пруста “*Amour de Swann*”, мы приходим к выводу, что М. Пруст своеобразен в использовании и выборе кинетической лексики. При объеме анализируемого произведения в 270 страниц М. Пруст использует кинетические средства для раскрытия образов персонажей довольно редко. В произведении было встречено около 35 соматизмов, используемых для невербального выражения событий, а также эмоций и чувств, и всего около 50 глаголов, встречающихся в сочетании с этими существительными. Как видно из вышесказанного, количество глаголов, употребляемых в сочетании с соматизмами в произведении М.Пруста отличается от количества глаголов в лингвострановедческом словаре. Словарь представляет очень широкий диапазон сочетания различных глаголов с соматизмами. М.Пруст в этом отношении не так показателен. Он употребляет значительно меньше глаголов, но они подобраны с большой тщательностью и очень ярко передают настроения персонажа или характерную деталь обстановки, что составляет одну из характеристик стиля автора.

Одними из наиболее употребительных кинем в тексте М.Пруста являются: кинема *tendre la main* встречается в тексте 4 раза, кинема *serrer la main* встречается в тексте 3 раза, кинема *s'essuyer les yeux* встречается в тексте 2 раза.

Такие кинемы как *detourner les yeux*, *secouer la tete*, *hausser les epaules*, довольно часто встречающиеся в жизни, у М. Пруста были использованы только один раз.

С другой стороны такие живописные и довольно редкие кинемы как *precipiter son visage dans ses mains*, *s'ecarter avec affectation*, *pamer* у М. Пруста встречаются не однажды.

Как показал наш анализ, кинетическая лексика является одним из средств всестороннего показа образа персонажа в художественном произведении. Кинема воспринимается в ассоциативном комплексе с персонажем и может не только указывать на субъект, но и служить одной из его характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колшанский Г.В. (1974). Паралингвистика. – М.: Наука. 2. Гончарова Е.А.(1984). Пути лингвостилистического выражения автор-персонаж в художественном тексте. – Томск. 3. Горелов И.М.(1991). Безмолвной мысли знак: Рассказы о невербальной коммуникации. – М.: Наука. 4. Акишина А.А. (1991). Жесты и мими-

ка в русской речи. Лингвострановедческий словарь. – М. 5. Proust M. (1971). *Amour de Swann*. – Gallimard. 6. Накашидзе Н.В.(1981). Кинесика и её вербальное выражение в характеристике персонажа художественного произведения: Автореф. дис. канд. филол. наук - М.

ZUR KONNOTATION DER FUNKTIONSVERBGEFÜGE IN DER DEUTSCHEN SPRACHE

V. I. Karavashkin, R. S. Brashnik (Charkiw)

Im Hinblick auf die Expressivitätssteigerung als eine der Hauptfunktionen der Phraseologismen kommt ihren konnotativen Qualitäten besondere Bedeutung zu. Unter Konnotation werden zusätzliche Elemente der „an ein Zeichen gebundenen Bewußtseinsinhalte“ verstanden, die nicht Merkmale des bezeichneten Gegenstandes widerspiegeln, sondern entweder die emotional betonte Einstellung des Zeichenbenutzers zum benannten Gegenstand bzw. mitgeteilten Sachverhalt als „indirekte“ Information mitliefern oder „die Einordnung des betreffenden Zeichens in ein Normensystem der sozialen Verwendungsweise sprachlicher Mittel“ kennzeichnen. Im letzten Fall handelt es sich um Qualitäten, die im Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (weiter – WdGS) durch die Angaben von „Stilschichten“, die Kennzeichnung einer „zeitlichen“ und „räumlichen Zuordnung“ sowie von „Fach- und Sondergebieten“ markiert werden. Damit werden Verwendungsbeschränkungen der betreffenden lexikalischen Einheiten in bezug auf die Literatursprache, den hochsprachlichen Standard fixiert. Die Konnotationen der ersten Art werden z.B. mit Markierungen der „Stilfärbung“ im WdGS erfaßt, z.B. „abwertend“. Deshalb sprechen wir hier mit Bezug darauf auch von „stilistischer Markierung“. Die Expressivität der Phraseologismen beruht nicht ausschließlich auf diesen Konnotationen, doch sind sie dafür von großer Bedeutung.

Die Phraseologismen sind allerdings unter dem genannten Gesichtspunkt nicht selten recht einseitig beurteilt worden, indem man sie mehr oder weniger pauschal der salopp-umgangssprachlichen Schicht oder „der niederen Umgangssprache“ zuordnete. Das wird von Wissenschaftlern mit Recht zurückgewiesen. Dabei geht es nicht nur darum, daß lexikonspezifische Konnotationen bei der Verwendung des Zeichens im Text sehr unterschiedlich genutzt werden können, sondern auch darum, daß große Gruppen von Phraseologismen die Verwendungsbeschränkung in der entgegengesetzten Dimension zeigen, als „gehoben“ markiert sind, und weitere Gruppen im Lexikon als „unmarkiert“, also „normalsprachlich“ erscheinen, obwohl auch sie expressiv genutzt werden können.

Besonders oft werden die Funktionsverbstrukturen (weiter FVG) als „gehoben“ markiert wie in „den Pegasus besteigen/reiten (Verse machen)“, „in Morpheus Armen ruhen/liegen“, „aus dem Dunkel treten“, „siene Hand von jemandem abziehen“, „die Hände regen/rühren“, „eine Lanze für jemanden brechen/einlegen“ usw.

Doch bleiben viele FVG nicht markiert, also „normalsprachlich“. Es gibt Serien von Phraseologismen, bei denen sich die synonymische Variation einzelner Komponenten auf die Markierung der ganzen Konstruktion auswirkt: „den Mund halten“ (umgangssprachlich), „den Schnabel halten“ (salopp), „die Klappe/den Rand/die Schnauze halten“ (salopp, mit Zusatz: *derb*), „jmds Händen entrinnen“ (gehoben), jmds Händen entkommen (ohne Markierung).

Als „veraltet“ oder „veraltend“ markierte Wörter können Komponenten ganz geläufiger, unmarkierter Phraseologismen sein, territorial begrenzte Wörter können in allgemein verbreiteten Phraseologismen vorkommen wie z. B. „den Rahm abschöpfen“.

Da der Mensch dazu neigt, in der Alltagskommunikation „rückhaltslos seine Gefühle“ kundzugeben, ergibt sich eine Bevorzugung solcher konnotativer Ausdrücke im weniger offiziellen, weniger öffentlichkeitsbestimmten Bereich der Alltagsrede. Und dies wiederum hat zur Folge, daß zwischen den Konnotationen emotionaler Bewertung, einerseits, und Konnotationen, die auf funktionalen und sozialen Gebrauchsrestriktionen beruhen, andererseits, ebenso enge Wechselbeziehungen bestehen wie zwischen regionalen und sozialen Restriktionen. Daher sind viele emotional betont abwertende Phraseologismen zugleich als „salopp“ markiert und entsprechend verwendungsbeschränkt: „jmdn. gefressen haben“ (nicht leiden können) und Phraseologismen wie „etw. aus Daffke tun“ (aus Trotz tun) zugleich als regional („berlinisch“) und *salopp* markiert.

Ein großer Teil der Phraseologismen ist im Hinblick auf die emotional wertende Konnotation lexikonspezifisch festgelegt, kann nur entweder positiv oder negativ wertend werden, vgl. z. B. „fauler Zauber“ als negativ wertend, positiv „auf Draht sein, auf dem Kien sein“.

Andere können sowohl negativ als auch positiv wertend verwendet werden, aktualisieren die Bewertungsrichtung also erst textspezifisch. Das gilt z. B. für den Phraseologismus „auf jmds Konto kommen/gehen“ (durch jmdn verursacht sein). Aus dem WdGS geht nicht hervor, daß die Konstruktion auch mit positiver Wertung verwendet werden kann:

„Neben verschönerten Wohnungen von Rentnern kommen Dutzende neu gestaltete Klubs der Volkssolidarität sowie Hunderte Räume in Feierabendheimen auf das Konto der Bürgerinitiative.“ (positiv).

„Beide Mordfälle kommen auf das Konto der Terrorgruppe „Protestant Activ Force“ (negativ).

Die Phraseologismen mit der Markierung „umgangssprachlich“ oder „salopp“ werden keineswegs nur für kommunikative Zwecke und in Kommunikationssituationen verwendet, die nicht den Gebrauch der „normalen“ Literatursprache fordern. Sie begegnen in spezifischen Funktionen in den meisten Kommunikationssphären und funktionalen Stiltypen, z.B. in der Presse und Publizistik wie in der wissenschaftlichen Kommunikation:

„... Vielmehr geht es mit darum, die viel zu enge Auffassung von der Moral des Wissenschaftlers auf Korn zu nehmen...“ (Weltbühne 11.3.80, 330) „Viele Wege, um Häuser gut in Schuß zu halten“. (ND 29.5.80) „Die historische Sprachwissenschaft, ins Abseits gedrängt, hat inzwischen ihre Lektion gelernt...“ (W. Blümel, in: Sprachwissenschaft 3, 1978, 96)

Die FVG können so wie auch andere konnotierte Zeichen Indikatoren des sozialen Verhältnisses zwischen den Kommunikationspartnern sein; vgl. den Unterschied zwischen den beiden Äußerungen: „Nun halt mal die Luft an!“ - „Bitte beruhigen Sie sich!“ Die Wahl der entsprechenden phraseologischen Konstruktion kann die soziale Zusammengehörigkeit betonen, einen engeren Kontakt herstellen, eine Atmosphäre der Vertrautheit schaffen.

Die FVG können die emotional betonte Einstellung des Senders zu dem mitgeteilten Sachverhalt indizieren und emotionale Wertung (positive wie negative) auf den Empfänger indirekt übertragen.

Die ironisch getönte Distanzierung oder negative emotionale Wertung greift nicht selten auf die Konstruktionen zurück, die als „veraltet, veraltend“ markiert sind; damit wird deutlich, daß sie eben mit dieser Markierung zum Wortschatz der deutschen Gegenwartssprache gehören.

Die FVG mit dem Bezug auf Situationen des Alltags werden mit der Absicht euphemistischer Wirkung „dann eingesetzt, wenn es darum geht, ein bestimmtes, „abweichendes Verhalten“ als nicht besonders gravierend... darzustellen. Wird z. B. das FVG „jmdm übers Ohr hauen“ zur Bezeichnung einer Betrügerei größten Ausmaßes verwendet, dann wird dem Leser „der Eindruck vermittelt, daß Großbetrug ohne weiteres in den Kategorien des Kleinbetrugs interpretiert werden kann. Unter Umständen werden komplizierte und undurchsichtige Sachverhalte mit dem Gebrauch von „jmdn übers Ohr hauen“ auf die Alltagswelt des Lesers bezogen, in dieser verankert und zugleich verharmlost. Geht die Verwendung soweit, dann ist schon nicht mehr von Euphemismus, sondern von ideologisch determinierter Manipulation zu sprechen.“

Die Klischeehaftigkeit der FVG und die außerordentliche Weite in den Möglichkeiten der Anwendung der Bilder als Benennung komplexer Situationen oder Verhaltensweisen führt dazu, daß sie in bequemer Weise auf die verschiedensten Sachverhalte beziehbar sind. Das realisiert die Ausdrucksweise in der anspruchslosen Kommunikation des Alltags und darf keineswegs nur negativ beurteilt werden. Wenn in den Phraseologismen „bestimmte

Verhaltensweisen, Handlungsmuster, Interaktionsprobleme und Problemlösungen, Situationen des Alltagslebens“ erfaßt und „auf einfache, allgemeingültig-erkannte und bewährte Formeln“ gebracht werden, so liegt darin, daß diese Erleichterung nur für bestimmte Kommunikationssituationen und -aufgaben in Anspruch genommen werden kann. Die Grenzen werden sichtbar in folgendem Beleg, einer Äußerung auf Befragen nach einer Theateraufführung:

„Mir wurde spontan klar, was Klassiker ist, nämlich alles andere als verstaubt oder gewaltig; das, was Goethe will, geht noch heute unter die Haut.“ (Sonntag 16 /1980, 4)

Die Fachleute haben viele Möglichkeiten, ihren terminologischen „Bedarf“ zu decken, Fachwörter zu bilden und den Wortschatz zu erweitern durch Bildung eigenständiger Formen mit fachspezifischer Bedeutung (erden, weißen, auskolken, paßgenau, Härtling, Ritzel, Spreize). Darüber hinaus:

- Übernahme von Wörtern mittelalterlichen Ursprungs, die in alten Fachsprachen überliefert sind:

Gezähle (mhd. gezouwe = Gerät, Werkzeug), sintern (mhd. sindern = absondern)

- Standardsprachliche Wörter, die fachspezifisch gebraucht werden:

Wurzel (Mathematik), Kraft, Masse (Physik), Lösung (Chemie), Mutter, Dorn, Schlitten, Flügel, Speicher (Technik)

- fest definierte Formen standartsprachlicher Wörter: Menge, Teilchen, abseits

- Metaphern: Dämon; in der „Werkstattsprache“ insbesondere durch Übertragung von Bezeichnungen für menschliche Körperteile auf Maschinenteile: Zahn (an der Kupplung), Nase (an der Lagerplatte) usw.

- Fügungen mit Funktionsverben:

Anwendung finden, in Anschlag bringen, eine Verfestigung erfahren, zum Vorschlag erheben usw.

Die Rolle der Phraseologismen für die deutsche Gegenwartssprache darf nicht verringert werden. Nicht umsonst haben sich zahlreiche Linguisten damit beschäftigt und ihre Arbeiten der Analyse von Phraseologismen, ihrer Klassifizierung und ihrer Rolle für die deutsche Sprache gewidmet. Die Chronologie der Entstehung der wissenschaftlichen Arbeiten, die dem Thema Phraseologie gewidmet sind, zeugt davon, daß die Besprechung dieses Problems immer intensiver und tiefgreifender wird.

Im Zusammenhang mit der Behandlung der Konnotation von Phraseologismen ist auf dadurch bedingte Verwendungsbeschränkung hingewiesen worden. Diese Verwendungsbeschränkungen bestehen darin, daß die betreffenden Phraseologismen in Kommunikationssituationen, wo der Stand der Literatursprache gefordert ist, nur verwendbar sind, wenn der mit der

Konnotation verbundene „zusätzliche“ Effekt für angemessen gehalten wird. Diese Art der „stilistischen Markiertheit“ ist einer der Gründe dafür, daß nicht alle Phraseologismen in den verschiedenen funktionalen Stiltypen und Kommunikationsbereichen (Alltagsverkehr, Publizistik und Presse, Wissenschaft usw.) in gleicher Weise und Häufigkeit gebraucht werden.

Weitere Gründe dafür hängen mit den unterschiedlichen pragmatischen Funktionen zusammen, die nicht für alle Kommunikationsbereiche in gleicher Weise relevant sind.

Schließlich ist die starke Verschiedenartigkeit der Phraseologismen zu bedenken. Es gibt auch sachliche Gründe für einen funktionalstilistisch differenzierten Gebrauch. So liegt es nahe, daß die „reiche Synonymik etwa im Bezeichnungsbereich des Betrügens/Täuschens/Irreführens sich besonders in Texten über Kriminalfälle und Gerichtsverhandlungen entfaltet. Auf die damit zusammenhängenden Fragen, auch unter dem Begriff der Textsortenspezifität gefaßt, kann hier abschließend nur noch hingewiesen werden. Dabei ist selbstverständlich zu bedenken, daß ein großer Teil der FVG in dieser Hinsicht unmarkiert bleibt.

Vor allem ist die Umgangssprache gekennzeichnet durch ihren Reichtum an anschaulichen, oft derb-komischen Wendungen und Redensarten, und es ist erstaunlich, wie häufig sie in der alltäglichen Kommunikation gebraucht werden. Deshalb kommt auch der Idiomatik beim Erwerb des Deutschen als Fremdsprache eine besondere Bedeutung zu.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ПРЕДЛОГОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Н.Н.Ковальчук (Харьков)

Система предлогов представляет собой одну из самых сложных категорий при усвоении английского языка как иностранного (ИЯ). Это объясняется как концептуальной сложностью самой системы, так и наличием значительной внутри- и межъязыковой интерференции у учащихся с украинским/русским языками в качестве родного (РЯ). Возможности повышения эффективности обучения употреблению предлогов в английском языке связаны, в частности, с учетом степени трудности их усвоения для конкретных групп учащихся. Система предлогов не является однородной, с точки зрения такой трудности, а включает категории различной сложности, причем наполнение таких категорий может варьироваться в зависимости от

конкретных условий обучения (РЯ учащихся, степень их концептуального развития, т.д.). Выделение подобных категорий могло бы создать предпосылки для разработки более эффективной методики обучения, которая наряду с другими факторами, учитывала бы реальную трудность усвоения конкретной категории и, соответственно, определяла бы наиболее эффективную стратегию управления этим процессом. Достижение поставленной цели предусматривает построение методической типологии значений английских предлогов, что в свою очередь, требует определения источников трудности при усвоении рассматриваемой системы.

Существует несколько лингвистических классификаций предлогов. По структуре различают простые односложные (*in, on, from, to*, т.д.), простые многосложные (*around, below, between, outside*, т.д.), сложные двухкомпонентные (*out of, up to, away from, along with*, т.д.), сложные многокомпонентные предлоги (*in front of, on the right of*, т.д.) (Quirk et al. 1992: 665-671). В некоторых работах предпринимались попытки выделять дополнительные типы внутри категорий, указанных выше. Например, предлагается различать подтипы "А" ("наречие или предлог + предлог" - *along with, as from, away from*) и "Б" ("прилагательное или союз или причастие + предлог" - *owing to, due to, devoid of, prior to*) внутри типа "сложные двухкомпонентные предлоги" (Quirk et al. 1982: 135). Среди сложных многокомпонентных предлогов также выделяются подтипы "А" ("предлог 1 + (артикль) + существительное + предлог 2" - *in view of, as a result of*) и "Б", который в свою очередь делится на многие подвиды, в зависимости от предлога в начале и конце предложного оборота (*in favour of, by means of*).

Синтаксическая классификация выделяет предлоги, вводящие обстоятельства и выступающие в роли адьюнкта (*The people were singing on the bus*), дизьюнкта (*To my surprise, the doctor phoned*), конъюнкта (*On the other hand, he made no attempt to help us*), сабъюнкта (*From my personal point of view, I find it a good solution*). Другие типы предлогов включают постмодификаторы (*the passengers on board the ship*), "номинаторы" (*Between 6 and 7 will suit me*), дополнения к глаголу (*complain of, listen to*) и прилагательному (*compatible with*), "полуприлагательные" (*This machine is out of date*), предложные дополнения (*He picked up the gun from under the table*) (Quirk et al. 1992: 658; Quirk et al. 1982: 136).

По месту в предложном обороте различают препозитивные (наиболее распространенные) и постпозитивные предлоги. Последние встречаются в специальных вопросах (*Which house did you leave it at?*); относительных предложениях (*The house I was telling you about...*); предложениях, которые начинаются с вопросительных слов (*What I'm convinced of is...*); восклицаниях (*What a mess he's got into!*); пассивных конструкциях, типа (*He was not paid attention to*); инфинитивных конструкциях, типа (*He is*

impossible to work with); герундиальных конструкциях, типа (*He is worth listening to*); идиоматических оборотах (*all the world over; search the house through*) (Quirk et al. 1992: 664; Quirk et al. 1982: 134).

Семантическая классификация выделяет (Close, 1979; Leech et al. 1986; Quirk et al. 1992; Quirk et al. 1982) тип "пространственные отношения", внутри которого различаются несколько подтипов: измерение - одномерное (тип 0), двумерное (типы 1-2), трехмерное (типы 2-3). Каждый из указанных подтипов может выражать "позитивные" или "негативные" отношения и обозначать стационарное положение или направление движения. Примерами различных сочетаний указанных признаков могут быть такие предлоги: позитивные отношения в стационарном положении или направлении движения - *at, towards, to* (тип 0); *on, onto* (типы 1-2); *into, in* (типы 2-3); негативное отношение - *from, away from* (тип 0); *off* (типы 1-2); *out of* (типы 2-3). Стационарное положение или направление движения может также быть относительным (*over, under, underneath, in front of*). Некоторые авторы (Quirk et al. 1992) предлагают различать также предлоги по направлению движения: вертикальные (*up, down*); горизонтальные (*along, across*); соотносённости предметов (*beyond, past*); результату действия (*through, from*); распространению одного предмета относительно другого (*throughout, with*); переносному значению (*out of danger, beyond belief*) (Quirk et al. 1992: 686).

Кроме пространственных, семантическая классификация выделяет также следующие отношения: временные (внутри которых различаются предлоги для передачи времени как статичного понятия (*at, in, on*), длительности (*for, during*), времени в будущем (*in two days*), причинно-следственные (причина, мотив - *because of, for*; цель, предназначение - *for*; получатель - *for, to, at*; происхождение - *from*); производитель - способ (способ - *in... manner, like*; инструмент - *with, by*; исполнитель - *by, with*; стимул, побуждение - *at*; сопровождение - *with (out)*; поддержка или противодействие - *for, with, against*); обладания (*of, with (out)*); уступительные (*in spite of, for all*); ссылка на что-либо (*with reference to, as for, concerning*); исключения (*except for, apart from*); дополнение (*besides, in addition to*); указание на предмет обсуждения (*about, on*), материал (*with, out of, from*), меру (*for, at*), реакцию (*at, to*) (Quirk et al. 1992).

Все классификации, представленные выше, принадлежат к уровню лингвистической грамматики (ЛГ), в то время как методическая типология относится к грамматике педагогической (ПГ). Задачей последней, как известно, является отбор из ЛГ только тех сведений, которые потенциально могут оказать положительное воздействие на обучение (Черноватый, 1998: 138). С этой точки зрения, таковыми представляются учет структурной сложности предлогов (без деления их на подтипы), учет

позиции предлога (трудность вызовет постпозиция), семантическая классификация (наличие концептуальной сложности), учет многозначности предлогов (разные значения одного и того же предлога относятся к различным семантическим типам). Последнее может быть источником внутриязыковой интерференции, в то время как несовпадение семантических полей предлогов английского языка и РЯ учащихся создает предпосылки для устойчивой межъязыковой интерференции (включая и отсутствие постпозиции в РЯ). Таким образом, предполагаемыми источниками трудностей при усвоении английских предлогов могут быть такие факторы: межъязыковая интерференция, внутриязыковая интерференция, концептуальная сложность, структурная сложность. Если предположить, что в этой последовательности степень влияния указанных факторов на трудность усвоения равномерно нарастает при движении от последнего к первому, то с известной степенью допущения можно предположить, что последний элемент дает одну единицу трудности, предпоследний - две, второй - три, а первый - четыре. На основе такого допущения несложно построить гипотетическую типологию английских предлогов (см. табл. 1).

ТИП	А(4)	Б(3)	В(2)	Г(1)	Единицы трудности
1	-	-	-	-	0
2	-	-	-	+	1
3	-	-	+	-	2
4-5	-	+	-	-	3
4-5	-	-	+	+	3
6-7	+	-	-	-	4
6-7	-	+	-	+	4
8-9	+	-	-	+	5
8-9	-	+	+	-	5
10-11	+	-	+	-	6
10-11	-	+	+	+	6
12-13	+	-	+	+	7
12-13	+	+	-	-	7
14	+	+	-	+	8
15	+	+	+	-	9
16	+	+	+	+	10

Таблица 1. Методическая типология предлогов английского языка. Условные обозначения: А - межъязыковая интерференция; Б - внутриязыковая интерференция; В - концептуальная сложность; Г - структурная сложность; в скобках - количество условных баллов трудности, присвоенных соответствующему признаку

На основе данной типологии можно классифицировать любое значение любого предлога, с точки зрения потенциальной трудности его усвоения. Например, предлог *on* в значении "на поверхности чего-либо" относится к типу 1, т.к. это значение совпадает со значением аналогичного предлога в украинском / русском языках, отсутствуют внутриязыковая интерференция, концептуальная и структурная сложность. Однако другое значение этого же предлога, например в сочетании *on time* ("точно в назначенное время"), принадлежит к типу 15, т.к. в этом случае воздействует межъязыковая (несовпадение предлогов в ИЯ и РЯ) и внутриязыковая (помехи со стороны сходного выражения *in time*) интерференция, а также присутствует определенная концептуальная сложность. Таким образом, на основе данной типологии, можно предсказать, что значение предлога *on*, относящееся к типу 1, будет усвоено раньше, чем другое значение того же предлога, относящееся к типу 15.

Предложенная в данной работе методическая типология носит гипотетический характер и нуждается в экспериментальной проверке и возможном уточнении. Такая проверка является содержанием следующего этапа работы автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Close R.A. A Reference Grammar for Students of English. - Moscow: Prosveshcheniye, 1979.
2. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. - London: Longman, 1986.
3. Quirk R., Greenbaum S. et al. A Comprehensive Grammar of the English Language. - London: Longman, 1992.
4. Quirk R., Greenbaum S. et al. A University Grammar of English. - Moscow: Vyssaja škola, 1982.
5. Черноватый Л.Н. Психологические и лингводидактические основы теории педагогической грамматики. - Харьков: Основа, 1998.

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ СИНОПТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Козловская А.Б. (Сумы)

Люди издавна интересовались, как возникают облака, почему бывают гром, молния, дождь, снег. Что заставляет небо быть то приветливым и ласковым, то хмурым и невеселым, то мрачным и угрожающим? Почему бывает то холодно, то жарко? Но на эти вопросы они долго не могли найти ответа. Тем временем засухи и наводнения, опустошительные бури и морские штормы приносили из года в год немалый ущерб. Нужно было научиться заблаговременно узнавать о надвигающемся ненастье или предвидеть благоприятную для работы погоду.

Древние люди мало знали о закономерностях погодных явлений и свои наблюдения выражали в форме примет, пословиц и поговорок.

В Британском музее хранится "Дневник природы", датированный 1268-1270 г.г. Сведения о погоде есть и в русских летописях 15 века. Среди документов "Приказы тайных дел" (1657 г.) сохранились особые "Дневальные записи" (их вела дворецкая стража): "30 января, пятък. День от обеда холоден и ведрен, а после обеда оттепелен, а в ночи было ветрено...

4 февраля, среда. День был тепел и ведрен, а за полчаса до ночи пошел снег и шел пятого часу ночи, а в ночи было тепло же..." (Рощин 1983: 35).

Однако первые инструментальные метеорологические наблюдения стали возможны только в середине 17 столетия, когда были изобретены барометр и термометр. Научные наблюдения были организованы Академией Наук в Петербурге в 1725 г. Регулярные метеорологические наблюдения в России появились только спустя более ста лет.

В настоящее время метеорологической науке известны многие тайны природы, и она может не только объяснить те или иные погодные явления, но и предсказать их заранее. О том, какую погоду приготовила природа на завтра и на ближайшие дни, мы обычно узнаем из сводок погоды, передаваемых по телевидению, радио, напечатанных в газете.

Современная метеорология имеет мощную материально-техническую базу, находящуюся в ведении Всемирной метеорологической организации с 1963 г., основу которой и составляет постоянно функционирующая глобальная система наблюдения Всемирной службы погоды.

Вероятность правильного прогнозирования погоды значительно увеличилась за последние годы вследствие расширения наблюдаемой сети, оснащения ее более совершенными приборами. Средствами автоматизации, шарами-пилотами, радиозондами, метеорологическими и геодифизическими ракетами, лазерными системами для исследования очень высоких слоев атмосферы, а главное - за счет использования так называемых численных методов прогнозирования, т.е. применение к атмосферным процессам уравнений гидромеханики и термодинамики (построение сложных математических моделей движения воздушных масс).

Шутки над прогнозами синоптиков давно перестали считаться признаками хорошего тона, но эта тема продолжает "разрабатываться", ошибки в предсказаниях погоды время от времени дают пищу остроловам.

Ср. "В январе прошлого года в городе Джиде (Саудовская Аравия) неожиданно выпало рекордное количество осадков. Местная газета "Сауди газет" не замедлила откликнуться на знаменательное событие: "Прогноз погоды сегодня отменен из-за погоды. Сводки о погоде к нам привозят с метеостанции аэропорта, но сейчас все дороги затоплены. Будет или нет завтра в газете прогноз погоды - это зависит только от погоды" (Литинецкий 1986: 8-9).

Шведская Академия искусств, ежегодно присуждающая премию "за достижения в области поэзии и фантастики", дважды удостаивала специальной премии сотрудников стокгольмского Института метеорологических прогнозов, проявивших в своих предсказаниях погоды "необычную поэтическую фантазию, не имевшую ничего общего с действительностью" (Литинецкий 1986: 8).

При каждой ошибочной метеосводке можно услышать изречения типа "О погоде на завтра узнаете послезавтра" или "Бюро прогнозов срочно требуется ревматик". И все же подавляющая часть населения земного шара продолжает верить метеорологам.

Среди текстов погоды (ТП) особое место занимают газетные сообщения, в которых в компрессированной форме реципиенту предлагается информация о погоде.

Текст, как коммуникативная единица высшего ранга, отличается структурным, композиционным, семантическим и функциональным единством. Основными категориями текста являются категории информативности, законченности, линейной представленности, связности и повторяемости. Наличие основных категорий обуславливает появление терминов "нестандартный" и "нетипичный" текст. "Не все категории текста присущи любому тексту и не всегда осознаются как наличествующие даже там, где они обязательны" (Гальперин 1981: 22).

Прогноз погоды - это нетипичный текст малой формы, он характеризуется отсутствием левой границы текста - заголовка. Основными особенностями сообщений прогноза погоды является высокий уровень информативности и компрессия представленной информации. В сообщении нет ничего лишнего или случайного, элементы не часто подлежат изъятию или замене. Отточенность формы, объемный признак (лаконичность), ясность изложения в прогнозе погоды способствуют быстрому осмысливанию и точному запоминанию. Сигналы в тексте вызывают к жизни разные эмоции и ассоциации. За счет ассоциаций происходит обогащение смысла, развертывание семантики сообщения. Появление каждого элемента ассоциативной цепи предваряется постановкой вопроса, словесно оформленного / неоформленного, т.е. на уровне внутренней мыслительной операции.

В ситуации восприятия (осознания) реципиент осуществляет опору на поверхностный синтаксис. "Существенными являются ядерность предложений и внешний синтаксис" (Мурзин, Штерн 1991: 127).

Требования к тексту, которые включают облигаторные качества речи - ясность, недвусмысленность информации, краткость изложения - реализуются в газетном ТП с помощью цифр, употребления адвербов, атрибутивов при отсутствии глагола. Например:

Weather

Today: Sunny. High 82. Low 61. Wind 6-12 mph.

Monday: Mostly sunny, warmer. High 84. Low 61. Wind 6-12 mph.

Yesterday: Temp. Range: 60-80. Pollen Count: N/A Details Page B2 (The Washington Post, 1997: 283)

Weather

Today: Early fog, then mostly sunny. High 82. Low 62. Wind 6-8 mph.

Sunday: Early fog, then sunny, warm. High 82. Low 62. Wind 6-12 mph.

Yesterday: Temp. Range: 63-82. Pollen Count: 75 Details Page B2 (The Washington Post, 1997: 282)

Обязательным конструктом в ТП является указание темпоральной соотнесенности, выраженной словами “сегодня, вчера” и завтрашним днем недели.

В отличие от художественных ТП газетные сообщения прогноза погоды характеризуются отсутствием красочности представленной информации. В газетной и, в целом, публицистической речи, часто наблюдается переход метафорических парафраз в стандарт: служба погоды (метеорологическое бюро).

Газетное сообщение прогноза погоды характеризуется односторонностью передачи информации. Отсюда можно предположить, что газетный ТП приближается к письменной монологической речи, кроме того “собеседник” отдален от пишущего в пространстве и во времени.

Так же как и все нетипичные тексты, газетный ТП обладает способностью выражать не только то, что подвержено буквальной интерпретации, но и то, что представлено имплицитно, ассоциациями, подчас и неосознанными. Выявление скрытой информации в текстах реализуется посредством анализа поверхностных форм, когда “подтекст не заменяет подразумеваемое значение, а добавляет к нему” (Гальперин 1981: 46).

Если рассматривать два вида содержательно-подтекстовой информации (СПИ) - ситуативную и ассоциативную, - то в текстах малых форм преобладает ассоциативная СПИ, возникающая в силу свойственной нашему сознанию привычке связывать изложенное вербально с накопленным личным или общественным опытом. Чем богаче и разнообразнее тезаурус читателя, тем больше развита его способность аналитически воспринимать текст, конкретнее выступают для него очертания невербального.

Информативность газетных ТП иллюстрируется большим количеством синоптической лексики, о чем свидетельствует соотношение общеупотребительных и специальных слов, а также помехоустойчивость погодной лексики (см. ТП-1 и ТП-2).

ТП-1 FORECAST

General: England and Wales will have bright or sunny spells but eastern coastal areas will be cloudy at times. During the afternoon and evening outbreaks of rain will spread eastwards across south-west England and the Channel Isles. Scotland will have bright or sunny spells, although eastern coastal areas will be cloudy at times with occasional showers. Northern Ireland will have bright or sunny spells.

The temperatures will be near normal but it will be cool in eastern areas, especially near the coasts.

London, central S England, E Midlands, W Midlands, S Wales, N Wales, N W England, Lake District, Isle of Man, Central N: bright or sunny spells. Wind east to northeast, light to moderate. Max 15C (59F).

SE England, A Anglia, E England: bright or sunny spells but cloudy near coasts with onshore winds. Wind north to northeast moderate. Max 14C (57F) but cooler on some coasts.

Channel Isles, S W England: bright or sunny spells for a time. Rain from the west this afternoon and evening. Wind mainly east moderate, becoming fresh. Max 15C (59F).

NE England, Borders, Edinburgh and Dundee, Aberdeen, Moray Firth, NE Scotland, Orkney, Shetland: bright or sunny spells, cloudy near some eastern coasts, perhaps a few light showers for a time. Wind north to northeast moderate. Max 13C (55F) but cooler on some coasts.

SW Scotland, Glasgow, Central Highlands, Argyll, NW Scotland, N Ireland: bright or sunny spells. Wind northeast moderate. Max 13C (55F).

Outlook: northern areas will be mainly dry and bright. Southern areas will have rain followed from the south by brighter but showery weather (Times 1994, May 19).

Ср. Общее количество слов: 280

Из них знаменательных: 203

Количество синонимических слов: 184

Нейтральная лексика: 19

Коэффициент употребления синонимической лексики составляет 9,68

ТП-2 FORECAST

General: Early mist and fog patches will soon clear and there will be bright or sunny spells for a time. It will become more cloudy from the west and rain will spread into Wales, western England, parts of the Midlands and the Channel Isles in the afternoon and evening.

Patchy mist and low cloud may affect coasts in NE England where the winds are off the sea. Scotland will have bright or sunny spells after any early mist and fog has cleared. Becoming more cloudy and rain will spread into southwest

Scotland this afternoon and evening. Patchy mist and low cloud may affect eastern coasts where the winds are off the sea.

Blustery rain spreading across in Northern Ireland with heavier outbreaks.

Windy in the north and west and probably too much cloud in many places to see the eclipse this evening.

SE, Cent S, E, & Cent N Eng, E Ang, Mids: Bright or sunny spells. Cloudier later. Wind SE light to mod. Max 17C (63F); cooler on coasts.

NE Eng, Borders, E'burgh & Dundee, A'deen, NE Scotland, Orkney, Shetland: Bright or sunny spells. May be cloudy and misty on some windward coasts. Wind SE moderate to fresh. Max 13 to 15C (55 to 59F), but cooler on some coasts.

Ch'Is, SW & NW Eng, Wales, Lakes, IoM, SW Scotland, G'gow, Argyll: Brighter spells, but becoming cloudy. Rain from west in afternoon and evening. Wind S to SE fresh to strong. Max 14 to 17C (57 to 63F).

Cent H'lands, Moray Firth, NW Scotland: Bright or sunny spells. More cloudy later. Wind southeast fresh to strong. Max 13C (55F)

N Ireland: Cloudy. Blustery rain from west this morning. Heavy rain this afternoon. Wind SE fresh to strong. Max 13C (55F).

Outlook: Rain or showers in many central and southern areas, but northern areas brighter and drier (Times 1994, May 10).

Общее количество слов : 331

Из них знаменательных : 217

Количество синоптических слов : 200

Нейтральная лексика : 17

Коэффициент употребления синоптической лексики составляет 11,76

Исследование полифункциональности газетных ТП показывает, что воздействующая функция ТП не явно представлена в силу отсутствия метафор, метонимии и других фигур речи. Информационные блоки ТП отличаются нейтральностью, точностью, наличием специальной терминологии, широким употреблением топонимов, аббревиатур и синтаксических (ср. пассивных) конструкций.

Изучение синоптических текстов представляется весьма актуальным, что обусловлено тенденцией современной лингвистики, исследованием категорий типичных и нетипичных текстов, глубоким осмыслением коммуникативных единиц высшего ранга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И.Р. (1981) Тексты как объект лингвистического исследования. - М.: Наука, - 138 с.
2. Литинецкий И.Б. (1986) Изобретатель - природа. - М.: Знание, - 208 с.
3. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. (1991) Текст и его восприятие. - Свердловск, - 170 с.
4. Рошин А.Н. (1983) Сам себе синоптик. - К.: Рад. Школа, - 206 с.
5. Times. Tuesday, May 10, 1994.
6. Times. Thursday, May 19., 1994.
7. The Washington Post N 282, Saturday, September 13, 1997.
8. The Washington Post N283, Sunday, September 14, 1997.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ОБУЧЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ПО ВЕКТОРНОЙ МОДЕЛИ СТУДЕНТОВ И СПЕЦИАЛИСТОВ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Н.В. Кононенко, А.С. Панков (Харьков)

Одной из ведущих целей обучения иностранному языку в неязыковом вузе является чтение. Для успешного овладения навыками различных видов чтения учащийся “прежде всего должен владеть определенным объемом лексического и грамматического материала, должен овладеть определенной языковой компетенцией” (Фоломкина 1987: 51). Как показывает практика преподавания иностранного языка в неязыковом вузе, большинство студентов 1-го курса не владеют необходимым уровнем базовых грамматических навыков, как в устной, так и в письменной речи. Поскольку это препятствует достижению упомянутой основной цели обучения – умению читать оригинальную литературу по специальности, восполнение этого пробела в сжатые сроки становится насущной проблемой практически каждого преподавателя. Каким же образом в сжатые сроки и с минимальным количеством часов сформировать речевые навыки на иностранном языке, дать возможность студенту овладеть иноязычно-речевой коммуникативной компетенцией? Достичь этого можно, только учитывая принцип максимальной интенсивности учебного процесса (Тарнопольский 1995). Одним из путей реализации этого принципа является концентрация и особая организация учебного процесса, когда система введения, отработки и закрепления грамматического материала учитывает профессиональные особенности обучаемого контингента (в нашем случае – студентов физико-математического профиля), т.е. их сильные стороны, которые могут быть использованы в процессе изучения иностранного языка.

Из психологии известно, что на умственную деятельность взрослых людей большое влияние оказывает их профессиональная деятельность. При этом, по выражению Б.Г. Ананьева, возникает “индивидуальный стиль умственной работы”, связанный как с природными особенностями личности, так и с образованием. Этот индивидуальный стиль проявляется при любых видах интеллектуальной деятельности, в том числе и при изучении иностранного языка. Можно также вспомнить, что в свое время еще Л.Г. Выготский отмечал общие моменты в процессах усвоения инос-

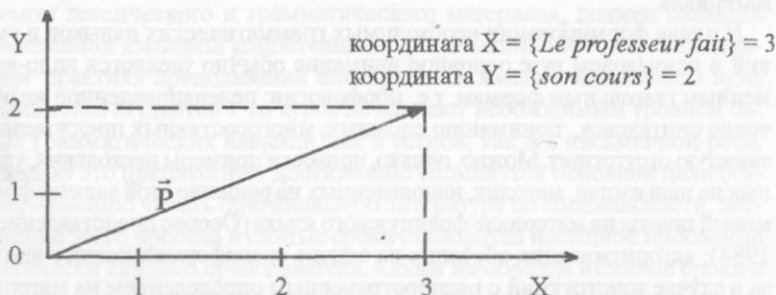
транного языка и системы научных понятий. Иными словами, имеются основания для попытки использовать некоторые специфические особенности умственной деятельности специалистов в области точных наук, а также специфику самих этих наук, в процессе обучения иностранному языку. Под последним подразумевается широкое использование математического аппарата, обеспечивающее, в частности, точное и строго логичное описание нового материала, вытекающего непосредственно из старого, и его закрепление путем решения задач. Мы уже использовали такой подход при введении и закреплении грамматического материала на примере системы времен глаголов изъявительного наклонения во французском языке (Кононенко 1989). В настоящей статье мы предлагаем, в русле этого подхода, способ введения и закрепления синтаксического материала.

В плане формирования необходимых грамматических навыков и умений в неязыковом вузе основное внимание обычно уделяется видо-временным глагольным формам, т.е. морфологии; целенаправленное же обучение синтаксису, пониманию сложных, многосоставных предложений, зачастую отсутствует. Можно, однако, привести примеры нескольких, удачных на наш взгляд, методик, направленных на решение этой задачи: фреймовый подход на материале французского языка (Осеевское представление... 1984); алгоритмизация обучения на основе трансформационного анализа в случае конструкций с распространенным определением на материале немецкого языка (Белопольская 1969: 56-90); обучение на основе модели "слово, группа, предложение" на материале английского языка (Крупаткин 1995: 67-72). В данной же работе предлагается синтаксическая модель, условно называемая векторной и базирующаяся на некоторых физико-математических понятиях и символах, в первую очередь, понятии вектора. Она вполне может быть использована при обучении соответствующего контингента.

Вектор – это любая физическая величина, которая характеризуется, кроме количественного значения, еще и направлением, например: скорость 100 км/ч в конкретной ситуации всегда подразумевает еще и направление движения. Графически векторы обычно изображают в виде стрелок. При решении физико-математических задач на построение обычно используется декартова система осей координат X и Y , т.е. вектор имеет численные координаты по каждой из осей. Векторы можно складывать, а также умножать, в математике существуют соответствующие правила и теоремы.

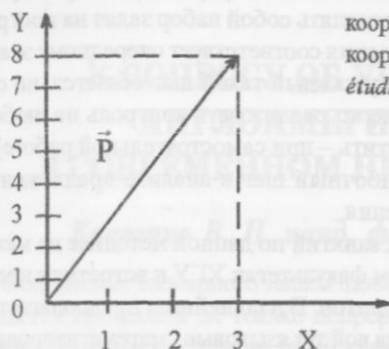
В нашей модели мы предлагаем представлять предложение (сначала простое) в виде суммы главных и второстепенных членов и изображать

его в виде вектора в системе осей координат. При этом ось X является осью главных членов предложения, а ось Y – второстепенных (дополнения и обстоятельства; определение же может входить как в группу подлежащего, так и в группу дополнения и обстоятельства). Если просуммировать количество лексем в группе подлежащего и сказуемого, то мы получим координату нашего вектора по оси X. Аналогично устанавливается координата по оси Y. Например, имеется предложение: *Le professeur fait son cours* “Преподаватель читает лекцию”. Главные члены предложения – *Le professeur fait* (3 лексемы), второстепенные – *son cours* (2 лексемы). Тогда координата $X=3$ (*Le professeur fait*), а координата $Y=2$ (*son cours*). Само предложение в целом будет представлено в виде стрелки $\vec{P}$ (proposition). Изобразим это графически:

По такому же принципу можно изобразить (в точных науках говорят “построить”) любое простое предложение. Таким же способом строится и сложносочиненное предложение, которое можно условно считать “суммой” двух и более простых. Тогда на чертеже изображается два (и более) вектора, соответствующих каждому из простых предложений, и, согласно соответствующим математическим правилам, строится суммарный вектор, соответствующий исходному сложносочиненному предложению. При этом сочинительный союз (условно) выполняет роль знака “+” при суммировании. Сложноподчиненное предложение строится несколько по-иному, но также в рамках этого принципа. В качестве примера приведем сложноподчиненное предложение с придаточным определительным: *Le professeur fait son cours que les étudiants écoutent attentivement* “Преподаватель читает лекцию, которую студенты внимательно слушают”. Придаточное предложение здесь относится к *son cours* “лекция” и при этом углубляет, как бы “умножает”, его смысл. Поэтому при построении мы “умножаем” *son cours* на четыре (*les étudiants écoutent attentivement*). Тогда координата по оси второстепенных членов предложения будет равна не двум, а восьми (*son cours* – два слова, *les étudiants écoutent*

attentivement – четыре слова, т.е. $2 \times 4 = 8$). Координата же по оси главных членов предложения равна трем (*Le professeur fait*). Условную роль знака умножения “х” выполняет союз *que* “который”.

координата $X = \{\text{Le professeur fait}\} = 3$
 координата $Y = \{\text{son cours}\} \text{ que } \{\text{les}\}$
 $\text{étudiants écoutent attentivement}\} = 2 \times 4 = 8$

В работе Кононенко (Кононенко 1985) рассмотрены также и другие типы предложений.

Подобный принцип графического символического изображения предложений и сам процесс построения представляется нам достаточно перспективным для обучения синтаксическому анализу сложного предложения студентов, а также специалистов физико-математического профиля. Известно, что научные тексты характеризуются, в плане языка, высокой степенью сложности, в частности, в плане синтаксическом. Однако на начальном этапе обучения иностранному языку в неязыковом вузе логико-грамматическому анализу предложения при чтении специального внимания не уделяется, и восприятие происходит интуитивно, по аналогии с родным языком. При таком положении вещей проблемы анализа структуры предложения на этом этапе как бы не существует. Но она появляется на продвинутом этапе обучения, где навыки проведения этого анализа уже необходимы, но учащийся ими не владеет, и в результате восприятие сложного, многосоставного предложения зачастую оказывается затрудненным. По нашему убеждению, студентов неязыковых факультетов необходимо специально обучать синтаксическому анализу, причем с самого начала обучения, с тем, чтобы навыки, выработанные на материале самых простых предложений, развивались и затем успешно применялись на сложном синтаксическом материале. В свое время мы провели специальное методическое исследование, подтверждающее эту мысль (Кононенко и др. 1992).

Конечно, для обучения анализу структуры предложения можно использовать различные методы и приемы (в частности, упомянутые нами выше). В настоящей же работе предлагается модель, предназначенная для обучения иностранному языку именно специалистов в области точных наук. В

ней используются физико-математические понятия и символы, что является ее достоинством в глазах вышеупомянутого контингента, профессиональной привычкой которого является постоянное использование в работе специальных символов. Система языковых упражнений при обучении по нашей модели должна представлять собой набор задач на построение, в которых каждый шаг построения соответствует очередному этапу синтаксического анализа. Поскольку каждый такой шаг обязательно сопровождается подсчетом лексем, легко реализовать контроль на любом этапе анализа и сразу указать (заметить – при самостоятельной работе) и исправить ошибку, поскольку ошибочный шаг в анализе предложения сразу же отражается в записи решения.

Мы провели несколько пробных занятий по данной методике на механико-математическом и физическом факультетах ХГУ и встретили положительный отклик со стороны студентов. В дальнейшем предполагается издание специального пособия, куда войдут языковые “математизированные” упражнения с ключами, правильные ответы там выражены цифрами, соответствующими координатам искомого вектора предложения, а также речевые упражнения на естественном языке. Выполнение языковых упражнений целесообразно предлагать в качестве самостоятельной работы, поскольку их математическое оформление не представляет ни малейшей сложности для специалистов физиков и математиков. Нами составлена также экспериментальная обучающая компьютерная программа (на языке Turbo Pascal для компьютеров, совместимых с IBMPC). После дальнейшей проверки и доработки она может, в принципе, быть рекомендована, например, для самостоятельного изучения языка или при дистанционном обучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белопольская А.Р. (1969). Использование данных трансформационного анализа для построения алгоритмов // Вопросы программированного обучения ин. языкам. – Москва. – С. 56–90.
2. Кононенко Н.В. (1985) Привлечение физико-математических понятий и символов при обучении синтаксису иностранного языка на факультетах точных наук. – № 596-85, деп. 02.07.1985, НИИВШ.
3. Кононенко Н.В. (1989) Использование математических понятий и символов при обучении грамматике иностранного языка студентов и специалистов в области точных наук // Ин. языки в высшей школе. – Москва. – С. 115–122.
4. Кононенко Н.В., Нестеренко В.Ф., Шатохина Т.Н. (1992) Об обучении грамматике французского языка (синтаксис) на неязыковых факультетах. // Респ. научно-методич. конференция. Проблемы оптимизации обучения ин. языкам в неязыковом ВУЗе. – Оренбург. – С. 12–15.
5. Крупаткин Я.Б. (1995) Об одном пути к пониманию текстов // Ин. языки в школе. – Москва. – № 2. – С. 67–72.
6. Осевое представление семантико-синтаксической организации предложения (методические рекомендации для преподавателей высш. и средн. учебн. заведений) (1984). – Ленинград.
7. Тарнопольский О.Б. (1995) Интенсивное обучение иностранному языку для повседневного и де-

лового общения: построение курса, методика, результаты // Ін. мови. – Киев. – № 3–4 – С. 11–15. 8. Фоломкина С.К. (1987) Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом ВУЗе. – М.: Высшая школа.

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ АНГЛОАМЕРИКАНИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Кривенко В. П. канд. филол. наук (Харьков)

Обновление словарного запаса любого языка, в том числе и немецкого, является процессом не только непрерывным, но и постоянно ускоряющимся. Сохраняя основное ядро словарного запаса, немецкий язык обогащается новыми словами, заимствованными в первую очередь из английского языка. Параллельно с обогащением языка неологизмами идёт процесс “отмирания” и модификации “старых” слов, когда те или иные слова и выражения выходят из употребления, заменяются либо приобретают новые значения и оттенки. При изучении немецкого языка студенты часто сталкиваются со словами и выражениями, которые не отражены даже в известнейших словарях, т. к. это сделать практически невозможно поэтому очень важно, чтобы эта лексика своевременно фиксировалась, описывалась и классифицировалась в статьях и пособиях. Значительного числа приводимых в статье слов ещё нет в словарях, эти самые “молодые” неологизмы собраны по различным источникам – от специальных публикаций других германистов до рекламных проспектов и журналов мод. Однако чтобы понять значение новых слов и выражений, в большинстве случаев приходится комментировать также и реалии, потому что, как справедливо считает П. Н. Денисов, “значение слов трудно изучать, не сообщая при этом некоторых знаний о предметах и явлениях, стоящих за этими словами, а с другой стороны, сумма значений слов не равна сумме знаний о действительности, описываемой этими знаниями. Знания фиксируются, скорее, не в словах, как таковых, а в их сочетаниях, в предложениях, в целых текстах ... (Денисов, 1969, с. 17).

Практически невозможно перечислить все сферы человеческой деятельности, где появляются неологизмы. Появление же неологизмов связано с процессами, происходящими в этих сферах и лежащими за пределами компетенции лексикологов, которым остаётся лишь констатировать эти языковые явления, описывать новые слова, их значения, сферу употребления, сравнивать значения заимствований с уже существующими в языке слова-

ми и т. д. Очень часто лексикологи фиксируют новые слова, которые впоследствии становятся ключевыми для создания неологизмов при использовании словообразовательных средств немецкого языка. Однако же по-прежнему остаётся открытым вопрос, почему всё же новые слова, прежде всего англоамериканизмы, так интенсивно проникают в немецкий язык, особенно в последнее время. Этому даются различные объяснения, среди которых, например, выделяется звуковой аспект (Розен, 1991, с. 21). Естественно, что для носителя немецкого языка легче всего запомнить то чужое слово, которое вызывает какие-либо ассоциации с родным языком, особенно в тех случаях, если носитель немецкого языка не владеет иностранным (английским) языком. Например, слово *Skript* (сценарий) ассоциируется по форме и по содержанию с немецким словом *Schrift*. Слово *Boß* не вызывает у немца никаких смысловых ассоциаций, но в фонетическом плане сопоставимо со многими односложными немецкими словами. Кроме фонетического аспекта усвоения англоамериканизмов, несомненно, большую роль играет факт родственности английского и немецкого языков. Многие новейшие заимствования сходны по содержанию и форме с исконно немецкими словами, имеют соответствия в немецком языке, однако заимствованные новейшие англоамериканизмы, как правило, модифицированы новыми значениями и оттенками: *Singer* – *Sänger*, *long* – *lang*, *old* – *alt*, *cool* – *kühl*, *Run* – *rennen*, *Show* – *Schau* и т. д. По-прежнему актуальным остаётся вопрос о том, что заставляет носителя немецкого языка сделать выбор в пользу заимствования (англоамериканизма) при наличии в немецком языке слов с аналогичным значением. Ведь “извлечение определённых лексических единиц из языка-источника и их внедрение в наблюдаемый язык не всегда оправдано с позиций расширения словарного запаса. В таких случаях речь не может идти о заполнении лакун в лексической системе немецкого языка и о совершенствовании понятийной картины мира” (Сидоров, 1991, с. 10). О. В. Сидоров также выделяет три аспекта реализации прагматического потенциала заимствований. Это референциальный, сигнификативный и социативный аспекты. Кроме этих аспектов, конечно же, очень важно выделить также и социальный аспект. При анализе англоамериканизмов необходимо выделять те социальные группы, где наиболее употребляемы такие заимствования или откуда эти заимствования вышли на общеупотребительный уровень. При этом нельзя не упомянуть социально-политический аспект проникновения и функционирования в современном немецком языке англоамериканизмов. Если, например, Франция, претендуя на “Grande Nation” стремится по возможности не допустить в свой язык английские слова, находя им замену во французском (правда, это звучит иногда как “мокроступы” вместо “галоши”), то Германия стремится к созданию мультинационального общества и в связи с этим не ограничивает доступ анг-

лийских слов в немецкий язык. Кроме того, Германия после своего объединения приобрела имидж "объединителя" Европы, что также обуславливает толерантность по отношению к англоамериканизмам в современном немецком языке. Конечно же, проникновению англоамериканизмов способствует престиж США на международной арене, успехи американцев в науке и технике да и просто тот факт, что английский язык действительно становится всемирным языком, как бы другие страны и народы не относились к США и английскому языку. Особенно большое количество новых иностранных слов проникает в другие языки на всплеске популярности каких-то политических событий или каких-то грандиозных открытий. Достаточно вспомнить "перестройку" и "гласность" в бывшем СССР или запуск первого спутника. При всём этом хочется всё же отметить своеобразный "комплекс неполноценности" немцев по отношению к США после 1945 года и "комплекс вины", который ощущается даже в наши дни. "Боясь", что Германию "заподозрят" в возможности возникновения национал-социализма, она стала на путь объединения Европы, на котором находят своё выражение и такие сугубо лингвистические явления, как активное проникновение в современный немецкий язык и функционирование в нём во всех сферах жизни англоамериканизмов.

Возвращаясь к лингвистическим проблемам, в самом общем виде можно выделить три важнейшие сферы функционирования новейших англоамериканизмов. Это мир молодёжи, мир науки и техники, мир моды и рекламы. Важно отметить окказиональное употребление английских слов в научно-популярных текстах, которое нельзя объяснить никакой языковой необходимостью, что наталкивает на мысль, что эти "неологизмы" употреблены скорее для "осовременивания" текста, придания ему уже ставшим привычным какого-то "синтетического" немецко-английского звучания. Так, в журнале "Deutschland" читаем: "Nach nur zwölf Monaten Entwicklungszeit feierte die neuartige dieselektrische Lokomotive „Blue Tiger“ in Kassel ihr „Roll-out“. (Sie) ... verkauften mit viel Medienrummel die letzten 444 „Trabis“ als „Last Edition“ ...". В этих примерах не стоит также забывать о сходности звучания английских и немецких слов, а также о сходности их значений (roll – rollen, out – aus, last – letzt).

В последнее время также стала заметна тенденция "вытеснения" старых французских заимствований новейшими англоамериканизмами, например, вместо Silhouette – Skyline, вместо Manneguin – Model и т. д., что свидетельствует о динамичности процесса заимствования англоамериканизмов в современном немецком языке.

Следует упомянуть о проблеме определения рода заимствованных существительных можно определить по аналогии с соответствующими немецкими существительными, то у некоторых других это сделать невоз-

можно и трудно объяснить выбор артикля (die City – die Stadt, der Job – der Beruf, das Internet – das Netz, aber: der Trend, der Pool, der Drink). В последнем случае можно, вероятно, предположить, что род односложных существительных определяется по аналогии с немецкими существительными мужского рода, образованными от глагольных корней.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать тот факт, что в современном немецком языке прослеживается динамичная тенденция проникновения и активного употребления во всех сферах жизни немецкого общества новейших англоамериканизмов, что объясняется различными причинами, одной из которых является причина социально-политическая, связанная с политической и экономической ролью ФРГ в Европе и США во всём мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисов П. Н. (1969). Принципы отбора лексики для учебных словарей // Вопросы учебной лексикографии. – М.: Просвещение.
2. Розен Е. В. (1991). Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке. – М.: Просвещение.
3. Сидоров О. В. (1991). Прагматический статус заимствований в современном немецком языке // Взаємодія одиниць різних рівнів германських, романських і слов'янських мов. – Київ: КДПІМ. – С. 10-14.
4. Маєвська Л. Д. (1991). Англо-американізми і їх атрактивність у німецькомовній рекламі // Взаємодія одиниць різних рівнів германських, романських і слов'янських мов. – Київ: КДПІМ. – С. 161-164.
5. Deutschland, Nr. 4, 1997, S. 16.

ОБУЧЕНИЕ ПИСЬМЕННУМУ АСПЕКТУ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА III КУРСЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ФАКУЛЬТЕТА

В.С. Кузьмина (Харьков)

Вряд ли кто-нибудь из преподавателей станет оспаривать утверждение, что письменный аспект представляет наибольшую трудность при обучении иностранному языку (Jan Bell 1990). Все виды письменных работ имеют свою специфику, и в рамках данной статьи мы не ставим перед собой задачу рассмотреть все виды письменных работ, которые практикуются на III курсе педагогического отделения факультета иностранных языков. Остановимся на одной разновидности письменных работ, а именно, на сочинении / essay/.

Сочинения наши студенты пишут, начиная с I курса. В основном, это происходит на завершающем этапе работы над устной темой. На III курсе темы, включенные в программу, конечно, становятся значительно слож-

нее, чем на I и II курсах, и, как правило, имеют дискуссионный характер. И вот наступает день, когда студенты III курса получают домашнее задание - написать сочинение, и на столе преподавателя оказываются письменные работы, которые можно определить как "поток сознания", т.е. работы не отличаются ни правильным оформлением, ни четким изложением мыслей.

На наш взгляд подобные недостатки студенческих работ можно объяснить следующими причинами. Прежде всего, можно сослаться на так называемую "culture difference". Англоязычная письменная речь отличается от русскоязычной гораздо большей формальностью и формализованностью. Когда мы даем студентам задание написать сочинение, т.е. творческую работу, мы ставим перед ними две цели, которые вступают в конфликт друг с другом. I-ая цель - дать возможность высказать свои мысли и суждения. Такая цель повышает мотивацию студентов и дает им возможность интегрировать знание языка со своими идеями и личным опытом и попытаться как можно более эффективно осуществить коммуникацию с предполагаемым читателем (даже если заранее известно, что этот читатель - их собственный преподаватель). С этим у большинства студентов проблем нет. Если тема интересная, они с удовольствием высказывают свои мысли и делают это весьма экспрессивно.

2-ая цель - дать студентам понять, что academic writing in English обычно следует особым, довольно строгим образцам. Такое ограничение не будет способствовать естественному выражению мыслей, а напротив, будет мешать этому. Выход заключается в том, чтобы научить студентов воспринимать вышеупомянутые образцы не как нудный и искусственно навязываемый набор догм, а как совокупность средств и возможностей, которые призваны помочь им справиться с письменной работой (Callow 1990).

К счастью, существует немало методической литературы по этому вопросу. Задача преподавателя - выбрать то, что подходит ему и отнестись к данной работе творчески. Мы убедились на собственном опыте, что простое объяснение (или задиктовывание) правил ничего не дает. Хорошего результата можно добиться, если начать обучение этому виду работы во втором семестре II курса и проводить его по этапам, предложенным У. Литтлвудом (Littlewood 1990), при необходимости внося свои изменения и дополнения.

Этап 1. Цель этого этапа - закрепить уже имеющийся у студентов опыт творческого использования языка в письменной форме. Студентам дается подборка из десяти пословиц разных стран и предлагается, разделившись на группы из 3-ех человек, выбрать одну пословицу и придумать историю, иллюстрирующую данную пословицу. При этом следует соблюдать только два правила:

1. В истории не должна упоминаться сама пословица или слова, входящие в нее.

2. Поскольку предполагается, что каждая история будет прочитана вслух, следует постараться, чтобы слушатели сразу поняли, о какой пословице идет речь.

Этап 2. Студенты по очереди читают свои истории, а слушатели должны догадаться о какой пословице идет речь. Важность этого этапа в том, что письменные работы студентов становятся актом коммуникации между ними и другими студентами.

Этап 3. Преподаватель рассказывает студентам, что исследования показали, что в сказках и историях разных стран и народов присутствуют одинаковые элементы, что позволило составить типичную "схему рассказа" (Littlewood 1990). Затем каждую группу просят проанализировать их собственные истории с точки зрения присутствия этих типичных элементов. Однако, преподавателю следует проследить чтобы у студентов не сложилось мнение, что все истории должны точно соответствовать схеме. На этом этапе студенты "проводят исследование" не относительно достоинств и недостатков их собственных историй; они лишь проверяют, действительно ли типичны элементы, упомянутые в схеме.

Этап 4. Этот краткий этап имеет важное связующее значение. Выполнив задание, данное в этапе 3, студенты приходят к пониманию того, что все истории имеют общую структуру. Им предлагается подумать над причинами того, почему это происходит и в чем значение этой общей структуры. Ответ на данный вопрос состоит в том, что общая структура способствует коммуникации, предлагая слушателям или читателям общую "канву", в которой могут быть помещены любые герои и события, согласно воле автора.

Главное на этом этапе - добиться того, чтобы студенты поняли, что структура истории - не жесткая система правил, она дает автору возможность вариаций и способствует коммуникации.

Этап 5. На этом этапе движение осуществляется не от текста к структуре, а наоборот, от структуры к тексту. Студентам даются примеры некоторых противоречивых суждений, касающихся их собственной страны и культуры. Все утверждения начинаются с *should* и являются общими вопросами, на которые можно ответить да/нет. Студенты делятся на группы по 3-4 человека. Выбирают одно из суждений и обсуждают его по следующей схеме:

1. Предыстория вопроса. Почему данная проблема стала считаться серьезной.

2. Аргументы за.

3. Аргументы против.

4. Вывод. (Он не обязательно должен быть однозначным; это может быть "да, при условии, что..." или "нет, в ситуации...").

Этап 6. Студенты проводят краткую презентацию своих работ. Это, в некотором роде, драматизация письменного сочинения. Студенты имеют возможность поработать с предложенной схемой и посмотреть, насколько она помогла осуществить коммуникацию.

Заключительный этап. Студентам предлагают написать essay такого же дискуссионного характера на эту же или другую тему. Сочинение должно состоять из 4-ех частей, согласно вышеуказанной схеме.

Может показаться, что такая работа отнимает много времени, но на самом деле, достаточно раз в неделю посвящать занятие такому виду работы, чтобы студенты хорошо овладели навыком написания сочинений на английском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jan Bell, 1990. Heinman Integrated Skills. Upper Intermediate. 2. Margaret Callow, 1990. Heinman Integrated Skills. Advanced. 3. W. Littlewood. From proverbs to essays: developing students awareness of rhetorical structure. Modern English Teacher. Vol. 6, No 1, 1990, pp. 31-37.

РОЛЬ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ В СИСТЕМЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

А. Э. Левицкий, канд. филол. наук (Житомир)

Проблема функционирования языка как динамической системы неразрывно связана с проблемой функционирования языковых единиц в высказывании. Любая система, если она жизнеспособна, не представляет из себя жесткую, самодостаточную организацию. В ней всегда есть переходные случаи, а любая классификация ее элементов допускает как ядерные, так и периферийные, т. е. неочевидные случаи. Отдельные единицы номинации современного английского языка под влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, изменяют свою функциональную ориентацию и закрепляют данную замену, реализуя при-
сущие им в системе и структуре языка функциональные потенции. Изменения в языке, прежде всего, служат отражением изменений в познании и

описании его носителей как действующих (говорящих) субъектов. Языковая картина мира лишь фиксирует изменения, происходящие в концептуальной картине мира как каждого индивида, так и всех его носителей.

Функциональная переориентация представляет реализацию языковой единицы ее потенциальных функциональных, новых, узואльно не закрепленных грамматических и лексических характеристик. Данный процесс носит синхронный характер. Функциональная переориентация рассматривается нами как особый деривационный процесс, со временем переводящий некие языковые единицы в новое семиологическое качество.

Любое переосмысление традиционной категориальной семантики, синтаксических связей, прагматической направленности языковой единицы и ее знаковая транспозиция выступают показателями функциональной переориентации – процесса, тесно связанного с человеком как мыслящим и познающим мир субъектом (поскольку данное явление представляет собой новую номинацию), возникающего только в ходе коммуникации, в результате актуализации функций-потенций языковых единиц.

Таким образом, явление функциональной переориентации связано как с процессом номинации, так и с процессом коммуникации. Поэтому оно наиболее полно проявляется на примере номинативных единиц языка, поскольку их функции-потенции достаточно объемны. Кроме того, действие данного деривационного процесса распространяется и на единицы, относящиеся к другим (фонологическому, морфологическому и синтаксическому) уровням языковой структуры, что приводит к реализации их функций как номинативных единиц. Иными словами, в высказывании возможна функциональная переориентация разноуровневых языковых элементов: *hyper (adj.), mega (adj.); /i:/ (n), /ou/ (n); -aid, -aware, -person, -driven, -led, -speak, -style, -word, woman-; Cheezit! (interj), How d'you do (n), Charlie's dead! (interj), What? (n); Cut!, Brother!, Grand!, My hat!, Banana oil!, A pretty kettle of fish!; kind of, hell of a lot, my gum!* (см. подр. Левицкий 1998 : 85 – 86).

Среди случаев переориентации единиц разных уровней отметим лексикализацию словосочетаний в сложные глаголы (*to lick like a cat → to catlick, to land on the belly → to belly-land, to watch one's clock → to clock-watch, to drop names → to name-drop, a stone wall → to stonewall, high tail → to hightail, second guess → to second-guess, cocktail → to cocktail*), интеграцию сложных глаголов и глаголов с послелогом (*to draw back → a drawback, to black out → a black-out, to cut up → a cut-up*), интеграцию элементов словосочетаний в результате телескопии (*breakfast lunch = brunch, television broadcast = telecast*), преобразование словосочетаний в лексемы путем отсечения одного из компонентов (*local train → a local, a private soldier → a private*), интеграцию компонентов свободного слово-

сочетания в сложное слово (*stay at home* → *stay-at-home*, *once over lightly* → *once-over-lightly*), трансформацию и идиоматизацию полнозначных лексем, словосочетаний/предложений в междометия (*champion* → *champion!*, *my* → *my!*, *my foot* → *my foot!*, *That's my pigeon* → *That's my pigeon!*).

Функционально переориентированные единицы, активно пополняющие словарный состав современного английского языка, в основном находятся на его периферии, поскольку несут на себе черты окказиональности, являясь продуктом индивидуального речетворчества. Подобные инновации не имеют широкого употребления в речи, ограничиваясь определенными контекстами, они основаны на индивидуальности когнитивного процесса "высвечивания" и требования ситуации общения, а следовательно, имеют ограниченную сферу своего употребления.

Личностный смысл, вкладываемый в обозначение того или иного предмета, действия, состояния, качества и т. п. реальной действительности, способен приводить к возникновению окказионализма. "Высвечивание" индивидом той или иной особенности референта, не совпадающее с традиционным, закрепленным в языковой номинации в данном социуме, и предопределяет появление окказионализма.

Окказионализм представляет собой новую по содержанию языковую единицу, которая находится на периферии языковой системы, являясь продуктом индивидуального словообразования, вследствие определенных функциональных причин. Окказионализмы не имеют широкого употребления в речи, ограничиваясь определенными контекстами, а следовательно, не распространены в конкретном социуме. Индивидуально произведенные языковые единицы всегда характеризуются воплощением некой стилистической цели и доминированием определенной прагматической функции:

- *Mr. Harrington...*

- *Don't "Mr. Harrington" me, with your smarmy voice and bowing from the waist. You had the gall to patronize me — tell me what's wrong with my house /.../ (P. Shaffer);*

"It's on at the What-do-you-call-it Theatre" (P. G. Wodehouse); "The usual arty sort, Ruskin-cum-William Morris set of people /.../ (R. Aldington); "Miss Watkins was a nobody. She was a drifter. No family, no close friends..." (P. Benchley); "The music wa-wa-was out, fifties-style, in a movie-title sequence that ends on a big, geitzy juke box /.../ (D. Potter); Just tell Miss Nancy Whatnot to keep her mouth shut in future (J. Symons).

К окказионализмам мы относим инновации, создающиеся для удовлетворения потребностей коммуникации, но не входящие к определенному историческому моменту в систему языка. Подобные единицы характе-

ризуются ненормативностью, нерегулярностью употребления, непривычностью и новизной в процессе восприятия, экспрессивностью и контекстуальной зависимостью.

Именно потребности общения в совокупности с индивидуально-личностными особенностями коммуникантов предопределяют функциональные характеристики ненормативных инноваций. Ряд функционально переориентированных единиц потенциально способен со временем закрепить свои характеристики в системе языка, если их приобретенные семантические показатели окажутся для нее существенными. Как, например, произошло в случае с *to water*, *to cast*, *to import*, *to book* и им подобным. На начальном же этапе своего возникновения они активно пополняют сферу вокабуляра, именуемую зоной сниженного стилистического тона, как, например, *afro* (n), *Alphonse* (n), *big Dick* (n), *daddylonglegs* (n), *fanny* (n), *to visit Miss Murphy* (v), *after* (n), *to out* (v), *to eighty-six* (v), *brown* (n, v) и им подобные.

Пополнение именно этой зоны словарного состава языка вполне объяснимо, если рассматривать сленг как инструмент отстранения (см. Радзиховский, Мазурова 1989), поскольку в сленге высок процент слов с неопределенным денотатом, для которых особую значимость играют индивидуально-личностные аспекты понимания и интерпретации окружающего мира. Отметим также, что сленгизмы создаются для обособления тех людей, которые ими пользуются, в особую группу не только в социальном, но и в языковом плане. Мотивированные слова возникают, в частности, в результате своеобразного словотворчества, языковой игры, контаминации внешней формы слов, присущих только просторечному словообразованию (*dab* < *bad*, *cool* (*good*, *awesome*, *serious*), *flub-dub* = *claptrap*, *mish-mash* = *jumble*, *tunch* = *tea and lunch*, *fess* = *professor*, *ad* = *advertising*, *out-of-the-box* (*originally*, *creatively*, *unconventionally*), *SoHo/SOHO* = *small office, home office*, *ТОНО* = *tiny office, home office*). Сходные процессы фиксируются и на материале современного русского языка типа *ништяк*, *клево*, *классный*, *босс*, *чмо*, *бабки*, *мент*, *чех* (*чеченец*), *мышь* (*женщина-помощник вора*), *Таёта* (*мотоцикл*), *курятник* (*место для курения*), *Борис Федорович* (*клей-БФ*), *Богдан Титомир* (*сигареты ВТ*), *Сидор* (*мешок*), *Бирма* (*овощной магазин*), *Ташкент* (*уютное место*).

Производные образования не образуют новых лексем (фонем, морфем словосочетаний или предложений), а представляют собой по форме исходную единицу, в структуре значения которой зафиксированы ассоциативные семы обеих единиц. В непрототипическом использовании новообразований все же окончательно не стерты традиционные системно-языковые характеристики исходной единицы. Происходит переакцентировка сем, причем некоторые из них частично погашаются. Это необходимо

для создания яркого образа, а также достижения желаемого стилистического эффекта, выразительности речи. Создаются неповторимые сигнификативное и коннотативное значения. При этом первоначальный образ не исчезает, а только образует своеобразный фон. Отметим также, что подобные семантические изменения тесно взаимосвязаны с синтагматическим перемещением языковой единицы, принадлежащей одному функциональному классу в синтаксическую сферу другого класса, при котором она реализует нехарактерные для своего предшественника семиологические характеристики. Тем самым, мы вправе констатировать продуктивность особого вида деривации — функциональной, представленной функциональной переориентацией. Это — образование новой языковой единицы при изменении ее функциональных, а следовательно, грамматических и лексических характеристик. Данный процесс носит синхронный характер. Функциональная переориентация рассматривается нами как особый деривационный процесс, со временем переводящий некие языковые единицы в новое семиологическое качество.

Функциональная переориентация приводит к изменению традиционной парадигмы языковой единицы и ее закреплению в новой функции. Параллельное прототипическое и непрототипическое употребление единицы создает основу равноименности и полифункциональности как одноуровневых, так и разноуровневых единиц языка. Как следствие изменение функционального статуса языковой единицы при сохранении ее формальной отнесенности к единицам других уровней возникает их равноименность. Языковые единицы, входя в новые контексты, расширяют свои связи, приобретают новые экстенционалы и тем самым принимают участие в создании новых, нехарактерных для языка ранее, структур.

Функциональная переориентация как явление объемное включает и переориентацию единиц лексического уровня, который объединяет значительное число полнозначных единиц номинации. Единицы этой группы, в свою очередь, подразделяются на подгруппы в словарном составе языка с учетом их функциональных характеристик. Именно поэтому значительно развито явление их переориентации: *twenty-five* (*Num* > *N*), *to sixty-eight* (*Num* > *V*); *on* (*Prep* > *N*, *V*), *in* (*Prep* > *N*, *Adj*), *out* (*Prep* > *Adj*, *V*), *up* (*Prep* > *N*, *Adv*); *not* (*Particle* > *Adj*.); *ha-ha* (*Interj* > *N*), *hoo-ha* (*Interj* > *N*); *provided* (*Part II* > *Conj.*), *owing* (*Ger* > *Prep*); *boy!* (*N* > *Interj*), *rabbit!* (*N* > *Interj*), *nuts!* (*N* > *Interj*), *honest!* (*Adj* > *Interj*), *say!* (*V* > *Interj*); *that* (*Pron* > *N*, *Adv.*), *blue* (*Adj* > *N*), *die* (*V* > *Adj.*), *to handbag* (*N* > *V*) и т.п.

Словарные данные позволяют сделать вывод о значительном диапазоне функциональной переориентации внутри системы знаменательных частей речи, приводящем к полифункциональности и синкретизму (*boutique* (*n*, *adj.*), *buddy* (*n*, *v*), *blackboard* (*n*, *v*), *consensus* (*n*, *adj.*)).

Довольно широкую полифункциональность проявляют единицы табуированной лексики, например, *crap, shit* функционируют как существительные, глаголы, прилагательные и междометия, *hotcha* - как существительное, прилагательное и междометие.

Отдельные имена собственные настолько изменяют свои функциональные характеристики, что приобретают в высказывании лексико-грамматические показатели знаменательных частей речи. Тем самым, действие функциональной переориентации затрагивает переход собственных имён в нарицательные (*Iago, Jeeves, Falstaff, Prospero*), а также превращение слова, раскрывающего суть предмета, характера человека, частей его тела или его действий в квазисобственное имя (*Doctor Feelgood, Lady Bountiful, Mr. Right, Mister Nice-guy, Norman Normal, Able Gable, Midlands, Bob Hope, John Dory, Rosie Lee, to mickey-mouse, Peter Pansy, Jane Q. Public, Kate Karney* и т. д.).

Функциональная переориентация представляет собой процесс постепенного преобразования языковых единиц с разной степенью реализации конкретного содержания: *.../ she would have said it to God — this the notall, since at least there was breathing left (W. Faulkner)* (окказиональная переориентация); *"Do you know, the before and after" (M. Puzo)* (промежуточная переориентация); *.../ he allowed himself to stop the car on the top of the downs in order to think (W. Collier)* (позиционное замещение непрототипической функции).

Однако функциональная переориентация также имеет и определенные ограничения. Так, наличие лексемы *to dust (the cake) "to put the sugar dust on the care"* не предполагает наличие переориентированной единицы для обозначения понятия *"to remove sugar dust from the care"*. Подобное явление иллюстрируют также следующие примеры: *to cellar (the wine) "to put wine in the cellar"*, но отсутствует единица для обозначения *"to remove wine from the cellar"*; *to bone/debone (the fish) "to remove bone from the fish"*, но отсутствует единица для обозначения *"to put bone in the fish"*; *to mine (the coal) "to remove coal from the mine"*, но отсутствует единица для обозначения *"to put coal in mine"*.

Развитие человеческого опыта ведёт к образованию новых понятий, которые закрепляются в языке, в частности, в его словарном составе. Однако если бы каждое новое понятие обозначалось новым словом, то словарь языка оказался бы слишком объёмным, превышающим возможности человеческой памяти. Тенденция к экономии языковых средств и аналитическая деятельность человеческого мышления ведут к тому, что в любом языковом коллективе широко используются уже существующие слова и словосочетания для нового обозначения уже известного, познано-

В заключение отметим, что отдельные единицы номинации современного английского языка изменяют свою функциональную ориентацию и закрепляют данную замену в рамках определенного контекста, реализуя присущие им в системе и структуре языка функциональные потенции. Данный процесс является достаточно продолжительным по времени протекания и способствует при условии социальной значимости переориентированной единицы ее закреплению в ядерной части лексикона современного английского языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Левицкий А. Э. Основные модели функциональной переориентации разноразрядных единиц современного английского языка // Вісник Харківського державного університету. Проблеми мови, мовленнєвої діяльності та викладання іноземних мов. - № 406. - Харків: Константа, 1998. - С. 82-88; 2. Радзиховский Л. А., Мазурова А. И. Сленг как инструмент острашения // Язык и когнитивная деятельность. - М.: ИЯ АН СССР, 1989. - С. 126-137.

ГЕНДЕРНІ КОМУНІКАТИВНІ СТРАТЕГІЇ В ДИСКУСІЇ

*А.П.Мартинюк, канд. філол. наук,
К.В.Пищикова (Харків)*

Одними з найцікавіших та інтригуючих досліджень в галузі лінгвістики та суміжних з нею дисциплін можна сміливо назвати дослідження гендерних комунікативних взаємодій. В існуванні різних гендерних комунікативних стратегій не виникає сумніву (Cheshire, Trudgill 1998), проте на даному етапі постає питання про принципи та умови їх виникнення, а також про визначення кола проблем, що з'являються внаслідок саме цього параметра.

При визначенні наших досліджень ми виходили з концепції гендерних соціолінгвістичних субкультур, що пояснює комунікативні відмінності між чоловіками та жінками їх належністю до різних субкультур. Серед основних причин такого розділення необхідно визначити соціалізацію в гендерно-однорідних групах аж до старшого шкільного віку (Maltz, Borker 1982:198).

Для наших досліджень ми зупинимось на досить продуктивному типі комунікативної ситуації - дискусії. Принциповою для наших досліджень особливістю такої ситуації є те, що комунікативні взаємодії не мета, а засіб для переконання не опонента, а третьої сторони. В попередніх дослідженнях нами були виділені особливості гендерних комунікативних стра-

тегій та визначені результати їх взаємодії. Нами було встановлено, що хлопчики та дівчата реалізують різні моделі комунікативної поведінки: оратора та стратега відповідно, а їх взаємодії через ці відмінності приводять до комунікативного конфлікту (Мартынюк, Пищикова 1998:95-100).

В даній роботі нами було визначено коло параметрів, що характеризують ставлення співрозмовників не до опонентів або аудиторії, а до визначеної проблеми. Таким чином ми можемо визначити, чи відіграють гендерні відмінності суттєву роль при аналізі, інтерпретації та контраргументації певної дискусійної проблеми.

Вихідним матеріалом для досліджень стали аудіо та відео записи дебатних турнірів серед українських школярів. Навчальна гра "Дебати" виникла в Америці і зараз користується широкою популярністю в усьому світі, так як її метою є виховання культури ведення диспуту. Вона складається з таких аспектів як структурована логічна презентація власної точки зору та конкретне проведення туру запитань. Загальна тривалість запису 120 хвилин, мова проведення - російська.

Нами будуть проаналізовані реакції на контраргументи, звинувачення в помилках або непереконливості. Ми користувались розподіленням на три типи реакції, запропонованим Stephen M. Lewis (1992:56-69).

1. Заперечення можливих помилок складається з трьох ораторських прийомів:

а) вибір прецеденту - твердження про те, що такі дії визнані, причому прецедент, використаний у першому аргументі, може входити у протиріччя з другим. Така "підвищена маневреність" може нашкодити, якщо маєш справу з уважним опонентом. Прикладом можуть бути такі висловлення:

"Наши оппоненты согласились, что родители решают за ребенка, в какую школу ходит, почему же они строят свою линию аргументации на реализации свободы выбора каждого ребенка?"

"Наши оппоненты привели несколько примеров успешного обучения в смешанных школах, но это только исключения, аргументы необходимо строить на правилах...Мы отстаиваем эффективность школ - интернатов, например, Гарвард, Итон."

б) "священна корова" - увага аудиторії переключається на священний або харизматичний об'єкт або поняття і у такий спосіб блокується посилка, бо вона співвіднесена з незаперечувальними явищами. Яскравий приклад "священної корови":

"Школы-интернаты способствуют развитию комплексов. А комплексы, в свою очередь, мешают созданию семьи. Нам нужны здоровые семьи!"

Такий хрестоматійний постулат як здорова родина блокує аналіз твердження та відвертає увагу аудиторії від загубленої логічної ланки, чому саме школи - інтернати сприяють розвитку комплексів.

в) дисоціація - розділ понять при поданні дефініцій, довільне звуження понять. Щоб довести тему "Освіта хлопчиків та дівчат в школах повинна бути роздільною", "повинна бути" визначається як "повинен бути вибір", що не є таким очевидним з формулювання. Звужуючи таким чином об'єм ключових понять теми, можна досягти перемоги в диспуті.

2. Визначення суттєвості висунутих контраргументів, але все одно не згода з ними.

а) посилання на авторитет - авторитетом можуть бути правила та традиції ведення дебатів, заперечується не суть контраргументу, а технічні помилки:

"Вы не привели никаких фактов в поддержку своего второго аргумента, а без этого аргумент ничего не значит."

"Как утверждающая команда мы имеем полное право интерпретировать тему" (не пояснюється, чому саме така інтерпретація і в чому її сила)

б) неминуче зло - те, що ми пропонуємо погано, але це єдиний вихід, він призведе до позитивного результату, без нього буде гірше.

3. Визначення неправоти та зміна попередньої позиції.

Як показують проведені нами дослідження, хлопчики та дівчата однаково широко використовують такі стратегічні прийоми, як вибір прецеденту, "священна корова" та дисоціація. Проте цікавим виявляється той факт, що дівчата в 5 разів частіше використовують посилання на авторитети. Тобто фактично відмовляються наводити контраргументи через технічні помилки опонентів. Це може бути як результатом надмірного формалізму, так і бажанням йти шляхом найменшого опору. Як хлопчики, так і дівчата дуже рідко посиляються на неминуче зло. Ніхто не визнає свою неправоту та не змірює попередню позицію, бо в дебатах - грі це вважається поразкою.

Для аналізу стратегії послідовної організації диспуту ми користувалися класифікацією запитань, запропонованою Helmut Gruber (1998).

Прості запитання складаються з подання позиції попереднього оратора із запитанням, що змусить його захищати та пояснювати свою точку зору. Такі запитання не демонструють стратегічної орієнтації того, хто запитує. Наприклад:

"Вы сказали, что не существует серьезных психологических различий между мальчиками и девочками. Почему Вы так думаете? Почему Вы считаете, что мальчики и девочки равны и в каких аспектах?"

До протиставлених запитань належать запитання, що здаються на перший погляд просто протилежними до позиції опонента, але трактують її в невідгукуючому світлі та мають на меті підтримати протилежну позицію, якої дотримується той, що запитує.

“Если кто-то хочет учиться в школе- интернате для девочек, разве Вы лишите его этого права?”

“Вы говорили, что в школе - интернате у мальчиков могут развиваться комплексы. А не считаете ли Вы, что комплексы могут с таким же успехом развиваться и в обычных школах?”

Запитання-пастки відрізняються від протиставних запитань своїм положенням: вони використовуються для того, щоб змусити опонента сформулювати твердження, яке б було легко спростувати. Як правило, це серія запитань, останнє з яких підводить опонента до спростування власних слів. Це стратегія часто базується на логіці та на проведенні аналогій.

“Мы предлагаем ввести раздельное преподавание предметов в школе... Девочки интересуются гуманитарными и естественными науками: литературой, биологией, а мальчики - точными: математикой, информатикой, физикой”.

- А если мальчик больше интересуется биологией? Зачем ему специализированный математический класс?

- Он может заниматься биологией после школы.

- В чем основное предназначение школы? Давать знания?

- Да.

- А зачем тогда заниматься биологией после школы?

-

- Может вообще тогда дома учиться?

- Можно.

- А зачем тогда школа? Зачем тогда проводить какие бы то ни было реформы?

Таким чином, як протиставні запитання, так і запитання-пастки демонструють стратегічну орієнтацію домінування.

В результаті аналізу стратегій, вибору запитань, нами були отримані такі результати. Ми розраховували відсоток певного виду запитань. При цьому ми виходили з наших попередніх досліджень туру запитань, під час яких було встановлено, що за однаковий час дівчата задають набагато (на 60%) більше запитань, ніж хлопчики. Крім того, те, кому поставлене запитання (хлопчику чи дівчинці) не впливає на розвиток дискусії та вибір стратегії (Мартынюк, Пищикова 1998:95-100).

Тип запитання	хлопчик	Дівчинка
Прості запитання	43%	41%
Протиставні запитання	28,5%	41%
запитання - пастки	28,5%	18%

Як ми бачимо, хлопчики та дівчата однаковою мірою використовують стратегію домінування в запитаннях, єдина різниця полягає в тому, що

хлопчики менше використовують запитання пастки, але для цього просто може бракувати часу (Мартынюк, Пищикова 1998:95-100).

Таким чином, ми бачимо, що при аналізі, інтерпретації та контраргументації певних проблем та висловів не існує суттєвих гендерних різниць. Тобто комунікативна поведінка відрізняється тільки в аспектах, що стосується відношення до опонента та аудиторії.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cheshire J., Trudgill P. (1998) The Sociolinguistic Reader. Gender and Discourse. - Arnold, 1998. 2. Daniel N. Maltz and Ruth A. Borker (1982) A cultural approach to male - female miscommunication // Language and social identity, ed. by John J. Gumperz - Cambridge London New York: Cambridge University Press, 196-216. 3. Lewis 1992: Lewis S.M. (1992) Avoiding Discursive Dissonance in Debate // CEDA Yearbook 13, 56-69. 4. Gruber A. (1998) Question and Strategic Orientation in Verbal Conflict Sequences // 6th International Pragmatics Conference - International Pragmatics Association. 5. Мартынюк А.П., Пищикова Е.В. (1998) Формирование коммуникативных стратегий полов. // Вісник Харківського державного університету №406. - "Константа" Харків, 1998. - 95-100.

ХАРАКТЕР ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ НУМЕРАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ

Е.Н.Медведь (Сумы)

Согласно общей теории систем, системное описание предполагает рассмотрение объекта как целостного образования, состоящего из определенным образом взаимодействующих элементов. При системном подходе исследование строится на некоторых основополагающих принципах. Прежде всего признается тот факт, что любая система представляет собой многообразные связи между явлениями, обладающие свойством объективности и универсальности. Объективность связей, т.е. их независимость от нашего сознания, обуславливает и объективность систем. Из универсальности связей, обозначающей невозможность существования в природе полностью автономных субстратов, вытекает универсальность систем, которая объясняет тот факт, что любые объекты могут быть представлены как некоторые системы. Многообразие типов связей определяет и соответствующее многообразие типов систем, образованных с помощью этих связей. Именно основополагающие принципы системного подхода позволяют установить существенные признаки системности (Юдин 1978), которые в большей или меньшей степени применимы к словарно-

му составу английского языка, что допускает возможность его системного описания. Вместе с тем, в лингвистике эти признаки наполняются специфическим содержанием при наличии приоритетной значимости одних и скрытой актуализации других. Среди сущностных признаков системы следует выделить ее целостность, иерархичность, структурность, открытость, изменчивость (Голуб 1998).

Квантитативная лексика, являясь частью лексикона, закономерно подвергается влиянию вышеуказанных характеристик и создает свою подсистему со своей совокупностью связей, формирующей структуру системности объекта. Анализ словаря показывает, что количественные единицы (Q) представлены числительными (Num) (*one, thirteen, twenty, million*), денумеративами (X num) (*only, between, teenager, one-time*), счетными словами (Qc) (*pair, couple, dozen, baker's dozen*) и мезуративами (Qm) (*mile, ton, bushel, eternity, day*). Значительную часть квантитативной лексики занимают числительные и их производные нумеральные единицы. Место числительных среди лексических средств выражения количества определяется их дистинктивными признаками. Исследование числительных и их денумеративных образований на материале лексикографических источников показывает, что они обладают определенными семантическими, структурными и валентностными характеристиками.

По семантическому принципу числительные образуют группу слов с общей семьей числа и конкретной семьей. Каждое из числительных реализует общую сему числа (что дает ему основание быть соотношенным с парадигматическим рядом, реализующим значение числа), а также конкретную сему числа (что отделяет одно числительное от другого).

Ср.: *ten* - 1) *the number 10*

2) *one more than 9* (OALD)

Числительные, как любой языковой знак, являются билатеральными. В особой лексической форме они выражают числовое содержание, соотносимое с вопросом *How many?* Как полнозначные слова, числительные обладают самостоятельным лексическим значением (*six - sth having six parts* (АНСД)). Как квантитативные единицы, они имеют общекатегориальное и частное значение числа. Анализ словарных статей показывает: как нет слов без значения, так нет числительных без числового содержания. Специфику числительных составляет их нумеральность - общий классифицирующий признак. От других частей речи числительные отличаются нумеральностью, от других числительных - конкретной представленностью числа. Общекатегориальное значение числа семантизируется всеми числительными. Индивидуальное значение числительного поглощается общекатегориальным значением. В словарных дефинициях это находит отражение в двух ступенях толкования: первая ступень соотно-

сит числительное с общим понятием числа, вторая - с конкретным его проявлением.

Ср.: eleven 1) *one more than 10*; 2) *the number 11*; 3) *team of 11 players*. (OALD)

Числовой класс отличается от традиционных классов, отражающих родовидовые отношения или иерархию "быть", и исключаяющих отношения части и целого, или иерархию "иметь" (Горский 1974). В этом прослеживается своеобразие принципа целостности системы квантитативной лексики: в традиционных классах элементы не являются частями друг друга (ср.: кошка, собака, лошадь - домашние животные; лошадь $\neq$ собака + кошка, собака $\neq$ кошка + нечто). В классе же чисел это возможно (ср.: 2, 5, 7, 9 и т.п. - числа: $7=2+5$; $9=7+2$) благодаря тому, что все части элементов числового класса, в отличие от частей элементов традиционного класса, являются однородными (Пиаже 1969: 451), подчиняющимися тому же общему свойству класса - быть членимым целым, что и само целое (Жаботинская 1992).

Исследование представленности числительных в словаре показывает, что все числительные эксплицируются в основном по формуле: $Num_n = Num_{n-1} + 1$.

По характеру номинации числа числительные разделяются на 4 группы: 1) первый десяток; 2) второй десяток; 3) десятки; 4) большие узловые числа (hundred, thousand, million).

Названия чисел первого десятка в современном английском языке, как показывает словарь, полностью соотносятся с понятием числа, в их смысловой структуре не этимологизируются когнитивные аспекты количественных единиц. Это - немотивированные слова, предметные (исходные) значения которых гипотетически предполагаются по аналогии с исходными значениями других количественных слов и являются объектом регистрации этимологических словарей.

Числительные, соотносящиеся с первым десятком чисел, чаще других вычлениаются в полнозначных и служебных производных словах. Дериваты коррелируют с основами числительных, сохраняя при этом сему нумеральности (1) или теряя ее (2). Ср.: 1) oneness; twins; between; twice; a; an; one - armed; one - shot; 2) one - horse (town) - a quiet town; one - liner - remark; short joke; (OALD).

Образованные ряда в процессе деривации и лексикализации единицы реализуют словообразовательную функцию числительных, демонстрируя тем самым их активную внутрисловную валентность. Неоформленность числительных, отражающих морфологическую имманентность английского языка, их нулевое словоизменение обуславливает изучение других формально выраженных признаков. Для монофлексивных числительных

показательным является их словообразовательное моделирование. Для английских числительных, в которых синтаксис "явно преобладает над морфологией" (Виноградов 1972: 234), особое значение приобретает исследование их синтаксико-лексической валентности для определения их сочетательных возможностей.

В процессе деривации часто используются числительные первой группы (*once, only, twice; thrice; fortnight; fourth; fifties; etc.*) Они обладают особой избирательной силой, сочетаются с определенными, характерными для каждой группы числительных аффиксами (*twice, twenties, sixth, only, oneness, seventysome, threefold, fiver, twinned, sixish*), формируя соответствующие ряды денумеративов по валентному принципу.

Числительные II и III группы эксплицитно выделяются в парадигме нумеративных единиц. Об этом свидетельствует наличие полусуффиксов *-teen, -ty*. Этимологические дублеты (*ten*—>*teen, -ty*) являются структурными компонентами названий чисел второго десятка и целых десятков, образованных по аддитивному принципу посредством присоединения полусуффиксов к корневым морфемам чисел первого десятка. Числовое содержание определяется содержанием слагаемых компонентов основы.

Особую группу составляют обозначения больших узловых чисел, которые соотносятся с поздними образованиями. Анализ указывает на следующую зависимость: чем больше число, тем позже оно возникло, тем ниже его производительная способность. Квазисуффикс *-illion* является активным элементом деривационного процесса нумеральных инноваций. Ср.: *million, billion, trillion, quadrillion* (OALD).

Числительное *decillion* заканчивает *-illion*-ряд в словаре *The American Heritage College Dictionary* (1993); номинация самого большого числа, зафиксированного в словаре Уэбстера (*NWD(TEL 1993)*), соответствует *centillion* (*British English (BE)*). "Реализация в английском языке *-illion*-числительных свидетельствует о словообразовательной активности числительных, объективирует открытость этого ряда слов, опровергает тезис о невозможности построения "числительных-дериватов" (Реформатский 1960: 390-391; Матвеева 1961:4; Мизина 1967: 282), иллюстрирует порождение новой словообразовательной модели" (Швачко 1983: 181). Теоретически возможны более крупные числа, не имеющие вербальной номинации. Парадигматический ряд числа в Уэбстерском словаре (*NWD(TEL 1993)*) содержит 51 единицу, оперируя ними, можно создать разные множества натуральных чисел (Джонсон-Лэрд 1988:256). Числительные английского языка обладают большой аналитико-синтезирующей силой. Потребность в номинации числовых отношений полностью обеспечивается самими числительными. Эти слова составляют упорядоченную систему единиц, мобильную и легко варьируемую. Любые множества чисел фиксируются в языке в

соответствии с несложными правилами и моделями в виде перифраз. Словарь предлагает лишь наиболее широко употребляемые модели, служащие аналогом для образования других числительных.

Анализ числительных и их дериватов показывает, что эти единицы обладают особой валентностью, не только внутрисловной, но и на уровне словосочетаний, широко представленных в словаре. Числительные выступают производящей основой при создании сложных слов. В постпозиции находятся номинации дискретных единиц. Будучи вовлеченными в процесс композиции, нумеральные слова проявляют особую избирательную силу, их основы сочетаются преимущественно с основами существительных, прилагательных.

Словарь Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (1993), учитывая высокую валентную способность числительных, отмечает их универсальную семантическую аттракцию, проявляющуюся в словообразовательной активности. Числительные первой, второй и третьей групп (включая *hundred*) рассматриваются как потенциальный нумеративный компонент любого произвольно созданного в речи денумератива по одной из выше приведенных моделей. Ср.: *eleven (in compounds) having eleven of the thing specified (eleven-mile)*.

Являясь результатом процесса денумерации, дериваты, созданные по вышеуказанным моделям, могут создавать новые производные слова посредством аффиксации, сохраняя при этом нумеральный компонент. Этот факт свидетельствует о широких продуктивных потенциальных возможностях основных моделей сложносоставных денумеративов: словосочетание + деривация.

Отличительной чертой английских денумеративов является то, что сложнопроизводные единицы соотносятся в большинстве случаев с синтаксическими структурами, подвергшимися процессу универбализации - объединения компонентов устойчивых словосочетаний в цельную единицу (Чеснокова 1996), сохраняя при этом свое лексическое значение. Ср.: *two - year - old* (Adj.) (AHCD)

Сложнопроизводные слова с нумеральной основой имеют тенденцию подвергаться конверсии, в результате чего создаются новые денумеральные единицы. (*one - way* (Adj.) → *one - way* (Adv.)) (AHCD)

Свободное словосочетание благодаря конверсии переходит в устойчивое словосочетание, значение которого нередко не соответствует сумме значений составляющих, а нумеральный компонент дает мотивирующую посылку для нового значения. Композиты характеризуются четкой или завуалированной мотивировкой.

Этот процесс иногда приводит к полной десемантизации, когда обрывается нить, связывающая значение денумератива или целого словосоче-

тания, идиомы с архисемой количества, несмотря на наличие нумеральной лексемы. Ср.: *once* (Adv.) → *once* (conj.) - as soon as, when (OALD)

Результаты исследований свидетельствуют о том, что числительные представляют собой определенную подсистему как часть общей системы квантитативной лексики, в свою очередь являющейся подсистемой всего лексикона. Системность числительных проявляется в характере их репрезентации в словаре, о чем свидетельствует общность нумеральной семы, типичность моделирования нумеральных единиц и их дериватов, высокая валентностная способность как числительных, так и денумеративов. Возможность систематизации с помощью словаря отражается не только в фотографировании синхронного среза лексикона (в частности, парадигматического ряда числительных), но и охватывает тенденции языка в целом. Характер представленности числительных в лексикографических источниках отражает основополагающие параметры системности.

Целостность вышеописанной системы проявляется в наличии закономерных связей между компонентами, которые обеспечивают вхождение данной системы в систему более высокого порядка - лексикон, при этом объединяя в себе множество микросистем, отражающих разнообразные характеристики составляющих единиц. Данная иерархичность, как и многие другие аспекты лексической системы имеют структурную реализацию в виде определенной сети отношений: парадигматических, синтагматических, эпидигматических (или деривационных). Для системы числительных, как и для всей лексической системы в целом, характерна открытость, т.е. незамкнутость, а следовательно и изменчивость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов 1972: Виноградов В.В. Русский язык/ Грамматическое учение о слове/ - М., 1972.
2. Голуб 1998: Голуб Ю.И. Системные отношения в словарном составе английского языка и их лексикографическое отражение. - Дис. ... канд. филол. наук. - Запорожье, 1998.
3. Горский 1974: Горский Д.П. Определение. - М.: Мысль, 1974.
4. Жаботинская 1992: Жаботинская С.А. Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных. - М., 1992.
5. Джонсон-Лэрд 1988: Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1988. - Вып. XXIII.
6. Пиаже 1969: Пиаже Ж. Генезис числа у ребенка// Избранные психологические труды. - М., 1969.
7. Чеснокова 1981: Чеснокова Л.Д. Имена числительные и имена собственные // Филологические науки. - М., 1996. - № 1 - С.104-113.
8. Швачко 1983: Швачко С.А. Английские числительные и их место в лексико-семантическом поле количества. - Дис. ... докт. филол. наук. - Сумы, 1983.
9. Юдин 1978: Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. - М.: Наука, 1978.
10. AHCD 1993: The American Heritage College Dictionary. - Boston - N.York, 1993.
11. OALD 1989: A.S.Hornby. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. - Oxford, 1989.
12. NWD(Tel 1993: New Webster's Dictionary and Tressaurus of the English Language. - Dunbury, CT; 1993.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ТЕКСТА

Мизецкая В.Я., докт. филол. наук (Одесса)

О постмодернизме, одном из самых мощных течений в мировой культуре XX в., уже написано немало. В рамках настоящей статьи мы попытаемся обозначить наиболее общие ингерентные свойства любого постмодернистского текста независимо от индивидуального почерка автора и его конкретных творческих задач.

Одна из особенностей постмодернистского текста, как справедливо отмечает Умберто Эко, заключается в том, что произведение, относящееся к этому жанру, рассказывает не только о чем-то, но и о самом себе (Курицын. 1992: 226).

Таким образом, первая особенность постмодерна - это текстовая рефлексивность. Кажется, что текст создается не только ради передачи определенной художественной информации, но и как "полигон" для своеобразных экспериментов автора с формой. Не столько форма подчинена содержанию, сколь содержание необходимо для конструирования различных текстовых моделей. Более того, постмодернистский текст - это не готовый творческий продукт, а своеобразный "отчет" о процессе взаимодействия художника с текстом, о проблемах автора при написании произведения.

В постмодернистских текстах плохо просматривается категория авторства, поскольку нет четко выраженного субъекта и объекта.

Размытость авторства прежде всего получает отражение в повышенной цитатности и центапности.

Как известно, центапы - это мозаики из стихов и полустипий античных поэтов, которые подобраны таким образом, чтобы складывались своеобразные библейские сюжеты, которых никак не могло быть у антиков, поскольку они не были ни иудеями, ни христианами.

В настоящее время центапность понимается шире, как некоторая текстовая гетерогенность, при которой авторам как бы приписывается то, что они не писали. Иными словами, имеет место своеобразная литературная мистификация.

Если центапность призвана завуалировать наличие чужеродных элементов, то цитатность, наоборот, направлена на их резкое обособление. В этом случае автор не скрывает факта включения фрагментов из сочинений других авторов. Однако и в этом случае текст воспринимается как гетерогенное образование.

Центонность и цитатность, на наш взгляд, и приводит к значительной размытости образа автора, цементирующего начала многих произведений реалистического направления. При обильном цитировании и широком использовании приемов центонности нередко возникает ощущение вторичности постмодернистского текста. Однако у подлинных мастеров, работающих в рамках данного течения, эта вторичность отступает на задний план благодаря оригинальной компоновке используемой информации.

Другой существенной особенностью постмодернистского текста является синкретизм жанров. В художественную ткань авторы-постмодернисты активно включают материалы газетных статей, графики, таблицы и т.д. Хотя роман Дос Пассоса "США" не принято причислять к постмодерну, влияние последнего весьма существенно. Автор без конца вставляет в ткань основного текста главы, представляющие собой различные хроникальные данные, документальные фрагменты, реальные статьи и заметки.

Еще более необычным было бы назвать постмодернистом А. Солженицына, но в его творчестве мы постоянно встречаемся с переплетением фрагментов, относящихся к различным функциональным стилям, в том числе и публицистическим, и хроникально-документальным. Очевидно, синтез жанровых разновидностей, функциональных стилей нельзя считать свойством чисто постмодернистских произведений. Скорее это признает художественного творчества XX в. вообще.

Тем не менее, в постмодернизме принцип слияния и смешения жанров проводится наиболее последовательно.

Мы уже говорили о том, что для постмодернистского текста характерна повышенная рефлексия. Не случайна в этой связи столь значительная роль техники "потока сознания". Обилие фрагментов изображенной внутренней речи - это одна из характерных особенностей постмодернистского текста. Напомним, что "Улисс" Дж. Джойса целиком выстроен как произведение рефлексирующего сознания. Интересно то, что даже драматургия не смогла пройти мимо этого столь любопытного явления, пытаясь своими специфическими средствами передать "эффект обнаженного сознания".

Ко всему прочему, как мы уже отмечали, автор-постмодернист постоянно отвлекается от основной сюжетной канвы и начинает анализировать используемую им художественную форму, объясняет значение образов и т.д. Все это приводит к появлению в постмодернистском тексте значительного числа различных авторских рассуждений о самом произведении. Возникает своеобразный эффект остраненности, который хорошо знаком по произведениям немецкого драматурга Б. Брехта.

Иногда автор не довольствуется включением элементов композиционно-речевой формы рассуждения и обращается к форме эпистолярного жанра или к форме дневниковых записей, что позволяет вскрыть мотивацию поведения персонажа, показать ее изнутри.

Еще одна особенность постмодернистского текста это так называемая ритуальность.

Ритуальность в литературе постмодерна проявляется в наличии большого количества различных перечней. В качестве примера произведения, которое выдержано в жанре перечня, часто приводится "Большая элегия Джону Донну" И. Бродского. К жанру перечня, кстати, был склонен также О. Мандельштам.

Следует отметить, что перечни, списки, каталоги - не первичное детище постмодерна. Достаточно вспомнить Рабле и его знаменитые многостраничные перечни в "Гаргантюа и Пантагрюэле".

"Перечню важно себя длить, важно поддержать свой ритм, перечень должен распространяться. Перечень как бы бесконечен, и отдельный предмет стремится к отсутствию" (Курицын. 1992: 231)

В стилистическом плане перечень есть не что иное, как прием перечисления (Enumeration). Представляется, что перечни бывают гомогенными и гетерогенными. Однако само объединение разнородных явлений и объектов в едином синтактико-интонационном блоке снимает эту гетерогенность. При кажущейся паратаксичности, т.е. равноправии перечисляемых объектов, происходит парадоксальное явление: дискретность формы отрицает отдельность объектов, - сами по себе они не нужны. Значение они приобретают только при их концентрации, когда рассматриваются как совокупность бесконечных признаков, событий, вещей и т.д. На наш взгляд, в этой парадоксальности и заключается притягательная сила приема для постмодернизма, стремящегося к выявлению всего необычного и, на первый взгляд, абсурдного. Не удивительно поэтому, что многие произведения постмодернизма одновременно можно квалифицировать как абсурдистские.

Абсурдизм получил особенно большое распространение в драматургии. Принципы творчества Э. Ионеско были подхвачены многими драматургами Западной Европы и США. Среди них можно отметить таких крупных авторов, как С. Беккет и Т. Стопшард.

Абсурдизм проявляется в различных аспектах. Можно выделить абсурдизм, базирующийся на неправдоподобности, абсурдности самих описываемых жизненных ситуаций. Другое проявление абсурдизма - это различные нарушения логических основ высказываний действующих лиц, т.е. речевые алогичности.

В этом случае мы имеем дело с абсурдом на рече-мыслительном уровне. Рече-мыслительный абсурдизм имеет много различных конкретных проявлений. Наиболее часто при построении абсурдистского диалога наблюдаются такие особенности, как :

- 1) нарушение катафорически-анафорических правил сцепления реплик в диалоге;
- 2) нарушение связей между репликами по иллокутивной функции;
- 3) отсутствие логико-содержательной связи реплик при соблюдении всех грамматических формальных связей.

Примеры всех этих разновидностей алогичностей можно в достаточном количестве встретить в творчестве основных авторов-абсурдистов.

Однако абсурдизм можно найти не только в современной литературе США и Западной Европы. Известно, что и модный теперь на Западе дзэн-буддизм, одним из своих принципов называет активное разрушение привычек ума с помощью интеллектуального шока. Это находит свое выражение в абсурдных диалогах и в решении абсурдных загадок. Некоторые исследователи вообще считают, что абсурдизм в западноевропейской и американской литературе сложился во многом под влиянием дзэн-буддизма.

Для дзэн-буддизма характерны, например, такие суждения, как: горбатый лучше прямого, кривое дерево лучше прямого. Однако при кажущейся абсурдности подобных суждений, они в действительности имеют рациональную опору. Горбатый лучше прямого, потому что горбатого не возьмут на войну и он скорее останется в живых. Кривое дерево могут и не срубить, а прямое дерево срубят обязательно. Однако следует подчеркнуть, что абсурдистские суждения в современных европейских и американских произведениях далеко не всегда подвергаются столь легкой и однозначной экспликации.

В основе многих абсурдных суждений лежит катахреза или оксюморон, предусматривающий тесную структурно-синтаксическую комбинацию несовместимых, а чаще всего противоположных понятий. Мы считаем, что оксюморонность потому и является для европейцев и американцев отмеченной структурой, что последние привыкли мыслить в категориях бинарных оппозиций, предусматривающих четкое разделение противоположных начал. Для дзэн-буддизма с его конкретностью, недискретностью, нерасчлененностью целого оксюморонное начало, наоборот, весьма органично, поскольку согласуется с признанием цельности мира.

Итак, размытость авторства, стремление к рефлексии, синтез жанров, многочисленные перечисления как самоцель, абсурдность в ее различных структурно-семантических разновидностях - таковы некоторые ингерентные свойства постмодернистского текста, исследование которого еще далеко не исчерпано.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кнабе Г.С. (1995), Знак. Истина. Круг. /Ю.М. Лотман и проблемы постмодерна/ // Лотмановские чтения. М.: Гарант, Т1, - с.266-277. 2. Курицын В. (1992), Постмодернизм: новая первобытная культура // Новый мир. - №2. - с.225-232. 3. Миркина З., Померанец Г. (1995). Великие религии мира. М.: РИПОЛ, - 416 с.

СИСТЕМНО-ЯЗЫКОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРУКТУР РЕЧИ

Минкин Л.М., докт. филол. наук (Харьков)

В статье рассматривается отношение трех составляющих высказывания – синтаксиса, семантики и прагматики к языковой системе и речи (дискурсу).

Взаимодействие локуции (информативного содержания, семантики) и иллокуции (прагматики, интенции) высказывания представляет одно из основных положений теории интегративной прагматики (Anscombe, Ducrot 1988: 17). Прагматическое значение высказывания остается непонятым вне его информативного содержания, которое зависит от синтаксической (грамматической) структуры. В содержании высказывания взаимодействуют семантика и прагматическое (аргументативное) значение. Говорящий аргументирует содержание высказывания, представляя его в коммуникации. В обычном смысле слова аргументация обозначает стратегии и механизмы, используемые говорящим, чтобы убедить его собеседников, его аудиторию (Moeschler, Reboul 1994: 88). Реализуя определенную интенцию, говорящий создает речевое произведение, воплощая в нем определенное смысловое содержание. Если попытаться сопоставить части речевого акта-высказывания с составляющими интегративной прагматики, то возможно найти соответствие между информативным содержанием (семантикой) и локуцией, прагматическим (аргументативным) и иллокуцией и т.д. Конечно термины локуция – информативное содержание высказывания, прагматика (аргументация) – иллокуция не полностью совпадают. Однако содержательная соотносительность этих терминов очевидна. Сторонники теории интегративной прагматики полагают, что основной стратегией анализа аргументативных особенностей является не оппозиция язык/речь, а оппозиция информативное/аргументативное значения (Moeschler 1996: 27). Это связано с тем, что основной лингвистической реальностью исследователи признают только речь (дискурс)

Поэтому и аргументацию наряду с информативным содержанием они относят к области речи (Bertendoner 1981: 63-67; Ducrot 1991: 103-113; Moeschler 1996: 40).

Сохраняя в общем такой подход к рассмотрению прагматики, П. Атталь оригинально трактует взаимоотношения локуции и иллокуции в аспектах общего анализа семантики высказывания (Attal 1994: 67-71). Ученый подчеркивает, что локутивный план высказывания представляет его обобщенная синтаксическая структура. При этом, руководствуясь положениями структурализма, П. Атталь говорит о внутренней солидарности лингвистической системы в плане трансформации локутивного предложения в иллокутивное высказывание. Выделение обобщенной локутивной конструкции на основе ее формы, очевидно, связано с тем, что сама по себе синтаксическая форма содержательна. Ее содержание – это сигнификативное значение. Другими словами, сигнификативное значение синтаксической формы в определенной степени представляет локутивное содержание предложения. В таком виде локуция мыслится прежде всего как семантическое (а не только конструктивное) прототипическое предложение, которое, по мнению П. Аттала, относится только к теории, в то время как иллокутивно интерпретированное высказывание – к области практики речи. П. Атталь рассматривает локуцию как операцию, предшествующую иллокуции, в виде виртуального компонента речевого акта (Attal 1994: 21). Такой аналитический взгляд на локуцию и иллокуцию не является отрицанием того, что они интегрируются в единой семантико-прагматической конструкции.

П. Атталь различает локутивное содержание высказывания и его возможные иллокутивные варианты (потенциальные высказывания) (Attal 1994: 69). Это объясняется тем, что актуализированная речь всегда рефлексивна, поэтому потенциально она объединяет различные металингвистические (субъектно-интенциональные) формы (Attal 1994: 68).

Отметим, что локутивное содержание высказывания можно рассматривать как прототипическое, соответствующее определенной ментальной конструкции, имеющей базовые категориальные (семантические) признаки. Сама по себе такая конструкция моносемична, в иллокутивных вариантах (при возникновении прототипических эффектов) реализуется моносемия/полисемия. Между ментальной (локутивной) конструкцией и соответствующим речевыми высказываниями обычно устанавливается относительное семантическое соответствие; однако не всегда категориальные характеристики полностью представлены в иллокутивных вариантах. Таким образом, в общих чертах теория прототипов (Moeschler, Reboul 1994: 283-397) дополняет положения о взаимоотношении локутивного и иллокутивного содержания высказывания.

Возвращаясь к характеристике П. Атталем сопряженных понятий локуции и иллокуции, выделим некоторые положения. Ученый считает: 1. Локуцию областью теории, виртуальной моделью высказывания; 2. Иллокутивные (металингвистические) варианты возможными реализациями одного локутивного прототипа высказывания; 3. Ученый связывает иллокутивные варианты с различиями в представляющих их синтаксических формах.

По мнению П. Атталя, локуция – это определенный семантический план высказывания. Локутивный акт не является независимым от смысла того, что сообщается, как это полагают некоторые исследователи (Moeschler, Auchin 1997: 137).

Положение П. Атталя о потенциальных иллокутивных вариантах высказывания определенного локутивного прототипа ассоциируется со свойствами синтаксических единиц в языковой системе и речи. К сожалению, не признав языковую систему виртуальной реальностью, П. Атталь, естественно, не рассматривал статус прагматики в потенциально-семантическом плане.

Характерно, что не отрицая дихотомию язык/речь, О. Дюкро все же относит возникновение аргументативных (прагматических) эффектов к области речи, где они регулируются специальными конвенциями (Ducrot 1972: 25).

Некоторое несоответствие терминов локуция и иллокуция (аргументация), с одной стороны, информация (семантика) и интенция, с другой, очевидно, связано с тем, что локуция и иллокуция мыслятся как отдельные смысловые уровни высказывания и как этапы реализации речевого акта. Другими словами, основой взаимодействия содержания локуции и иллокуции является их участие в организации и осуществлении речевого акта.

Возможны разные варианты взаимодействия информативного и аргументативного (прагматического) значений высказывания. Рассмотрим подробнее такое взаимодействие на примере косвенных речевых актов (КРА). Само явление смещения (несоответствия, асимметрии) семантико-прагматического содержания и структуры в КРА признается учеными. Обычно в таких высказываниях аргументативное значение «берет верх» над информативным. Ряд КРА могут быть поняты вне контекста: *Tu pourrais fermer la fenetre?*, другие оказываются зависящими от контекста: *Mon verre est vide (= J'ai soif, donnez-moi du th  )*. Субституция одного иллокутивного значения другим может быть полной или частичной. При частичной выделяют *semi-question*, *semi-assertion*. Механизм замены одного иллокутивного акта другим близок к образованию тропа коммуника-

тивного типа (Kebret-Ortrecchioni 1995: 9). Общий подход к анализу КРА обычно ограничивается сферой актуальной языковой действительности (речью, дискурсом), выясняются различные степени конвенционализации КРА: а) от полной контекстуальной независимости при соответствующих лексико-грамматических значениях компонентов б) до случаев, когда контекст играет роль эквивалентную конвенционализации. В обоих случаях характер взаимодействия семантического и прагматического значений различен: в контекстуально независимых (автосемантических) высказываниях такое взаимодействие статично, в контекстуально зависимых КРА (синсемантических) – динамично. Вместе с тем, взаимоотношение самой пропозиции-КРА и контекста регулируется принципами уместности (соответствия), который в своем классическом определении предполагает возникновение контекстуальных эффектов и когнитивных усилий для интерпретации высказывания (Moeschler 1996: 64). Именно в речи варьируется семантико-прагматическое содержание высказывания; в языковой системе аргументативное значение характеризуется как первоначальное (примитивное). Языковую аргументативность Ж. Мёшлер называет полной (основной, радикальной), а речевую – неполной (слабой) (Moeschler 1996: 39-41). Полная аргументация как часть значимости компонента в языковой системе имеет абстрактный, внеконтекстуальный характер. Вместе с тем, трудно согласиться с рядом исследователей, что полная аргументация представляет только семантическую, а не прагматическую сторону высказывания (Bettendonner 1981:63-67).

Если оставаться на позициях интегративной прагматики, то следует признать, что аргументативное значение и в языковой системе не перестает быть прагматическим. Именно в языковой системе фиксированно относительное равновесие информативного и аргументативного (прагматического) значений, поскольку последнее всегда однозначно в системе языка и потенциально однозначно/многозначно в речи. Языковая система, как виртуальная лингвистическая композиция с пермиссивными функциями (Гийом 1992: 180) определяет возможность однозначности/многозначности высказывания в речи.

Р. Конрад (Конрад 1985: 351) считает, что не следует «упрощать проблему косвенных речевых актов, как это характерно для точки зрения, согласно которой исходное, прямое значение предложений является элементом языковой системы, тогда как косвенное значение относится к сфере реализации этой системы и поэтому не представляет большого интереса для лингвистики, так как выводится из закономерностей человеческого поведения». Ученый рассматривает различные речевые контексты, которые полностью или частично блокируют условия успешности интеррогативного акта.

Действительно, в качестве методологической основы для анализа КРА может быть принята не оппозитивная пара языковая система - основное значение / речь - косвенное значение, а соотношение языковая система - однозначность / речь - потенциальная однозначность/многозначность. Актуализированный КРА (в дискурсе) оказывается реально однозначным или совмещает значения (гибридные КРА при условии иллокутивного синкретизма) (Конрад 1985: 377).

Для дальнейшего обсуждения КРА как определенного лингвистического феномена важными представляются следующие положения: 1. О статическом в языковой системе и динамическом в речи характере взаимодействия информативного и аргументативного значений, которое в конечном итоге определяет степень соответствия (симметрии/асимметрии) структуры и семантико-прагматического значения высказывания; 2. В языковой системе представлены периферийные кодифицированные конструкции КРА – вопросы с постоянным несоответствием синтаксической структуры и коммуникативного содержания: *Veux-tu bien t'asseoir?* В речи для подобных конструкций достаточен нулевой контекст. Потенциально в речи такие конструкции всегда однозначны. 3. Потенциально многозначные вопросы в языковой системе сохраняют полное экстремальное соответствие структуры и содержания. Они располагаются в центре определенного поля. Наряду с основным значением в речи такие конструкции могут быть импользованы в косвенном значении: *La fenetre est ouverte?* (косвенное значение: *Fermez la fenetre!*). В потенциальности центральных и периферийных моделей вопросительных предложений проявляется, в частности, пермиссивный характер языковой системы по отношению к речи. Очевидно о производности косвенного значения вопроса можно говорить, лишь имея в виду модели второго типа. Что же касается построений первого типа, то для них значение косвенности не подходит ввиду их потенциальной однозначности. Кстати, нельзя не согласиться с П. Атталем (Attal 1995: 16), что сам термин «косвенные речевые акты» неудачен. Речь идет о несоответствии означаемого и означающего вопроса, а не самом акте как речевом действии при помощи группы ассоциированных слов.

Подведем некоторые итоги.

1. Прагматические значения присутствуют как в содержании прототипического (в языковой системе предложения), так и в его иллокутивных вариантах. В речи сфера действия прагматики естественно расширяется.

2. Семантико-прагматическое значение предложения однозначно в языковой системе и потенциально однозначно/многозначно в речи. Это обусловлено статичным характером взаимодействия семантики и прагматики в языковой системе и его динамичностью в речи.

3. В речевом акте интегрируются свойства языка и речи (Гийом 1992: 192). В определенной степени это проявляется и в отношении структурных, семантических и прагматических свойств прототипических пропозиций и их иллокутивных вариантов. Существует порог системной вариативности высказываний в семантико-прагматическом и структурном аспектах. Так, в речи при сохранении исходной (системной) структуры содержание интенции (иллокуции) иногда изменяется и полностью не соответствует прототипическому. Например, в КРА. В этом случае сохраняются лишь деривативные структурные отношения языковых и речевых конструкций (Минкин 1997: 222).

4. Системная обусловленность канонических (информативных, интерогативных и директивных) высказываний в речи определяет лишь исходный этап их возможных изменений в структурном, семантическом и прагматическом планах. В актуализированной языковой деятельности (речи, дискурсе) коммуникативное содержание высказывания зависит от стратегий говорящих в интервербальных контактах, содержания ситуаций их общения и т.д.

Отметим, что системно-языковой и речевой подходы к изучению коммуникативных структур дополняют друг друга и могут быть синтезированы в рамках одной теории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Anscombre J.-C. et Ducrot O. (1988). *L'argumentation dans la langue*. – Liège-Bruxelles: Pierre Margada.
2. Attal P. (1994). *Questions de sémantique. Une approche comportementaliste du langage*. – Paris: Peeters.
3. Attal P. (1995). *La pragmatique est-elle une forme honteuse de behaviorisme? // L'information grammaticale*. Paris. – N° 66.
4. Berrendoner A. (1981). *Éléments de pragmatique linguistique*. – Paris: Minuit.
5. Ducrot O. (1972). *Dire et ne pas dire*. – Paris: Hermann.
6. Kebrat-Orrecchioni C. (1995). *Où sont les actes de langage? // L'information grammaticale*. Paris. – N° 66.
7. Moeschler J. (1996). *Théorie pragmatique et pragmatique conversationnelle*. – Paris: A. Collin/Masson.
8. Moeschler J. et Auchin A. (1997). *Introduction à la linguistique contemporaine*. – Paris: A. Collin.
9. Moeschler J. et Reboul A. A. (1994). *Dictionnaire encyclopédique de pragmatique*. – Paris: Seuil.
10. Гийом Г. (1992). Принципы теоретической лингвистики. – М.: Прогресс.
11. Конрад Р. (1985). Вопросительные предложения как косвенные речевые акты. Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI. – М.: Прогресс.
12. Минкин Л. М. (1997). К теории речевых актов. Матеріали міжнародної наукової конференції. – Київ-Львів: Київська Русь.

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕГРАЦИИ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ И ТЕОРИИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.Я. Мищенко (Харьков)

Теория речевых актов (ТРА) (Остин, Серль, Стросон, Почепцов и др.) и теория речевой деятельности (Леонтьев, Тарасов, Сорокин, Шахнарович, Хартунг, Тейтмайер и др.) являются доминирующими теориями в рамках коммуникативно-функционального подхода, важное преимущество которого перед другими концепциями состоит, безусловно, в том, что он своими корнями уходит в традиции лингвистики и при этом способен отражать самые существенные аспекты включенности языковых феноменов как в сферу человеческой личности, так и в социо-культурную действительность.

Хотя в основе ТРА и ТРД лежат разные постулаты, и разрабатывались они разными лингвистическими школами, исследователи признают необходимыми и возможными их взаимодействие и интеграцию, считая эти теории взаимно дополнительными и логически совместимыми (см., например, Карабан 1991: 59; Винокур 1993: 20).

Одним из условий успешного применения ТРА и ТРД в лингвистических исследованиях является упорядочение их понятийного аппарата. В настоящей статье предлагается вариант решения проблемы соотношения таких категорий, как "речевой акт" и "речевое действие".

Некоторые исследователи, в частности Н.К.Ветошкина, считают, что "собственно речевое действие есть не что иное как известный "speech act" (1991:75). Мы не разделяем это мнение. Изложение своей точки зрения начнем с рассмотрения таких взаимосвязанных категорий, как "действие" и "цель".

В деятельностной парадигме под действием понимается "процесс, подчиненный представлению о том результате, который должен быть достигнут, то есть процесс, подчиненный сознательной цели" (Леонтьев 1983: 153).

Цели различаются как количественно, так и качественно (качественное и количественное определение цели см. Тейтмайер 1989:73). Количественные отличия обусловлены тем, что в ТРД категория цели может относиться как к деятельности в целом, в ходе которой осуществляется коммуникация, так и к отдельным речевым действиям, шагам, ходам, коммуникативным событиям и т.д. Говоря о качественных различиях,

мы имеем в виду прежде всего дифференциацию речевых и неречевых целей.

Речевая цель - это иллокутивная цель высказывания. Неречевые цели относятся к таким сферам, как оказание психологического воздействия на партнера по общению (перлокутивные цели) и организация и координация взаимодействия коммуникантов (социальные цели). Так как содержание всех этих целей имеет непосредственное отношение к слушающему, к процессу социально-психологического взаимодействия, мы причисляем их к разряду коммуникативных и отграничиваем от практических целей.

Почему же недопустимо отождествление понятий "речевой акт" (РА) и "речевое действие" (РД)?

Хотя в традиционной ТРА и признается, что РА представляет собой трехуровневое образование, единство локутивного, иллокутивного и перлокутивного актов, в качестве основного объекта исследования выделяется только иллокутивный уровень. Что же касается перлокутивного акта, перлокутивного значения, многие ученые "его обычно относят к области психологии и не включают в число языковых значений" (Чахоян, Невзорова 1986:17). Вследствие этого стало общепринятой практикой употреблять термин "речевой акт", подразумевая при этом иллокутивный акт.

Но иллокутивный акт - это прежде всего семантическая деятельность, базирующаяся, по Остину, на понятии значимость. Другими словами, иллокутивный акт - это отличный от акта говорения особый акт передачи сообщения (Остин 1986:87). Его цель является сугубо речевой.

Если термин "РА" ассоциируется с ТРА и отражает, главным образом, категорию иллокутивности (а следовательно, соотносится с речевыми целями), то термин "РД", которым оперирует ТРД, несет в себе идею самостоятельности речи, подчиненности ее целям той деятельности, в структуре которой она развертывается.

Согласно этой идее, любое речевое действие помимо своей речевой цели, состоящей в том, чтобы передать сообщение, всегда направлено на некоторую неречевую цель: "передача речевых сообщений никогда не является конечной целью общения, эта передача всегда есть только средство достижения других целей, конечная из которых - управление деятельностью собеседника" (Тарасов 1990: 7). Поскольку РД одновременно направлено на качественно различные (речевые и неречевые) цели, его следует рассматривать как сложное единство иллокутивного акта (ИА), перлокутивного акта (ПА) и социального действия (СД). При этом следует иметь в виду, что цели, которым подчинено речевое действие и которые, таким образом, детерминируют соответствующее высказывание,

образуют иерархическую систему, модель которой представлена на рисунке :

Если в предлагаемой нами модели РД понятие ИА используется в общепринятой трактовке, то понятия ПА и СД нуждаются в некоторых уточнениях.

Под ПА мы вслед за Р.Уотсом понимаем действие, направленное на изменение *психического* состояния адресата [Watts 1981: 32]. Существенная особенность нашей трактовки понятия перлокуции состоит в том, что в отличие от ряда исследователей (Остин 1986, Почепцов 1986, Чахоян, Невзорова 1986, Восканян 1988) мы не включаем в его содержание изменения в *поведении* адресата, а относим такие изменения к уровню социальных целей и действий. Такое сознательное ограничение объема понятия перлокуции представляется нам правомерным и целесообразным по следующим причинам.

Изначально категория перлокуции разрабатывалась в рамках ТРА, где она рассматривалась как *следствие* иллокуции, которое может проявляться самым различным образом - в изменении мыслей, чувств, действий адресата, то есть как в изменении его психического состояния, так и его поведения. Такая модель речевого действия не позволяет однако учесть и адекватно отразить одно немаловажное, на наш взгляд, обстоятельство, а именно: изменения в поведении адресата могут быть вызваны как иллокутивным актом непосредственно (например, в случае приказа: см. примеч.), так и теми изменениями в *психическом* состоянии адресата, которые возникли как следствие иллокутивного акта (например, в случае, когда сообщение какой-то информации влечет за собой изменение степени заинтересованности адресата в чем-то, а это, в свою очередь, влияет на его поведение).

Принципиальное отличие нашего подхода, основывающегося на ТРД, состоит в том, что мы определяем отношение иллокуции и перлокуции не как отношение "причина - следствие", но как отношение "средство - цель". Согласно принятой нами модели иерархической системы качественно различных целей, детерминирующих высказывание, конечная цель речевого действия - управление поведением партнера по общению - может достигаться как непосредственно осуществлением иллокутивного акта, так и опосредованно, путем оказания воздействия на психическую сферу адресата. Отсюда следует, что *не все речевые действия включают в себя ПА*, понимаемый как *запланированное психологическое воздействие*.

Социальное действие - это действие, инвариантную цель которого можно сформулировать следующим образом: побудить адресата действовать (вести себя) определенным образом. Говорящий ставит перед собой конкретные социальные цели, исходя из своих знаний о принципах и правилах ведения интеракций, которые, в свою очередь, обусловлены социальными и нравственными нормами, принятыми в обществе, системой признаваемых в нем ценностей, поддерживающимися в этом обществе национально-культурными традициями и обычаями.

Когда коммуниканты в процессе социально-психологического взаимодействия приветствуют друг друга, сообщают, описывают, констатируют, доказывают, убеждают, просят, приказывают, задают вопросы, дают ответы, делают и принимают предложения, благодарят, извиняются, обещают, поздравляют, иронизируют над фактами, друг над другом или над собой, оскорбляют собеседника или говорят ему комплименты, оценивают внешние факты или поведение друг друга, прощаются и т.д., они осуществляют социальные действия, позволяющие организовать и скоординировать взаимодействие таким образом, чтобы добиться конечной цели общения.

Вслед за У. Эдмондсоном (Edmondson 1983), Л.П. Чахоян и Ш.А. Пароняном (1989) мы соотносим социальную цель с такой единицей дискурса, как речевой ход. В зависимости от того, сколько иллокутивных и перлокутивных целей подчиняет себе социальная цель, речевой ход может состоять из одного или нескольких ИА и ПА. Соответственно отдельный речевой (иллокутивный) акт может выступать либо как самостоятельное социальное действие, либо как его часть.

В качестве примера речевого действия приведем отрывок из романа А. Хейли "The Money Changers". Президент крупной компании предлагает свою поддержку и сотрудничество Хейварду Роскоу:

"You're a top flight comptroller, the best numbers and money man I know anywhere. And any day you get an urge to move over here with Northam, with

a fatter pay-check and a stock option, I'll shuffle my own people and put you at the top of our financial pile. That's an offer and a promise. I mean it." (Hailey)

Данный речевой ход представляет собой речевое действие, социальная цель которого состоит в том, чтобы побудить адресата действовать в интересах говорящего, а именно: принять предложение говорящего. Для достижения этой цели говорящий ставит перед собой перлокутивные цели: а) вызвать у адресата положительную эмоциональную реакцию, б) заинтересовать его своей идеей; в) убедить адресата в серьезности намерений говорящего. Перлокутивной цели (а) подчинен ИА комплимента. Следующие за ним полииллокутивный акт предложения-обещания и ИА утверждения направлены на перлокутивную цель (б). Еще один ИА утверждения служит средством достижения перлокутивной цели (в).

Примечание:

В случае приказа говорящий рассчитывает, что адресат совершит то или иное действие только потому, что он распознает иллокутивное намерение говорящего и потому, что он обладает определенным набором знаний о социальных нормах и конвенциях речевого общения. Подчеркнем, что иллокутивный акт приказа может вызвать у адресата изменение психического, например, эмоционального, состояния, но выполнение адресатом требуемого действия не будет зависеть от этого изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ветошкина М.К. (1991). Опыт исчисления семантики речевой роли // Диалог о диалоге. - Саранск. - С. 75 - 80.
2. Винокур Г.Г. (1993). Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. - М.: Наука.
3. Восканян Г.Р. (1988). Интеракционный анализ диалогических текстов // Семантика и прагматика единиц языка в тексте. - Л. - С. 26- 34.
4. Карабан В.И. (1991). К интеграции теорий в речеведении // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм: Материалы межведомственной науч.-теор. конф. (Харьков - Сочи, 1991) / М-во сельск. хоз-ва СССР, Всесоюз. науч. мед.-техн. о-во, Харьк. отд-е и др. - Харьков. - С.58-59.
5. Леонтьев А.Н. (1983). Деятельность. Сознательность. Личность // Избранные психологические произведения: В 2-х томах. - М.: Педагогика. - Т. 2, с.94-231.
6. Остин Дж. Л. (1986). Слово как действие // НЗЛ, вып. 17. - М.: Прогресс. - С.22-129.
7. Почепцов О.Г. (1986) Основы прагматического описания предложения. - К.: Выща школа.
8. Тарасов Е.Ф. (1990) Речевое воздействие как проблема речевого общения // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. - М.: Наука. - С.3-14.
9. Тейтмайер Б. (1989) Диалог: проблемы анализа // Общение. Текст. Высказывание. - М.: Наука. - С.71-83.
10. Чахоян Л.П., Паронян Ш.А. (1989). Взаимодействие интенций как фактор, определяющий типы межличностного общения // Личностные аспекты языкового общения. - Калинин. - С. 67-75.
11. Edmondson W. (1981). Spoken discourse: A model for analysis. - London; New York: Longman.
12. Hailey, Arthur *The Money-Changers*. - New York: Bantam Books, 1975

ТАК НАЗЫВАЕМАЯ “ЖЕНСКАЯ РЕЧЬ” (АНГЛОЯЗЫЧНАЯ) В ЗАПАДНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Морозова И.И. (Харьков)

Возникший в конце 19 века в Европе обостренный интерес к изучению живых языков был, с одной стороны, естественной реакцией филологов на известный “деспотизм” исторического подхода, выразившийся в преимущественном внимании к мертвым языкам, а с другой – непосредственным откликом языковедов на новые интересы и потребности развивающегося общества, связанные со сформировавшимся национальным самосознанием. Смещение в начале 20 века фокуса внимания языковедческих изысканий в область реально действующего живого языка обусловило выдвижение на первый план таких его черт, как творческий характер, эстетическая функция, психологическая основа речевой деятельности и способствовало повороту языкознания к говорящей личности.

Внимание к личностному аспекту использования языка существенно усилилось за последние десятилетия нашего века во всех дисциплинах, так или иначе связанных с языком – не только в лингвистике, но и в психологии, социологии, философии, этнографии, культурологии, теории коммуникации, лингводидактике.

Среди первых, кто обратил внимание на взаимосвязь языка и пола, была Р. Лакофф. В своей книге “Язык и место женщины” (1975) она описала то, что впоследствии получило название “женского языка”. В понимании Р. Лакофф данный феномен отмечают следующие три особенности: во-первых, в женском языке не хватает средств, позволяющих женщинам решительно выразить свое мнение, во-вторых, женский язык заставляет женщин говорить о пустяках и, в-третьих, требует от женщин говорить неуверенно. Р. Лакофф дает описание женского языка на лексическом, фонологическом и синтактико-прагматическом уровнях. Лексический уровень характеризуется употреблением ограниченного вокабуляра, многочисленных интенсификаторов (*so, such, divine*, и тому подобных), эфемизмов, а также более частым, по сравнению с мужчинами, использованием лексики, связанной с выражением таких чувств, как любовь и печаль. При этом женщинам свойственно избегать слов и выражений, передающих гнев и враждебность. К фонологическим характеристикам Р. Лакофф причисляет более традиционное/правильное произношение и употребление иностранных акцентов. На синтактико-прагматическом уровне Р. Лакофф отмечает следующие особенности: женщины чаще ис-

пользуют разделительный вопрос, модальные глаголы (*could, should, may*) и другие лексические единицы (*more or less, like*, и тому подобные), чтобы подчеркнуть свою неуверенность.

Последователи Р. Лакоффа, в том числе И. Крауч и Б. Дюбуа (1975), В. О'Барр и Б. Аткинс (1980) и другие, развивают ее теорию. Разработанные ими параметры "женского языка" в дополнение к уже описанным Р. Лакофф приводят в своей статье Р. Фримен и Б. Макэлхинни (Freeman & McElhinny 1996: 232), а также Р. Фасолд (Fasold 1990: 103):

1. Женщины употребляют хезитации чаще, чем мужчины.
2. Женская речь более вежливая, нежели мужская.
3. Темы, которые обычно рассматриваются как банальные или неважные, принадлежат к женской сфере общения.
4. Женщины используют эмоциональные прилагательные, например: *adorable, charming, nice*, и тому подобные.
5. Женщины используют вопросительную интонацию в утвердительных предложениях, чтобы выразить неуверенность.
6. Женщины чаще избегают прямых ответов на вопросы.
7. Женщины используют (гипер-)правильную грамматику.

В. О'Барр и Б. Аткинс (1980) предлагают ввести лингвистические формы в модель так называемой социальной личности. Под социальной личностью понимается "ощущение или чувство индивидом слияния, идентификации и дифференциации в отношении общества и культуры" (Hewitt 1989: 170, пер. мой – И.М.). Социальная личность связана с ощущением себя членом общества, в котором существует множество ролей и ситуаций и которое побуждает индивида принять на себя определенную роль в нем. Социальная личность складывается из чувства идентификации с обществом, к которому она принадлежит, и дифференциации – осознания своей индивидуальности. Идентификация подразумевает однотипную реакцию индивидов на какую-либо ситуацию и сходство ее восприятия. Другими словами, условие, от которого зависит взаимная идентификация, – это понимание того, что реакция других на определенную ситуацию такая же, как и своя собственная. В широком смысле идентификация индивидов зависит от эмоций, абстрактных принципов, ценностей и норм, а также других компонентов культуры. Смысл дифференциации – это понимание того, что остальные члены общества отличны от тебя. Осознанию этого феномена способствует наличие разнообразных ролей, исполняемых индивидами в жизни общества, так как даже в одной и той же роли каждый индивид отличается от остальных и, следовательно, сохраняет определенную свободу выбора поведения.

На вопрос, каким образом язык моделирует женщину как социальную личность, пытается ответить Э. Охс в статье "Указание на пол" (Ochs 1992),

переосмысливая определенным образом теорию “женского языка” Р. Лакоффа. Исследовательница считает, что язык не всегда указывает на пол говорящего, и отношение между языковой формой и социальной личностью не прямое, а опосредованное. Так, например, употребление разделительного вопроса указывает не на то, что говорящий – женщина, а на то, что говорящий стремится к тому, чтобы смягчить резкое высказывание. Данная стратегия, однако, чаще используется женщинами вследствие культурных или идеологических представлений о женственности. Таким образом, складывается еще одно понимание того, как язык передает значение: упомянутый выше разделительный вопрос может выражать различные эмоции – беспомощность, нерешительность, осторожность, которые считаются в большей степени присущими женщинам, чем мужчинам.

Все вышеупомянутые исследователи дополняют разработанную Р. Лакоффа концепцию женской речи, согласно которой женщина предстает в своем речевом поведении как существо слабое, пассивное, неспособное противостоять мужскому влиянию.

Исследователи, принадлежащие к так называемому “направлению двойной культуры”, предлагают несколько другой подход к исследованию женской речи. “Мы исходим из того, что [...] мужчины и женщины принадлежат к разным социолингвистическим субкультурам”, – отмечают Д. Мальц и Р. Боркер (Malz, Borker 1982: 200, пер. мой – И.М).

Развивая эту мысль, Д. Таннен в опубликованной в 1990 г. книге “Вы просто не понимаете: женщины и мужчины в беседах” пишет, что мужчины подходят к миру как к некоей иерархии, в которой они главенствуют над кем-то, а кто-то стоит на ступеньку выше, чем они, и такое “видение мира” отражено в “мужских” стереотипах речевого поведения. Женщины же расценивают жизнь как сообщество индивидов, в котором речь используется, чтобы попытаться избежать изоляции, получить поддержку и достичь согласия. Такие взгляды, как считают Таннен и другие последователи теории двойной культуры, складываются еще в детстве, и к совершеннолетию люди уже ведут себя в соответствии с правилами взаимодействия и истолкования слов друг друга, поэтому даже если представители обоих полов беседуют “на равных”, зачастую возникает культурное непонимание (cultural miscommunication). Следовательно, различия в употреблении языка мужчинами и женщинами складываются точно так же, как региональные и социальные различия.

Если в конце 1970-х – 1980-х годов лингвисты предлагали различные модификации разработанной Р. Лакоффа модели женского языка, то в конце 1980-х – начале 90-х годов появляются работы, в которых делается попытка дальнейшего развития проблемы языка и пола. Рассмотрим некоторые из них.

В предисловии к книге "Он-сказал-она-сказала" (1990) М. Гудвин приводит аргументы в пользу того, что основой анализа речи должна стать деятельность, а не принадлежность индивида к определенной культуре или полу. Р. Фримен и Б. Макэлхинни комментируют данное утверждение следующим образом: "Стереотипы женской речи [...] разваливаются, когда речь исследуется в нескольких видах деятельности; для того, чтобы создать модель социальной личности, соответствующей данному моменту, одни и те же индивиды по-разному формулируют речь и выражают принадлежность к мужскому или женскому полу, переходя от одного вида деятельности к другому" (Freeman & McElhinny 1996: 244, пер. мой – И.М.). Новым в этом подходе является идея о том, что в каждой ситуации общения меняется не только язык, но и тип социальной личности, принимаемой на себя индивидом. Что же касается чисто лингвистической стороны исследования, то здесь акцент смещается с выявления различий мужской и женской речи (как это делалось в большинстве более ранних исследований) на выяснение того, *когда, как и почему* возникают данные различия. Подобная направленность и означает, по мнению М. Гудвин, деятельностный подход к проблемам так называемой "женской речи".

Данный подход разделяют и П. Эккерт и С. Макконнелл-Гинет (1992), которые предлагают проводить гендерные исследования совместно с рассмотрением других аспектов социальной личности, для чего считают необходимым ввести понятие "общность деятельности" (a community of practice). Общность деятельности возникает тогда, когда вокруг одного занятия объединяется некоторая совокупность людей. В процессе этой деятельности вырабатываются механизмы выполнения действий, манера ведения разговоров и складываются моральные ценности и убеждения. Предлагая рассматривать речь (в том числе и женскую) с точки зрения общности деятельности, авторы делают попытку перейти от социальной личности как чего-то статичного к понятию личности, постоянно развивающейся и адаптирующейся к различным видам деятельности в процессе общения.

Таким образом, в западном языкознании можно выделить три направления рассмотрения женской речи. Это, во-первых, теория, аргументирующая существование специфической женской языковой личности и особого "женского языка", разработанная Р. Лакофф и ее последователями; во-вторых, – это "направление двойной культуры", суть которого состоит в том, что мужчины и женщины принадлежат к двум различным социолингвистическим субкультурам, что обуславливает различия их речи и, в-третьих, – это появившиеся в конце 1980-х – начале 90-х годов концепции, в которых подход к женской речи кардинально отличался от первых

двух тем, что основой анализа становится деятельность, а не принадлежность говорящего к мужскому или женскому полу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dubois B.L., Crouch I. (1975). The Question of Tag Questions in Women's Speech: They Don't Really Use More of Them, Do They? // *Language in Society*. – No. 4. – P. 89 – 94.
2. Eckert P., McConnell-Ginet S. (1992). Think Practically and Look Locally: Language and Gender as Community-Based Practice // *Annual Review of Anthropology*. – No. 21. – P. 461 – 490.
3. Freeman R., McElhinny B. (1996). Language and Gender // *Sociolinguistics and Language Teaching*. – Cambridge University Press: McKay & Hornkerger. – P. 232.
4. Goodwin M.H. (1990). He-Said-She-Said. – Bloomington: Indiana University Press.
5. Hewitt J.P. (1989). A Theory of Identity // *Dilemmas of the American Self*. – 1989. – P. 170.
6. Lakoff R. (1975). Language and Woman's Place. – New York: Harper & Row.
7. Malz D. N., Borker R.A. (1982). A Cultural Approach to Male – Female Miscommunication // *Language and Social Identity* / Ed. by J. Gumperz. – P. 200.
8. O'Barr W., Atkins, B. (1980). "Women's Language" or "Powerless Language"? // *Women and language in Literature and Society* / Ed. by S. McConnell-Ginet, R. Borker et al. – New York: Praeger.
9. Ochs E. (1992). Indexing Gender // *Rethinking Context* / Ed. by A. Duranti & N. Furman. – Cambridge: Cambridge University Press. – P. 335 – 358.
10. Tannen, D. (1990). You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. – New York: William Morrow.

‘LIE’ : К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОТОТИПИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ КОНЦЕПТА

Морозова Е.И., канд. филол. наук (Харьков)

Определение лжи – проблема, издавна занимавшая ученых разных направлений – философов, психологов, социологов, антропологов, исследователей в области морали, этики и т.п. Однако на сегодняшний день не существует общепринятого определения лжи, что связано, в первую очередь, со сложностью самого понятия (см. об этом, например, Barnes, 1994). Представляется, что в данном вопросе лингвистика способна оказать помощь другим наукам.

Следует отметить, что в свое время лингвисты также не обошли вниманием проблему лжи (Bolinger, 1973; Verschueren, 1985; Weinrich, 1966). Однако, традиционный структурно-семантический подход, направленный на создание исчерпывающего перечня семантических признаков данного понятия, не может дать ощутимых результатов, т.к. ложь, по выраже-

нию Евы Суитцер, всегда вопрос “более – менее” (Sweetser, 1987: 47). Дж. Лакофф (Lakoff, 1972), Ч.Филмор (Fillmore, 1977), Л. Колмен и П. Кей (Coleman & Kay, 1981), Е.Суитцер (Sweetser, 1987) считают, что в определении лжи необходимо опираться на теорию, способную оперировать т.н. нечеткими множествами. Такой теорией, в частности, является семантическая теория прототипов, которая рассматривает значение слова как сущность, представленную центральным, наиболее характерным членом (или членами) и членами периферийными, находящимися в большей или меньшей близости к центру, или прототипу.

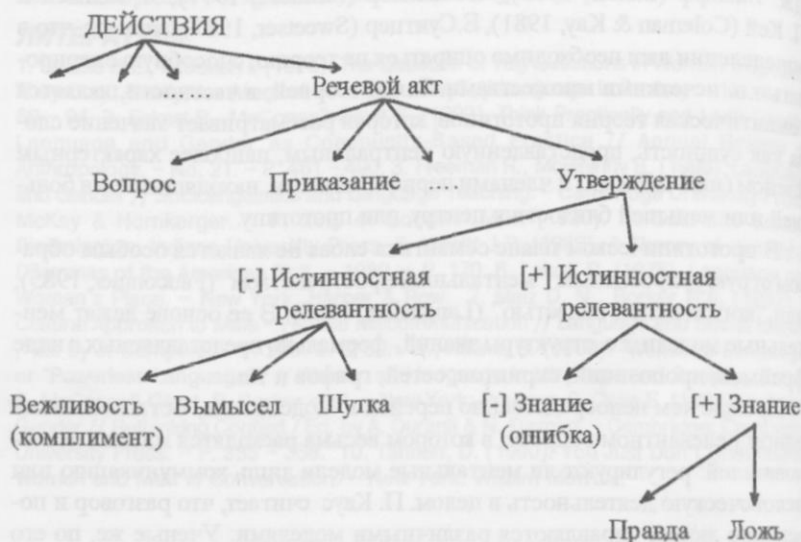
В прототипическом плане семантика слова lie является особым образом структурированным “ментальным пространством” (Fausonnier, 1985), или “когнитивной областью” (Langacker, 1987). В ее основе лежат ментальные модели, т.е. структуры знаний, формально представляемых в виде фреймов, пропозиций, скриптов, сетей, графов и т.п.

Прежде чем непосредственно перейти к модели лжи, остановимся на одном релевантном вопросе, в котором весьма расходятся мнения исследователей: регулируют ли ментальные модели лишь коммуникацию или человеческую деятельность в целом. П. Каус считает, что разговор и поведение людей управляются различными моделями. Ученые же, по его мнению, оперируют совсем иными моделями для их объяснения (Caws, 1974). П. Браун и С. Левинсон утверждают, что то, как люди используют язык, определяется теми же принципами, что и их социальные отношения. Их теория вежливости – “инструмент для точного качественного описания социальных отношений” (Brown & Levinson, 1987). В данном вопросе мы принимаем точку зрения Н.Квинн и Д. Холланд, которые считают, что отраженные и закреплённые в языке культурные модели соотносимы с моделями поведения, но это соотношение не всегда просто и однозначно, поскольку при производстве одного высказывания говорящий может иметь несколько целей (Quinn & Holland, 1987). Ложь является убедительной иллюстрацией данного положения. При широкой трактовке она может распространяться далеко за пределы своего прототипического значения.

Обратимся к таксономическому графу Е. Суитцер (Sweetser, 1987: 49), в котором схематически показано место прототипической лжи:

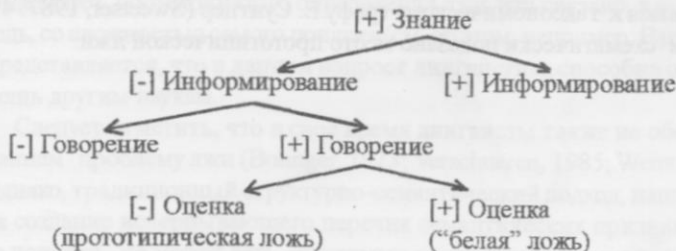

Рис. 1

Данная схема, как представляется, не совсем точна и полна. Если говорящий обладает знанием ([+] Знание на Рис. 1), то до того, как сделать выбор: сказать правду или солгать, он должен сделать выбор: информировать слушающего или нет. Если он примет решение информировать ([+] Информация на Рис. 2), то это будет соответствовать правде. Если же он примет решение скрыть ее ([-] Информация на Рис. 2), то он может сделать это либо промолчав ([-] Говорение на Рис. 2), либо сказав неправду, солгав ([+] Говорение). И, наконец, ложь подразделяется на прототипическую, которая связана с отрицательной оценкой, и "белую", связанную с положительной оценкой. Вышеизложенное позволяет модифицировать и расширить схему Е. Суитцера следующим образом:

Рис. 2

Очевидно, что обман может появиться в любом звене на любом уровне данной классификации. Ввести в заблуждение можно молчанием. Обмануть можно даже информированием со знаком [+], правдой: Маккиавелли называл "ложью второго порядка" тот случай, когда человеку говорят правду, зная, что он не поверит тому, что ему говорят, и таким образом обманывая его. Даже на верхних уровнях данной таксономии – действия и речевого акта – существует возможность возникновения обмана. Ввести в заблуждение можно не только речевым действием, но и мимикой, жестом, поступком. В случае же речевого действия обман не обязательно будет иметь форму утверждения; он может заключаться в вопросе и даже в повелении.

Таким образом, применение одного из методов концептуального анализа позволяет четко дифференцировать понятия "ложь" / "lie" и "обман" / "desertion", оставляя за первым лишь случаи прототипической и "белой" лжи. Подобное разграничение, как представляется, имеет значение не только для лингвистики, но и для смежных с нею гуманитарных наук.

ЛИТЕРАТУРА

- Barnes, J. A. (1994). A pack of lies: towards a sociology of lying. – Cambridge: Cambridge University Press. Bolinger, D. (1973). Truth is a Linguistic Question. // *Language*. – Vol. 49. – No. 3. – P.539 – 550. Brown, P. & Levinson, S. (1987). Politeness: Some universals in language usage. – Cambridge: Cambridge University Press. Caws, P. (1974). Operational, representational, and explanatory models // *American Anthropologist*. – No. 76. – Vol.1. – P.1-11. Coleman, L. & Kay, P. (1981). Prototype semantics: The English verb 'lie'. // *Language*. – No.57. – Vol. 1. – P.26-44. Fauconnier, G. (1985). Mental Spaces. – Cambridge, Mass.: M.I.T. Press. Fillmore, C. (1977). Topics in lexical semantics // *Current Issues in Linguistic Theory* / Ed. by R. Cole. – Bloomington: University of Indiana Press. – P.76 – 138. Lakoff, G. (1972). Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. – Chicago. – P.183 – 228. Langacker, R.W. (1987). Foundations of Cognitive Grammar. – Vol.1.: Theoretical Prerequisites. – Stanford, CA : Stanford University Press. Sweetser, E. E. (1987). The definition of lie: An examination of the folk models underlying a semantic prototype // *Cultural models in language and thought* / Ed. by Holland, D. C. & Quinn, N. – P.43 – 66. Quinn, N. & Holland, D. (1987). Culture and cognition // *Cultural models in language and thought*. – Cambridge: Cambridge University Press. Verschueren, J. (1985). What People Say They Do with Words: Prolegomena to an Empirical-Conceptual Approach to Linguistic Action. – Norwood, New Jersey: Ablex Publishing Corporation. Weinrich, H. (1966). *Linguistik der Lüge*. – Heidelberg: Verlag Lambert Schneider.

САМООБМАН: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ДИСКУРСООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Моцун Н.А. (Харьков)

Искажение истины всегда было присуще человеческой природе, и проблема определения сущности и особенностей лжи и обмана находит широкое отражение в произведениях художественной литературы, в философских, морально-этических трактатах, в работах психологов различных направлений. Практически во всех исследованиях самообман выделялся как особая разновидность лжи, т.к. именно данное явление наиболее широко характеризует внутренний мир человека, демонстрирует его отношение к самому себе и миру в целом.

А.Рич утверждает, что обман других часто заканчивается самообманом (Rich 1980), хотя далеко не каждый случай самообмана следует рассматривать как прямое следствие лжи. Проблема самообмана поднималась еще во времена Платона, для которого это была «спасительная ложь» (цит. по Barnes 1994). Но тем не менее, до сих пор в лингвистике поднимаются серьезные семантические проблемы, непосредственно относящиеся к сущности самообмана.

Так, Ч.Шнейдер (1989:145) утверждает, что в повседневной практике общения человек вступает в переговоры с реальным миром, причем подобные переговоры проходят под влиянием убеждений и идеалов участников. Этот процесс определен Шнейдером как «сложный», т.к. иллюзии, порожденные в результате данного процесса, — это искаженные позитивные утверждения о самом себе. При этом Шнейдер уверен, что иллюзии могут принести пользу не только индивиду, но и обществу в целом.

Самообман характеризуется рядом особенностей, которые вытекают из его сущности — это тот уникальный случай искажения правды, когда обманывающий и обманутый соединяются в одной личности. Пожалуй самым примечательным является тот факт, что самообман — это не просто процесс отрицания правды как таковой, но и желание индивида быть обманутым, уход от реальности во внутренний мир, где преобладают мечты и желания. Отсюда можно сделать вывод, что само понятие самообмана тесно связано с возможностью внутреннего диалога или многопланового разговора, в котором роли лжеца и обманутого исполнены одним лицом, и в котором большинство ложных утверждений сформулированы про себя, а не произнесены вслух. Характерно, что только человек способен на социальное общение с самим собой, контролируя передачу информации между сознанием и подсознанием, поставив перед собой цель — формировать свое поведение. Таким образом, Шнейдер (1989:156) отмечает су-

ществование огромного потенциала у людей к самообману, как одной из неотъемлемых характеристик человеческой сущности.

Р.Триверс (Trivers 1985) характеризует самообман как сокрытие информации о реальном положении вещей от сознания, он развивает свою мысль следующим образом: «Самообман — это ложь, которая практикуется на бессознательном уровне, при этом человек пытается утаить от окружающих данный процесс».

Успех в процессе сознательного самообмана может привести к полной подмене истинного восприятия желаемым, когда ложные представления о чем-либо уже становятся истинными для обманывающего.

Д.Барнс (1994:93) утверждает, что только самообман, как разновидность лжи, предрасположен к полной подмене правдивой картины мира, и чем больший успех имеет ложь, тем более желанна она для обманывающего, тем больше его вера в свою «правоту». Для данного случая самообмана, когда обманывающий подменяет истину ложными представлениями на подсознательном уровне, подходит термин «заблуждение». Существенная разница между самообманом и заблуждением заключается в том, что человек, который заблуждается, не конфликтует с реальным миром, он живет в своем собственном иллюзорном мире.

Заблуждения — это ложные утверждения, на которых человек настаивает, невзирая на реальные факты. С другой стороны, человек сознательно сам создает для себя иллюзии и уже этими убеждениями подменяет реальные события. Еще одна разновидность самообмана — двоемыслие (doublethinking), этот процесс подразумевает одновременное сосуществование двух противоречивых представлений, при этом оба значимы для человека: этот процесс одновременно осуществляется на сознательном и бессознательном уровнях.

И самообман, и заблуждения подменяют истину только для одного человека; это состояние внутреннего мира личности. Самообман — это не социальное действие, это скорее состояние духа человека. Однако, самообман часто приводит к фальсификации коммуникации. Следует различать две степени самообмана: искажение истинного восприятия себя и реальности, и вовлечение аудитории в заблуждение при утверждении ложных положений о личности.

Таким образом, учитывая особенности всех вышеупомянутых подходов к проблеме самообмана, можно сделать вывод, что самообман в процессе коммуникации представлен внутренним диалогом, в котором участники — это сегменты сознания человека; при этом один сегмент человеческого сознания обманывает другой. Этот процесс может протекать осознанно или на бессознательном уровне. В случае сознательного самообмана человек осознает степень искажения истинной картины мира. Если же

самообман происходит на бессознательном уровне, то ложное восприятие действительности полностью подменяет реальность.

С лингвистической точки зрения явление самообмана может рассматриваться с двух позиций: во-первых, изучение соответствующих лексических и фразеологических номинаций данного феномена и, во-вторых, исследование отрезков дискурса, в которых отражена ситуация самообмана. Предварительный эмпирический анализ показал, что самообман — довольно распространенное явление в произведениях художественной литературы, в особенности там, где рассказчик всезнающ, однако в пропорциональном отношении частотность употребления данного явления значительно возрастает в определенных жанровых разновидностях художественных и научно-популярных текстов, а именно в автобиографиях и текстах практической психологии (self-help texts).

Автобиографии представляют собой особую категорию произведений, в которых неясно, кто кого обманывает. Р.Адамс (Adams 1990) утверждает, что автобиографии порождаются личными мифами авторов; эти мифы формируются в памяти авторов путем сложного слияния, возникшего как психологическая защитная реакция, и его толкований. Однако, Адамс характеризует данный тип автобиографов как «невинные самообманщики». Виновность/невиновность — это характеристики, которые могут быть применены к попыткам обмануть других людей, но применить их к самообману становится достаточно проблематично. Некоторые биографии изначально задуманы лживо, однако, этот принцип редко используется в случае с автобиографией. Адамс (Adams 1990:169) отмечает: «авторы, которые не могут не скрывать какие-либо факты своей личной жизни редко обращаются к автобиографичному жанру». Автобиографы не обманывают читателя, они сами заблуждаются, рассказывая историю своей жизни.

Тексты практической психологии имеют ряд особенностей, которые позволяют определить их как особую жанровую разновидность научно-популярных текстов. Основное предназначение данной дискурсивной разновидности — популяризация научных знаний в области психологии, координация личности. Данная разновидность дискурса имеет ряд присущих только ей лингвистических и стилистических характеристик. Данный вид дискурса имеет четкую структуру. Лингвистические особенности проявляются на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Данный тип дискурса рассматривается как социально-ориентированный — это своего рода выражение убеждений общества. Проблема самообмана часто поднимается в дискурсе практической психологии, т.к. существенные черты самообмана — внутренний диалог или диалог в молчании, в процессе которого две или более части личности предпочитают не общаться друг с другом — имеют огромное значение при характеристике

личности в целом. Сейчас одно из наиболее противоречивых понятий практической психологии — это понятие «спасительной лжи», когда человек живет, обманывая себя в отношении своего характера и окружающего мира. Большинство людей предпочитают избегать стрессов, обращаясь к спасительной лжи и подменяя неподходящую для них правду так называемыми «семейными мифами».

На наш взгляд, тот факт, что самообман наиболее часто описывается определенными типами дискурсами, а именно автобиографическим дискурсом, дискурсом практической психологии и художественным дискурсом, говорит о том, что данное явление можно рассматривать как одну из разновидностей дискурсообразующих черт. Перспективным направлением самообмана нам представляется изучение семантического, когнитивного и прагматического аспектов лексических и фразеологизованных номинаций данного явления с рассмотрением их текстообразующих функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Adams, R.N. (1990). Telling lies in modern American autobiography. // Chapel Hill: University of North Carolina Press. - P. 96 - 128.
2. Barnes J.A. (1994). A Pack of Lies. Towards a Sociology of Lying. // Simon and Schuster, New York. - P. 86 - 102.
3. Rich, A. (1980). Women and Honour: Some Notes on Lying. // International University Press, New York - P. 36 - 69.
4. Snyder, C.H. (1989). Reality negotiation: from excuse to hope to beyond. // Journal of Social and Clinical Psychology. - P. 130 - 157.
5. Trivers, R.L. (1985). Social Evolution. // Menlo Park: Benjamin/Cumming. - P. 68 - 156.

ФУНКЦИИ И СТРУКТУРА ИНИЦИАЛЬНЫХ ФОРМУЛ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

Нефёдова Е.Д. (Харьков)

Литературную сказку (ЛС) необходимо рассматривать прежде всего как повествование, в котором присутствуют, интертекстуально, семантические, структурные, стилистические элементы народной сказки (НС). Проблема определения ЛС как жанра, таким образом, напрямую связана с определением характера взаимодействия ЛС с народной сказочной традицией и степени оригинальности ЛС как отдельного типа текста. Однако, простого наличия элементов сказочной поэтики в художественном тексте недостаточно для классификации его в качестве ЛС. «Как хронотоп, близкий к сказочному, или же по-сказочному артистичная субъективная организация могут встречаться в далеко не сказочных жанрах, точно так же

могут и не срабатывать или срабатывать “вхолостую” узнаваемые элементы волшебного-сказочной поэтики. Только с и с т е м а, только взаимодействие *основных* (жанровая ситуация волшебной сказки, артистичная повествовательная структура либо общая игровая атмосфера произведения) и *факкультативных* (осколки сказочной поэтики) носителей “памяти жанра” волшебной сказки способны сформировать литературную сказку как жанр даже на фундаменте несказочного, в основном, образного материала (ярчайшие тому примеры – сказки Л. Кэрролла [...])” (Липоведский 1992: 159-160).

Лингвостилистический анализ текста английской ЛС (АЛС) предполагает детальное исследование языковых носителей вышеперечисленных категорий “памяти жанра”. Особое внимание на себя обращают элементы сказочной поэтики, стилистические приемы НС, унаследованные ЛС. Среди лексических стилистических приемов НС, используемых в АЛС, можно назвать говорящие имена собственные (антономасия) как средство передачи моноаксиологичности персонажей, среди синтаксических – параллелизм как средство языковой реализации однородных троекратно повторяющихся действий. Однако, наиболее ярким стилистическим приемом, перешедшим в ЛС из НС, представляются так называемые традиционные формулы сказки – “устойчивые обороты сказочного текста” (Давыдова 1986: 9), конструкции, переходящие из сказки в сказку.

В соответствие с позицией в тексте и выполняемыми функциями, традиционные формулы сказки можно разделить на три группы: инициальные, открывающие канал коммуникации, локализирующие и датирующие действие, вводящие персонажей; медиальные, которые “[...] могут быть рассыпаны по всему повествованию, сопровождая какого-либо героя или его действия, отмечая начало и конец определенного эпизода, очерчивая портрет какого-либо персонажа и т.д.” (Рошняну 1974: 88); финальные, занимающие сильную позицию конца, функцией которых является подытоживание темы, подтверждение правильности понимания АЛС или его коррекция, “заключение”.

Инициальные формулы сказки демонстрируют достаточно жесткую дистрибуцию в тексте АЛС, занимая сильную позицию: их можно встретить в заглавии (пример 1) и первых строках текста (пример 2).

Пример 1

Once on a Time... (Milne 1975: 122)

Пример 2

Once upon a time there were four little Rabbits, and their names were – Flopsy, Mopsy, Cotton-tail and Peter. (Potter 1989: 9)

Однако, примеры использования инициальных формул в заглавии АЛС единичны. Типичным для АЛС является употребление инициальных

формул в первых строках произведения или непосредственно после части abstract (термин модели устного дискурса В. Лабова (Labov 1972)) – обращения к читателю или краткого изложения содержания АЛС, предложенной его вниманию, – являющейся факультативной. Подобная дистрибуция инициальных формул объясняется их основной функцией: инициальные формулы маркируют текст в качестве сказочного, а такое расположение формул в тексте является “эффективным средством задержать внимание читателя [...]” (Арнольд 1990: 47) и помочь ему выработать необходимую для чтения АЛС стратегию восприятия, существенную для адекватного понимания произведений данного типа. Формульное начало обеспечивает повествованию “[...] определенную дискурсную импликацию, указывая на жанр текста [...] и активируя определенные когнитивные стратегии, соответствующие данному жанру [...]”. Безусловно, оно также может стимулировать немедленное неприятие текста у тех читателей, которым данный жанр не нравится.” (Stephens 1992: 19, пер. мой – Нефёдова Е.Д.). Выполнению данной функции способствует также то, что традиционные формулы АЛС являются радиантными элементами, способными маркировать весь текст, вне зависимости от его объема, а иногда и жанровой принадлежности, в качестве сказки. Как утверждает Ю.М. Лотман в работе “Структура художественного текста”, “[...] текст обладает единым текстовым значением и в этом отношении может рассматриваться как нерасчленимый сигнал. “Быть романом”, “быть документом”, “быть молитвой” [мы можем добавить, “быть литературной сказкой” – Нефёдова Е.Д.] – означает реализовывать определенную культурную функцию и передавать некоторое целостное значение. Каждый из этих текстов определяется читателем по некоторому набору признаков. Поэтому передача признака другому тексту – одно из существенных средств образования новых значений [...]” (Лотман 1970: 68). Так, например, фантасмагорический рассказ Р. Дала “Pig” начинается традиционной инициальной формулой, которая готовит читателя к тому, что перед ним сказка, поэтому все события, описанные в рассказе, и трагическая смерть главного героя рассматриваются в рамках сказочной картины мира, а сам рассказ – как современная бытовая АЛС.

Пример 3

Once upon a time, in the City of New York, a beautiful baby boy was born into this world, and the joyful parents named him Lexington. (Dahl 1972: 242)

Радантный потенциал формул АЛС настолько высок, что, в отличие от НС, для них не характерно образование формульной цепочки – совместное употребление формул-синонимов, выполняющих одинаковые функции. Единственной распространенной комбинацией формул в АЛС является традиционное сочетание “инициальная формула датировки и ло-

кализации действия (1) + инициальная формула введения персонажа (2)". Данная комбинация чрезвычайно устойчива и может рассматриваться как единая сложная инициальная формула.

Пример 4

There was^(2...) once upon a time⁽¹⁾ a man^(...2) who understood all sorts of arts; he served in the war, and bore himself bravely and well, but when the war was over, he got his discharge, and set out on his travels with three farthing of his pay in his pocket. (Lang 1975: 70)

Традиционные инициальные формулы, таким образом, являются прежде всего организаторами дискурса, реализаторами категории проспекции в тексте АЛС. Однако, помимо основной, они выполняют также другие, не менее важные, функции.

Как уже было сказано выше, инициальные формулы выполняют функцию датировки и локализации действия, а также введения персонажей. Они являются ядром части orientation (термин модели устного дискурса, предложенной В. Лабовым (Labov 1972)), в которой читатель получает информацию о сказочном хронотопе и главных действующих лицах повествования. Введенная при помощи формул, такая информация обретает дополнительные значения и воспринимается в сказочном контексте. Особенно интересны в АЛС сочетания традиционных формул с географическими и историческими реалиями. Радиантный потенциал традиционных формул способствует тому, что реалии нейтрализуются и рассматриваются как составная часть недостижимой сказочной страны и неопределенного далекого прошлого.

Пример 5

Once upon a time, on an uninhabited island on the shores of the Red Sea, there lived a Parsee from whose hat the rays of the sun were reflected in more-than-oriental splendour. (Kipling 1979:50)

Формульный ввод маркирует персонажей как сказочных, а также может служить средством авторской оценки. В. МакГанн и А. Шварц, исследовавшие лингвистические маркеры положительности персонажей в рассказе, отмечают, что одним из таких маркеров является введение персонажа на инициальной стадии повествования (McGann, Schwartz 1988). Это положение актуально также для АЛС, в которой ввод персонажа в начале произведения с помощью инициальных формул маркирует его как потенциального протагониста (см. пример 5).

Кроме того, в особенностях употребления инициальных формул зачастую реализуется авторская интенция творческого переосмысления традиционных средств организации текста сказки. Так, семантический анализ компонентов инициальных формул позволяет выделить в них сле-

дующие элементы, каждый из которых выполняет определенную функцию:

- 1) факт существования героя (героев) $[E_1]$;
- 2) наличие неких "событий", о которых будет рассказано $[E_2]$;
- 3) фиксация во времени действия или героев $[T_1]$;
- 4) исключительность, уникальность описанного в сказке $[T_2]$;
- 5) подлинность, достоверность повествования $[V]$ (Рошяну 1974: 22);
- 6) локализация действия или героев $[S]$.

Функции элементов доминантной в АЛС инициальной формулы "once upon a time [location] there lived a character" можно представить в следующей схеме: $T_2 T_1 [S] E_1$. Чрезвычайно интересны примеры вариантов данной канонической схемы, показывающие, степень авторского овладения традиционным материалом и его новаторский потенциал. Так, У. Де-ламар пародирует традиционную инициальную формулу, вводя в нее точные реалии и заменяя элемент, указывающий на факт существования героя, на элемент, указывающий на факт его смерти. Однако, несмотря на преобразования, в данной конструкции легко узнается традиционная формула АЛС, и данный авторский вариант формулы выполняет те же функции, что и формула-модель, послужившая ему прообразом: функцию маркирования текста в качестве сказки, функцию описания сказочного хронотопа и ввода персонажа:

Пример 6

About the year 1600, when Queen Elizabeth was sixty-seven, and William Shakespeare was writing his play called 'Julius Caesar', there died, twenty-four miles from Stratford-on-Avon, a rich miller – John James Nollykins by name. (De La Mare 1975: 154)

Схема данной формулы $T_1^{v1} T_1^{v2} T_1^{v3} E_1 S$ (где T_1^{v1-3} – исторические реалии, одновременно подтверждающие правдивость повествования и датирующие описываемые события, E_1 – отрицание существования героя, S – элемент локализации действия) аналогична схеме $T_2 T_1 [S] E_1$ доминантной формулы "once upon a time [location] there lived a character". Поэтому, несмотря на трехкратное употребление элемента, подтверждающего подлинность повествования (V), события повествования, введенные таким образом, воспринимаются как сказочные, а временные реалии – как далекое сказочное прошлое.

Компонентный анализ инициальных формул позволяет также сделать вывод об отношении автора-повествователя к описываемым сказочным событиям. Как отмечает Н. Рошяну (Рошяну 1974: 36-41, 47, 49-51), в НС со временем функция датировки и локализации компонентов инициальных формул нейтрализуется, ослабевает связанная с ней функция ут-

верждения достоверности событий, компоненты инициальной формулы зачастую вступают в противоречие, и вся формула приобретает шутиливый характер, маркируя все повествование как небылицу. Для АЛС такой процесс не является характерным. Инициальные формулы АЛС в основном состоят из утвердительных компонентов, зачастую подкреплённых историческими и географическими реалиями (см. пример 5, 6). Типологической особенностью инициальных формул АЛС является широкое использование элемента S, локализирующего действие и персонажей. Утвердительный характер инициальных формул АЛС способствует восприятию эстетического сообщения АЛС, повышению читательского интереса к повествованию, а также установлению доверия к автору и к картине мира, представленной в АЛС, которая рассматривается читателем метафорически.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. (1990). Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования): учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. "Иностр. яз.". – 3-е изд. – М.: Просвещение.
2. Давыдова О.А. (1986). Формулы-синонимы как изобразительно-выразительное средство русских народных волшебных сказок // Язык и стиль произведений фольклора и литературы. – Воронеж. – С. 9–18.
3. Липовецкий М.Н. (1992). Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та.
4. Лотман Ю.М. (1970). Структура художественного текста. – М.: Искусство.
5. Рошину Н. (1974). Традиционные формулы сказки. – М.: Наука.
6. Labov W. (1972). *Language in the Inner City*. – Oxford: Basil Blackwell.
7. McGann W. and A. Schwartz (1988) *Main Character in Children's Narratives* // *Linguistics*. – No. 26, – P. 215–233.
8. Stephens J. (1992). *Language and Ideology in Children's Fiction*. London and New York: Longman.

Источники иллюстративного материала

1. Dahl R. (1972). *Pig* // *Kiss Kiss*. – New York. – P. 242–270.
2. De La Mare (1975). *The Three Sleeping Boys of Warwickshire* // Английская литературная сказка: Сборник / Сост. С. Никонова. – На англ. яз. – М. – С. 154–174.
3. Kipling R. (1979). *How the Rhinoceros Got His Skin* // Киплинг Р. Вот так сказки! – На англ. яз. – 3-е изд. – М. – С. 47–54.
4. Lang A. (1975). *How Six Men Travelled Through the Wide World* // Английская литературная сказка: Сборник/ Сост. С. Никонова. – На англ. яз. – М. – С. 70–75.
5. Milne A. (1975). *Once on a Time* // Английская литературная сказка: Сборник/ Сост. С. Никонова. – На англ. яз. – М. – С. 122–138.
6. Potter B. (1989). *The Tale of Peter Rabbit*. – London: Penguin.

ИНВЕРСИЯ КАК ПРИЕМ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Олейник Н.А. (Харьков)

О природе комического написано немало. Если суммировать все сказанное, то можно сделать вывод о том, что в основе смешного, прежде всего, лежат различные проявления инконгруэнтности, т. е. несоответствия или неадекватности.

Инконгруэнтность может актуализироваться как на макро-, так и на микроуровне. Она может затрагивать различные сферы, начиная от референтной ситуации, поведения персонажей, и кончая различными речевыми особенностями.

Одним из приемов инконгруэнтности, на котором построены многие комедии положений, является так называемая инверсия (inversion).

Этот термин применительно к комедии предложил использовать Г. Бергсон (Бергсон, 1984: 85). Под инверсией он понимает неожиданный, быстрый обмен ролями, когда преступник отчитывает судью, ребенок упрекает родителей, жена командует мужем, ученик учит учителя, хозяин подчиняется слуге и т. д. Этот прием, в частности, лежит, в основе многих анекдотов.

В драматургии под инверсией все чаще понимается вообще любое изменение социальных ролей, которое может возникнуть в результате различных недоразумений.

К неверному восприятию и оценке социальных ролей может привести недостаточная информированность или заблуждение, в результате чего нарушаются речевые конвенции и этикет. Возникающая таким образом инконгруэнтность реальных и мнимых социальных ролей приводит к комическому эффекту.

Показательна в этом отношении пьеса О. Голдсмита "Ночь ошибок" (The Mistakes of a Night, 1773), которая вся построена на неверном восприятии социальных ролей персонажей.

В пьесе О. Голдсмита два молодых джентльмена, Марлоу и Гастингс, принимают будущего тестя одного из них за владельца постоянного двора, а его дочь, будущую невесту, за легкомысленную служанку-потаскушку, что и приводит к созданию многочисленных комических ситуаций.

Марлоу и Гастингс возмущены тем, что Хардкасл не соблюдает подобающей ему, как хозяину постоянного двора, почтительной дистанции:

*Hastings (aside): I see this fellow wants
to give us his company, and forgets
that he's an inkeeper, before he
has learned to be a gentleman (Goldsmith. 1986: 255)*

Маркерами нарушения социальных конвенций, в частности, является использование неадекватных обращений. Марлоу называет своего будущего тестя весьма фамильярным "my old friend", естественно, не догадываясь об истинном положении вещей.

Марлоу недоумевает по поводу того, что обыкновенный хозяин гостиницы имеет склонность к философствованию:

*Marl. (aside): Well, this is the first time
I ever heard of an inkeeper's philosophy
(Goldsmith. 1986: 255)*

Хардкасл, в свою очередь, удивлен бесцеремонностью Марлоу, настоятельно требующего подать ему, в нарушение всякого этикета, ужин:

*Hardcastle (aside): Was ever such a request to a man in his own house!
(Goldsmith. 1986: 256)*

и далее:

*Hardcastle (aside): Such a brazen dog sure never my eyes beheld
(Goldsmith. 1986: 256)*

Таким образом, наблюдается неадекватность речевых ожиданий и реальных высказываний. Иными словами, нарушается один из принципов функционирования речи, который Ф. Лакофф называет принципом взаимопонимания и согласия (the rules of rapport) (Lakoff: 1983: 309).

Если до сих пор речь шла о непреднамеренном нарушении конвенций речевого общения, то существует и другой тип инверсии - травестирирование, или, проще говоря, переодевание.

Для комедии положений травестирирование является ингерентным свойством. Например, фабула комедии Шекспира "Двенадцатая ночь" (The Twelfth Night, 1600) выстраивается вокруг изменения социальной роли Виолы, передевающейся в мужской костюм и почти до самого конца пьесы действующей в рамках взятой на себя роли.

При переодевании мужчин в женские костюмы и наоборот происходит нарушение конвенций общения между представителями противоположных полов как на собственно лингвистическом, так и на паралингвистическом уровне (похлопывание по плечу, объятия и т.д.).

Женщине, переодетой, например, юношей, никто не выражает надлежащей почтительности. С ней в этом случае обращаются фамильярно, а зачастую просто грубо. И юмор в таких эпизодах носит несколько грубоватый характер.

Гораздо больший комический эффект достигается при облачении в женский костюм героев-мужчин. Этот прием особенно часто применялся в яковитской городской комедии и в комедии эпохи Реставрации.

В то же время получает распространение и еще один вид инверсии - использование масок (vizards). Комедиографы XVI - XVIII вв. охотно включали в свои пьесы сцены маскарада. Это позволяло им придумывать различные комические ситуации, для которых характерны нелепые совпадения и неожиданные разоблачения.

Особенность маскарадных сцен заключается в том, что в этом случае участники беседы находятся в равном положении: они знают, что собеседники скрывают свое истинное лицо и играют определенные роли. При этом сцены "узнавания" обычно сопровождаются остроумными высказываниями действующих лиц.

Эпизод на маскараде можно встретить, например, у Этериджа:

Sir Fopling (to Harriet): Do you know me?

Harriet: Ten to one but two guess at you.

Sir Fopling: Are you women as fond of a vizard as we men are?

Гэрриет, которая уже узнала сэра Фоплинга, колко отвечает:

Harriet: I am very fond of a vizard that covers a face I don't like, sir (Etherege. 1984: 94)

Различные виды инверсии широко использовал Т. Миддлтон в пьесе "Безумный мир, господа!".

Главный герой, промотавшийся франт Глупли, постоянно переодевается, то и дело дурача своего богатого дядюшку. Так, он выдает себя за важного лорда. Комизм возникает из-за того, что сэр Нараспашкью, принимая племянника за высокопоставленную особу, выказывает ему различные знаки почтительности:

Sir Bounteous: Your honour is most spaciously welcome
(Middleton: 1985: 128)

Особый комизм возникает тогда, когда дядюшка называет своего племянника "your lordship". Еще более усиливает комический эффект эпизод, в котором переодетому Глупли приходится выслушивать о самом себе самые нелестные вещи, например, такие, как:

Sir Bounteous: ...a wild lad he has been
(Middleton. 1985: 129)

Не может у зрителя не вызвать смеха и сцена соблазнения Уотерсом переодетого в одежду Бесс Хитроу пройдохи Глупли.

Глупли то и дело отбивается от настойчивых приставаний Уотерса:

Follywit: Oh, pray, away sir...
Pray, do not handle me, sir (Middleton. 1985: 163)

На прощание Глушли получает даже поцелуй от распалившегося Уотерса: *Gunwater: Farewell, sweet lady. (Kisses her)* (Middleton. 1985: 163), что не может не вызвать у зрителей соответствующей реакции.

Однако хитрости Глушли обернулись против него самого. Приняв девицу легкого поведения, содержанку дядюшки, за богатую наследницу, он на ней женится.

Интересно, что в этой пьесе Т. Мидлтона меняют свой облик не только люди, но и нечистая сила. К мошеннику Кайусу Грешену в виде возлюбленной является черт. Правда, Кайус распознал в женском облике представителя потусторонних сил.

В более позднее время прием инверсии потерял свою былую популярность вместе с уменьшением роли самих комедий положений и сейчас используется не столь часто, как в XVI - XVIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Comedy. Developments in Criticism (1984) /Ed. D.J.Palmer. - L.: Macmillan, P. 1-165.
2. Lakoff R. (1983) Psychoanalytic Discourse and Ordinary Conversation //Variation in the Form and Use of Language. - Wash. - P. 305 - 310.

Источники иллюстративного материала:

1. Etherege G. (1984). The Man of Mode //Five Restoration Comedies. L.: A&C Black. - P. 1-152.
2. Goldsmith O. (1986). She Sloops to Conquer or, The Mistakes of a Night //Four English Comedies. - L.: Penguin. - P. 233 - 314.
3. Middleton T. (1985). A Mad World, My Masters //Four Jacobean Comedies. - L.: Penguin. - P. 111- 188.
4. Shakespeare W. (1982). The Twelfth Night. Warszawa. - P. 344.

СУБСТАНТИВНЫЕ КОМПОЗИТЫ-БАХУВРИХИ АНТРОПОСЕМИЧЕСКОГО ПОЛЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Л.Ф. Омельченко, докт. филол. наук (Киев)

Н.Н. Максимчук, канд. филол. наук (Луцк)

В корпусе посессивных структурно-сложных лексем в соответствии с их лексико-десигнативной принадлежностью следует выделить наименее изученные и представляющие интерес для семантических наблюдений субстантивные бахуврихи типа: *bigfoot* амер. "большая нога", йети, снежный человек; *loudmouth* разг. крикун; *eagle eye* жарг. недреманное око (преим. о сыщике); *brown nose* жарг. подлиза, подхалим, любимчик;

hardheat 1. хитрый, с практической жилкой человек; 2. болван; hothead горячая голова (о человеке); wetback амер. жарг. "мокрая спина", нелегальный иммигрант из Мексики (переплывший р. Рио-Гранде).

Можно констатировать корреляцию между этапами исторического развития английского языка и типами бахуврихи. Так, например, Н.Бергстен, Ч.Карр, Г.Марчанд отмечают, что субстантивные бахуврихи практически не существовали в древнеанглийском языке, они почти не встречаются и в среднеанглийском языке вплоть до 16 века. В своей основной массе они начали появляться в американском ареале с XVIII века: redcap 1. 1) "красная шапка" (о человеке); 2) амер. носильщик; 3) жарг. военный полицейский; 2. "красный колпачок" (о гноме, эльфе); 3. уст. кардинал. (ср. т.ж. red-hat 1. 1) красная шляпа (особ. кардинала); 2) перен. кардинал; 2. воен. жарг. штабной офицер (штабист); brass hat воен. сленг высокий чин; жарг. 1. воен. начальство, старший офицер, штабной офицер; 2. pl. начальство, руководство; blackshirt чернорубашечник, фашист; brownshirt коричневорубашечник, фашист, гитлеровец; redcoat ист. "красный мундир" (прозвище английского солдата).

Субстантивные бахуврихи получили определенное теоретическое освещение в работах зарубежных лингвистов, хотя и не подвергались специальному анализу. Отдельные замечания общего характера можно найти у Ч.Карра, О.Есперсена, К.Сундена, М.Бергстена, В.Адамс, Ю.Найды, Э.Бенвениста, Т.М. Беляевой, И.В.Арнольд, Е.Ю.Шимлиди, Е.В.Ивановой, Е.А.Дюжиговой, О.Д.Мешкова и других лингвистов.

Г.Марчанд делит английские сложные слова на эндоцентрические (rainbow "радуга") и экзоцентрические (типа pickpocket "карманный вор", blackout "затемнение"). К последним Г.Марчанд относит и подгруппу бахуврихи (ср. hunchback, paleface, fivefinger, scatterbrain) в силу того, что представленный в них детерминатив не выражен эксплицитно формальными языковыми средствами и, следовательно, находится за пределами данных комбинаций. Ср.: "A paleface is not a face but a person having a pale face", где денотативным субститутотом "paleface" будет не "face", а "person" (Marchand 1995, 216-217; 1960, 40-45). Г.Марчанд относит указанные номинативы к псевдосложным словам, т.е. деривационным образованиям со сложным модификатором и выраженным нулевой морфемой денотатом. Отмечая появление субстантивной бахуврихи в новоанглийский период, он также высказывает предположение, что функцию своеобразного катализатора их возникновения во многом выполняло развитие другой группы экзоструктур типа pick-pocket "вор-карманник". Речь идет о некотором опосредованном взаимовлиянии сходных структур, вызывающих активизацию процесса порождения себе подобных.

Увеличению количества сложных субстантивных номинативов типа бахуврихи способствовал также процесс адъективизации указанных конструкций с помощью словообразовательного форманта *-ed*. Ср., например: It was the man with *owl-eyed* "glasses" ... and then the *owl-eyed* man said 'Amen to that' in a brave voice. "*Owl-eyes*" spoke to me by the gate (F.Scott. Fitzgerald). Это дало возможность адъективным бахуврихи, существование которых отмечено во все периоды развития английского языка, употребляться автосемантически уже не в качестве модификатора денотата, а вместо него самого.

Известно, что в английском языке названия людей и предметов могут образовываться путем сложения двух основ, одна из которых означает какую-то часть тела человека или предмета, а другая является определением, выраженным прилагательным или существительным.

Вслед за О.Д.Мешковым (1985: 80) можно утверждать, что безаффиксальные двусловные бахуврихи являются одной из национально специфических черт английского словосложения, в отличие, например, от русского языка, в котором обозначение человека по какой-то его части возможно лишь путем словосложения и аффиксации, например: тупоголовый, краснокожий, широкоплечий, зеленоглазый.

Множественное число субстантивных композит-бахуврихи образуется обычным путем. Например: *red-head* рыжеволосый человек; *blondes, brunettes* and *red-heads* блондинки, брюнетки и рыжие (БАРС); *skinhead* 1. коротко стриженный юноша или мальчик; молодой человек со стрижкой "ежик"; 2. лысый (человек); 3. жарг. новобранец из морской пехоты; 4. "бритоголовый" участник уличной банды хулиганов (конец 60-70 гг. XX в.) (ДБАРС). The *skinheads* gathered at a pub and marched down Woolwich, High Street carrying weapons and shouting "Sieg Heil", with fists raised (Morning Star, 1981, Jan. 28).

Интересно отметить композиты-бахуврихи, у которых форма множественного числа служит для наименования одного лица: *light-skirts* легкомысленная женщина; *butter-fingers* разг. растяпа, неумеха, дырявые руки, "руки-крюки"; *sly-boots* разг. хитрец, плут, проныра; а *lazybones* (= *lazyboots, lazylegs*) разг. лентяй, лодырь; *squaretoes* 1) формалист, педант; 2) чопорный, старомодный человек.

Пренебрежительно-уничтожительный, пейоративный оттенок значения бахуврихи, относящихся к описанию внешнего вида отдельных черт характера или поведения человека, обусловлен, по мнению Г.Марчанда, влиянием экспрессивно-окрашенных, стилистически-сниженных образований типа *pickpocket*, а реализация потенциальных сем негативной субъективно-эмоциональной оценки и повышенная саркастическая или шутили-

во-ироническая экспрессивная тональность являются характерными чертами всех экзоцентрических образований (Marchand 1960: 44).

Следует подчеркнуть, что стилистически маркированные композиты-бахуврихи формируются в сфере экспрессивного просторечия и сленга, отличительными чертами которых являются экспрессивность и этикостилистическая сниженность. При этом негативная эмотивная тональность просторечных сложных сленгизмов и жаргонизмов типа бахуврихи достигается не за счет нарушения структурных норм, а за счет семантического усложнения словообразовательного акта метафорическими или метонимическими переносами значения сочетающихся основ. Например: dogface амер. разг. 1. пехотинец, пехота, пехтура; 2. 1) рекрут, новобранец; 2) солдат, рядовой; 3) солдат, догоняющий свою колонну; sourbelly разг. ворчун, брюзга; squarehead амер. жарг. 1. болван, олух; 2. бранная кличка немца или скандинава; pot-belly разг. 1. брюхо, пузо; 2. пузатый, толсто-пузый человек; beef-head груб. болван, тупица; penny-wit разг. остряк-самоучка; wet-head амер. жарг. 1. зеленый юнец; 2. деревенщина, простодушье; bluestocking ирон. "синий чулок", ученая женщина, педантка.

Итак, почти постоянно важнейшими свойствами субстантивных композит-бахуврихи являются эмоционально-негативное отношение к референту, грубовато-циничная или грубая экспрессивность, презрительно-пренебрежительная и шутливая образность (bold-face наглец, нахал; highbrow 1. человек, претендующий на интеллектуальность, на утонченность вкуса, "аристократ ума", "интеллектуал"; 2. далекий от жизни ученый, интеллигент; lowbrow разг. человек, не претендующий на высокий интеллектуальный уровень; человек с примитивными вкусами в литературе, музыке, искусстве; middlebrow 1. человек среднего интеллекта, обыватель; 2. приверженец традиционных представлений об искусстве, культуре и т. д.; человек с отсталыми вкусами (ДБАРС, 1981). Указанные лексемы являются полисемантами.

Большой интерес представляет изучение лексоко-семантического ряда субстантивных бахуврихи с поливалентным вторым компонентом - head: ass-head осел, тупица, олух; banana-head амер. жарг. балда, тупица; block-head болван; bone-head амер. жарг. дурак, тупица, болван; cabbage-head разг. тупица, болван и т. д. Отношения между ономаσιологическим базисом и ономаσιологическим признаком у таких сложных существительных можно представить как smb. (a person) having a head like that of an ass, banana, beef, block, bone, cabbage. Здесь налицо сложный случай двойной предикации, отмеченный индикаторами having и like, первый из которых указывает на метонимический перенос, а второй - на метафорический. Метафорическое значение появляется на основе того, что представлено

ономасиологическим базисом - а person с одним из свойств того предмета, который обозначен ономасиологическим признаком.

В Дополнении к Большому англо-русскому словарю (1981) нами обнаружено 68 субстантивных сложных лексем типа бахуврихи. Например: acidhead жарг. наркоман, употребляющий ЛСД; blue helmets "голубые каски", войска ООН; deadneck жарг. кретин, болван; dollface "куколка", с кукольным личиком (о хорошенькой девушке или о мужчине с немужественной внешностью); four-eyes разг. очкарик; hashhead жарг. наркоман; lame-brain амер. разг. дурачок, дурной; longhair презр. 1. волосатик; 2. 1) интеллигент, эрудит; 2) любитель серьезной музыки, эстет; pill-head разг. человек, злоупотребляющий транквилизаторами, снотворными и т.п.; pothead жарг. наркоман - курильщик марихуаны; red-neck амер. белый батрак (на Юге США), деревенщина.

В рассматриваемом корпусе субстантивных композит-бахуврихи происходит "переосмысление" объекта наименования через призму оценочного, чувственного или образного представления.

Пейоративная экспрессивность имен лиц с метонимическим переносом объясняется закрепившейся языковой традицией выражать отрицательное иронически-пренебрежительное или презрительное отношение к человеку посредством наименования его словом, являющимся прямым именем признака: black-mouth клеветник; loud-mouth разг. крикун; rat-face амер. жарг. хитрец, продувная бестия; faint-heart трус, малодушный человек; thick-skin толстокожий человек, бесчувственный чурбан; fat-head тупой, глупый человек; dirty-neck фермер; rough-neck амер. разг. буйан, хулиган; egghead часто ирон. мыслящая личность, интеллигент, эрудит; wet-nose простак; wooly-head презрит. 1. негр; 2. амер. ист. сторонник освобождения негров; pudding-face толстая, невыразительная физиономия; pudding-heart трус; pudding-head разг. дурень, болван, олух.

В итоге можно выделить следующие отличительные черты субстантивных бахуврихи: 1) соответствие структурной формуле $a+n$ или $n+n$; 2) наличие в качестве постоянного морфолого-семантического признака посессивного характера по отношению к денотату; 3) метонимическая номинация по какой-либо черте или признаку, присущим самому объекту и лежащим в основе называния объекта; 4) основная особенность этой номинации состоит в ее относительном (косвенном) характере, так как значение посессивности субстантивных композит-бахуврихи не является автономным и воспринимается одновременно со значением предмета, которое от него неотделимо. Наиболее очевидно этот тип номинации проявляет себя в двух категориях лексики - в литературно-художественных текстах и в эмоционально-оценочной лексике фамильярно-разговорного и просторечного характера.

Подобные эмоционально-оценочные образования нередко возникают в разговорной речи и, проникая в лексический пласт художественной литературы, сохраняют стилистическую маркированность сферы устного общения, противопоставляясь словам высокого и нейтрального стилистического тона.

Косвенная номинация, присущая нестандартной лексике, основывается на ассоциации по сходству (метафора) или по смежности (метонимия). Ассоциативные связи, реализующиеся в процессе номинации, носят индивидуальный и фактически ничем не ограниченный характер, поскольку словообразовательный акт, как правило, индивидуален, а в выборе признака говорящий может ориентироваться на несущественные или скрытые связи между объектами действительности.

Перечисленные особенности субстантивных бахуврихи антропосемического поля являются существенными при выделении их в особую группу композит, обладающих эмоционально-оценочными значениями, для индивидуализации которых характерны конкретизация и уточнение референта и которые в силу их частности в обиходной коммуникации и значительной десемантизованности могут быть названы разговорно-оценочными клише.

ЛИТЕРАТУРА

1. Marchand H. (1995) Notes on Nominal Compounds in Present-Day English // Word, - Vol. 11 - №2 - pp 216 - 217.
2. Marchand H. (1960) The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. - Wiesbaden.
3. Мешков О. Д. (1985) Словообразование в современном английском языке. - М.: Высш. школа.
4. БАРС (1979) Большой англо-русский словарь /Под общ. ред. И.Р.Гальперина. - М.: Рус. яз.
5. ДБАРС (1981) Дополнение к Большому англо-русскому словарю /Под общ. ред. И.Р.Гальперина. - М.: Рус. яз.

WEB PAGE "ESE/EFL FOR INTERMEDIATE STUDENTS THROUGH GAMES AND INTERACTIVE ACTIVITIES"

Pasynok V.G., Shamaeva J. (Kharkov)

The idea for the present web page, designed for ESL/EFL teachers, has resulted from the experience of Kharkov State University Foreign Languages Department Faculty members and students in learning English and teaching this language to intermediate students in Ukraine and the United States.

The materials the web page contains have been chosen and assembled according to the principle that everything has to be simple, clear, obvious, and

readily adaptable to different classroom situations. The aim is to bring together the favorites of many ESL/EFL teachers and students, and present them "ready-packaged" for instant use.

Why computer assisted games and interactive activities? Any games and puzzles deliver an added dimension to any curricula, but stimulating computer games and fun activities are especially essential for teaching foreign languages. Short attention spans and the constant need for reinforcement throughout any stage of language learning dictate that effective teachers incorporate supplementary, "lighter" materials. From the author's perspective, the specific benefits of the games and interactive activities within the framework of the web page are the following:

- a) release tension and energy;
- b) challenge faster thinkers;
- c) enhance self-concept;
- d) improve problem-solving skills;
- e) promote cooperative group behavior;
- f) develop positive feeling for language;
- g) turn extra or wasted time into productive learning;
- h) capture attention of reluctant learners;
- j) provide focus on particular target language skills or concepts;
- k) allow teacher or student leadership;
- l) furnish change of pace, avoiding boredom;
- m) require minimal teacher preparation.

The web page collection of various student-tested activities (individual activities, as well as group games) is based on the essential elements and competences commonly taught at the intermediate stage (ESL/EFL setting). Reading, grammar skills, spelling and vocabulary are predominant. However, a lot of activities and games on the page involve literacy enrichment and skills in the content areas of social studies of the target culture.

Careful evaluation of every single site within the framework of the selection of games and (non) musical activities on the web page confirms all of them to be effective tools for developing the vocabulary component of TESL/TEFL, reflecting the major elements of TESL/TEFL such as:

- a) introducing new vocabulary (including comprehensible explanations of the new word's grammatical functions, links between areas of meaning, possible interference between areas of meaning, usefulness, and frequency). There are also definitions by demonstrations;
- b) establishing previously met vocabulary;
- c) enriching previously met vocabulary (the games and activities provide variety of opportunities to learn as much as possible about a word (its grammatical function, prefixes and suffixes it can take, grammatical patterns it fits into, etc) in new contexts;

d) developing vocabulary strategies, which is really necessary for the learners, who need to be able to cope with the unknown vocabulary met in listening and reading, to make up for gaps in productive vocabulary in speaking and writing, to gain fluency in using known vocabulary and to learn new words in isolation. Most of the strategies on the page consist of five steps (Nation 1990:33-34): 1) identifying the part of speech of the unknown word; 2) looking at the immediate context of the unknown word and simplifying this context if necessary; 3) looking at the wider context of the unknown word (looking at the relationship between the clause containing the unknown word and surrounding clauses and sentences; 4) guessing the meaning of the unknown word, 5) checking if the guess is correct;

e) developing fluency with known vocabulary (every ESL/EFL learner and teacher should be aware of the fact that vocabulary learning is not an end in itself. A rich vocabulary makes the skills of listening, speaking, reading and writing easier to perform (Alien 1993: 40). The activities and games of this web page, leading to the establishment and enrichment of vocabulary opportunity for the meaningful set of vocabulary in tasks with a low cognitive load, accompany the learner's vocabulary growth by opportunities to become fluent with that vocabulary (Morrison 1996: 49-53).

Why songs (musical games), poems and even fingerplays? Students have many natural interests and talents, but, undoubtedly, there is one activity that appeals to everybody. It is singing and music. Even newborn infants respond to rhythmic rocking and lullabies. If ESL/EFL teachers add to this inborn love of music creative body movement and the target language, they will achieve a truly marvelous mix of learning modes. It is to be hoped that the rhymes and songs on this web page, presenting a variety of styles of musical games, specially selected for their educational benefits, might help them to do it.

Songs and poems open doors, giving language students a greater awareness of the new culture to which they are being exposed and a sense of feeling more at home with the sounds and rhythms of the language they are learning.

Hearing the sounds sung and singing the sounds can both be very helpful in acquiring the tools that lead to real communication, but perhaps the best thing about music and poetry in the classroom is the pleasure it brings to students. Music and poetry on the web page encourage ESL/EFL students to explore their own creativity and express themselves with much more power than traditional texts would allow. Last year some of the songs from the section "Songs" of the web page were used in the ESL classroom of intermediate students from China and Germany at Peet Junior High School, Cedar Falls, Iowa. The results were encouraging. The proposed teaching technique seems to offer an enjoyable alternative to pattern practice. Students working with a strong emphasis

on rhythms of the spoken or sung language improve their spoken language skills (including pronunciation and intonation) dramatically.

With reference to the fingerplays which can be found on the page, it should be stressed that besides the obvious benefit of giving muscles exercise and developing control and coordination, these simple activities provide students with rich experience in humor, fantasy, problem-solving and vocal expression in the target language (MacDonald 1991: 124). The authors' idea is that ESL/EFL teachers will find these fingerplays particularly useful because most are relatively quiet and can be done seated. They can be used to fill time when the group is waiting, and can be a calming down activity after a more active game.

According to the results of the survey made, those teachers who used some of the activities collected on this page in Peet Junior High School and Cedar Falls Senior High School found the projects practical, whether they used a basal text or a more wholistic approach. The ideas of this web page can be used to introduce a concept, add to regular lessons, follow-up after teaching, or reward early finishers. Enjoyable, content-oriented challenges add something exciting to ESL/EFL classes and help students avoid boredom that can result from the inevitable drill needed to develop and maintain skills at the beginning and intermediate stages.

Combining vocal and physical action, required by the activities, presented on the web page, demands a different kind of thought, along with the coordination of the mind, the voice, and the body. And so, with each activity, a different pattern of response is called for, depending on the directions for the song or game. Before long, very motivated by using computer and playing with it, the ESL/EFL student has many patterns of response in the target language in his/her brain department. Every activity mastered makes the subsequent one easier. According to C. Graham (1997: 87), the student builds both "game know-how" and "social know-how".

The most active part of the learning process occurs when the game is new. This is when all "cylinders of thought and muscular control are operating" (Lindfogue 1995: 43). Coordination has not yet become smooth, but because of the playfulness and brightness of the activity students do not become frustrated. Besides, the game is exciting and pleasant, even when at the «stumbling stage». As P. Nation puts it, "it is during this "stumbling" stage that most of the target language learning occurs, including new words, new rhythms, or new ways of moving through a routine" (1994: 20). It has been noticed that when the game becomes familiar and automatic, interest may wane. To prevent this, here is the web page, just in time, to bring out a new activity. Even if the students do not tire of a familiar (non)musical game, learning begins to drop off, and it is up to

the teacher to create a new challenge, either by varying the old game or by moving on to a new one.

Finally, every game or activity on this web page contributes to the students' social skills, simply because each might be performed in a group, to which each student can be a successful contributor. Many of the games are selected so that each student could perform at his/her natural level, without affecting others in the group (Wirth 1996:89). Challenge exists, but without competition, without winning or losing, and without emphasizing the more successful students. Another good point about the activities of the present web page is that the games focus on making all students "winners". Students win because they get practice in various skills and develop competencies needed for effective communication, each aspect of foreign language learning being presented as a dynamic shaping force in the ever-changing context and process of communication. In this view, the web page presents learning and teaching English more as a matter of selection than correction: students are encouraged to select an appropriate option from a range of possible responses to a given situation.

The activities are not labeled by grade level because of the massive variance in abilities among students in single classrooms and among school curricula in various geographic areas. ESL/EFL teachers and learners are offered dozens of learner-centered, cooperative, communicative activities that will

- attend to students' communicative needs;
- make creative use of various sorts of visual aids and special-purpose graphics;
- incorporate humor or other highly motivating content;
- provide challenge and interest through gamelike features;
- promote choice, independence, creativity, realism, and feedback through individual, pair and small-group work.

After minimal experimentation, ESL/EFL teachers will find the instant target language games and activities that excite their students and most efficiently accomplish their goals. Previous experience of doing some of the above computer target language games with the students in Peet Junior High School, Cedar Falls, Iowa, shows that the easiest to play and the fastest-moving became their favorites.

We have tried to make the format of the web page as consistent as possible by combining the age levels, educational benefits and ESL/EFL teaching materials into a TESL/TEFL single whole. A table of contents (main page) as well as more detailed tables of contents at each topical subpage have also been included. Even though all the materials are thoroughly selected, we would like to suggest that ESL/EFL teachers should become familiar with each activity themselves before presenting it to their students - it always makes a difference in the success of the material. There are wonderful, catchy pictures and illustrations throughout

all the sections of the web page, which might be used as additional TESL/TEFL aids.

ESL/EFL teachers will find that all the materials on the present web page invite repetition. They also provide a jumping-off point for teachers, from which they can carry the ideas a bit further and add their own special variations.

Creating the web page "ESL/EFL for Intermediate Students Through Games and Interactive Activities", the authors enjoyed a great many hours of fun. Now they hope that others will find equal enjoyment in it, and many uses for all the activities and pictures.

To have real value, teaching foreign languages should be much more than diversions, drills, or time-fillers. This web page collection of target language games and (non)musical interactive activities is designed to be educationally sound and relevant to the up-to-date curriculum. Hopefully, the instant games and activities on the web page <http://members.tripod.com/shamaeva/tesol> will create enthusiasm and capture the cooperative and competitive spirit of many students of English. Using the proposed program, students will learn and enjoy, teachers will teach and enjoy, and isn't that the most rewarding combination possible?

LITERATURE:

1. Alien V. (1993). Techniques in Teaching Vocabulary.- Oxford; Oxford University Press.
2. Graham C. (1997). Singing, Chanting, Playing Language Games.- Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall Regents.
3. Lindfogue G-(1995). ESL and Fun Activities. + Computer?- New York: Linnet Books.
4. MacDonald M.R. (1991). Look Back and See: ESL Through Games and Rhymes. Psychological Aspect of the Process.- New York: Wilson Company.
5. Morrison L. (1996). Talking About Words: A Study of French as a Second Language Learners' Lexical Inferencing Procedures. //The Canadian Modern Language Review. New York.- vol.53.-1.- P.41-66.
6. Nation I.S.P. (1990). Teaching and Learning Vocabulary.- New York: Newbury House Publishers.
7. Nation P. (1994). New Ways in Teaching Vocabulary. - Bloomington: Teachers of English to Speakers of Other Languages, Inc.
8. Wirth P. (1996). CALL and Busy Teachers. - West Nyack, New York: Parker Publishing Company, Inc.

ПРОБЛЕМИ МОВНОЇ ПІДГОТОВКИ ФАХІВЦІВ У ВУЗАХ

Пасинок В.Г., канд. пед. наук (Харків)

Проблема виникнення і розвитку мови була предметом дослідження науковців різних напрямків знань: антропологів, філософів, соціологів, педагогів та цілої армії спеціалістів-філологів, а також медиків, правників та ін. У кожній з цих галузей знань є свій інтерес, своя ніша і відповідний підхід до методики і аналізу теми. Не заперечуючи правомірності існування будь-якого аспекту вивчення ролі мовної підготовки і культури особи, ми пропонуємо своє бачення проблеми.

У структуру мовної підготовки ми включаємо такі складники, як фактичне оволодіння словниковим багатством, опанування нормативних вимог щодо користування мовою (усно й письмово), засвоєння самої техніки мовлення (технології голосоведення, вміння обрати тон, тембр, темп, динаміку звучання) і використання мови для самореалізації, саморозвитку, звертання до себе, опанування собою. У зв'язку з цим доцільно розглянути такі питання:

- мова і мовлення;
- культура мови і особистісна культура;
- техніка мовлення;
- мова як засіб реалізації та саморегуляції.

Зразу попередимо, що ми не будемо торкатись лінгвістичних (спеціальних філологічних) питань, а будемо звертатись до соціальних, філософських, психологічних пошуків відповідей на питання, що означає мова (мовлення) у житті кожної окремої особи, соціальної групи.

Багаторічний педагогічний досвід підказав, що ми недостатньо використовуємо знання з педагогіки, психології, методики під час занять з практики оволодіння мовою в напрямку озброєння студентів розумінням ролі культури мовлення в житті людини. Культура мови і мовлення не сприймається студентами як проблема спеціального наукового дослідження. Всі ж бо мовою володіють, вміють говорити, і тонкощі процесу мовлення і його ролі в житті людини залишаються поза колом серйозних дослідницьких робіт.

Суть проблеми полягає в тому, що ми вчимо рідній чи іноземній мові не як засобу використання її для реалізації своїх, так би мовити, соціальних ролей в суспільстві, а тільки як засіб комунікації та передачі інформації.

Справедливим є висновок Н.М. Тарасевич (1990), що нормативні курси педагогіки, психології, методики викладання предмету, деякі спеціальні

си побудовані за принципами академічної науки, а не професійної та педагогічної діяльності. Через це студенти не сприймають їх як професійно значимі. Необхідний інший підхід до фахової освіти.

Зупинимось на деяких теоретичних положеннях. Почнемо аналіз питання з розкриття понять мови, норми, культури мовлення.

Мова — активно функціонуюча система, що тісно пов'язана з усіма сферами суспільного життя. Гуманітаризація різних галузей знань, суспільних стосунків висуває нові вимоги до функціональних ресурсів мови. За допомогою мови реалізуються стосунки між людьми, у мові віддзеркалюється особистість людини. Варто послухати, як людина говорить, щоб зрозуміти, як вона думає, отже, передбачити, як вона може вчинити. Мовленнєва поведінка — складова і невід'ємна частина загальної поведінки людей.

Звичайно, ідеалізувати роль звукового мовлення не варто. Пригадаймо: мова — засіб мислення, засіб інтелектуальної діяльності взагалі, засіб оволодіння суспільно-історичним досвідом людства, набутим працею людини, засіб пізнання взагалі. Мовлення має номінативну, експресивну, естетичну функцію, а в трудовій діяльності — ще й діактичну функцію вичерпного визначення характеру діяльності, трудового процесу. Ці функції звукового мовлення доповнюються мімікою й жестами (а естетична функція підкреслюється ще й шрифтом тексту, малюнком, його кольоровим виконанням та ін.), і хоч вони — явища паралінгвістичні, застосування їх теж вимагає вправності, практичних навичок. Крім цього, на всі випадки життя навчитися правильного і виразного мовлення неможливо: знання дає саме життя — нескінченно різноманітне з його єдністю і боротьбою протилежностей. Має цілковиту рацію Т.О. Дегтярьова, коли зауважує: "Темп, лаконізм чи ускладненість формулювань, суха скупість або яскрава багатослівність висловлювання думки і т.ін. безпосередньо пов'язані з характером людини й тому виявляються зі значною самостійністю" і "між індивідуальним актом мовлення і тим загальним, що називається мовою, насправді немає ніякого розмежування — мова і мовлення становлять діалектичну єдність загального та індивідуального" (Дегтярьова 1968). Чим повніше мовлення виражає працюючу думку, живі і щирі почуття, чим виразніше в ньому виявляється небайдужість людини до власного мовлення, тим більше гарантій, що в такої людини знання мови, високий рівень культури спілкування переросте в майстерне володіння мовою.

Формування мовної особистості можливе за умов доброго знання довколишнього світу (в тому числі його історії) і доброго знання виробленої попередніми поколіннями носіїв системи даної мови (її історії, стилістики, у тому числі емоційно-експресивних засобів), і при наявності мотивів і цілей, які зумовлюють використання мовцем усієї цієї сукупності знань. Природа людини завжди буде характеризуватися універсальністю. Тому й

людська мова універсальна за своєю природою і безмежна у своїх реальних і потенційних можливостях. Ось чому незліченні мотиви людського спілкування і забезпечують розвиток мовної особистості, керують її поведінкою, зумовлюють відбір нею засобів для досягнення передбачуваних результатів своєї діяльності.

Своєрідність мовної особистості формується мовою, в першу чергу, мовою рідною, за допомогою якої людина здобувала перші знання про навколишній світ і про закони, що керують його розвитком. Тобто, мовець стане мовною особистістю тоді, коли він знатиме психологію, культуру й етнографію народу, мовою якого він говорить, і коли знання ці будуть органічно пов'язані з його життєвою і розумовою діяльністю, оскільки поряд із спільністю мови народ визначає спільність культурних цінностей і традицій. Тому мовець повинен прагнути опанувати всією системою мови, ресурсами усіх рівнів цієї системи: фонетичного, морфемного, лексичного, граматичного, стилістичного. Лише за цієї умови можна сподіватися на правильність мовлення у кожній можливій ситуації спілкування незалежно від функціонального стилю, форми (усної чи писемної) мовлення, його емоційно-експресивного забарвлення.

У своїй комунікативній функції мова регулює стосунки між людьми, а в естетичній функції впливає і на почуттєву сферу людини, коригує її поведінку, психічний стан. Мовлення ж встановлює і підтримує контакт (емотивна функція мовлення), уточнює і доповнює ту чи іншу ситуацію спілкування. У цих випадках недостатньо оволодіти системою мови – треба засвоїти, довести до автоматизму механізм позамовних засобів (міміка, жест, темп, висота тону та ін.), які можуть бути загальнолюдськими, національними, навіть локальними (властивими для певного соціального середовища (Бабич 1990: 65)

Розглядаючи історію питання про формування мовної культури людини, зразу ж звертає на себе увагу намагання провідних мовознавців розв'язувати завдання нормативності, визначеності правил, норм користування мовою

У літературі є певна визначеність між дослідженнями, присвяченими нормалізації мови з погляду законів лінгвістики й упорядкування процесу засвоєння, опанування нормативних правил їх використання, між філософськими пошуками сенсу і значення слова та мови в житті суспільства й окремої людини й пошуком оптимальної методики вивчення мови (рідної, державної, іноземної).

Окремо необхідно виділити роботи, в яких розкриваються психологічні основи мовлення. Психологи визначають процес мовлення як процес розуміння, встановлення зв'язку (в широкому й вузькому розумінні). Най-

значнішою ознакою мовлення, на думку психологів (Крутецький 1976: 205), є той факт, що воно виконує дві дуже важливі функції, як-то:

- слугує засобом соціальної координації досвіду окремих осіб;
- є важливим знаряддям нашого мислення.

Людина завжди думає, розмовляє, встановлює контакт, впливає на інших, організовує, висловлює бажання чи вимогу з допомогою слова. Психологи вважають, що чужу психіку теж можна вивчати, розуміти з допомогою мови. Таким чином, з точки зору психології, мова є засобом соціального спілкування і спілкування кожного з самим собою. Та саме усвідомлення своїх думок, як пише про це Л.С.Виготський (1991: 206), і своїх вчинків необхідно розуміти як механізм передачі рефлексів.

Що стосується визначень лінгвістичного поняття «культура мовлення», то їх є чимало. Наприклад, Б.М. Головін пише, що поняття «культура мовлення» має два семантичних аспекти: 1) культура мовлення – це сукупність і система комунікативних якостей мовлення і 2) культура мовлення – це вчення про сукупність і систему комунікативних якостей мовлення. М.І. Ілляш вважає: культура мовлення – це 1) володіння літературними нормами на всіх мовних рівнях, в усній та писемній формі мовлення, уміння користуватися мовностилістичними засобами і прийомами з урахуванням умов і цілей комунікації; 2) упорядкована сукупність нормативних, мовленнєвих засобів, вироблених практикою людського спілкування, які оптимально виражають зміст мовлення і задовольняють умови і мету спілкування; 3) самостійна лінгвістична дисципліна. Отже, поняття «культура мовлення» має теоретичний (достатньо висвітлений у зазначених працях) і практичний аспект (який не може бути вичерпаний ніколи, бо виявляє себе щоразу для кожного мовця неповторно, не може передбачити всі можливі ситуації функціонування індивідуального мовлення).

Практична культура мовлення близька до стилістики мовлення, яка вивчає своєрідність складу та функціонування окремих конкретних форм мовлення, практичної мовленнєвої діяльності. Об'єктами вивчення стилістики є не лише специфічні засоби мови (слово, речення), а й позамовні, екстралінгвістичні засоби, без яких немає і не може бути мовлення: міміка, жести (рук, голови), рухи тіла, «мова» очей, реакція співрозмовника, обстановка та ін. Функціональна стилістика розкриває специфіку використання лексичних, морфологічних, синтаксичних та інших засобів у кожному стилі, а стилістика мовних одиниць вивчає стилістичні ресурси всіх мовних рівнів (лексики, фразеології, морфології, синтаксису), системні відношення експресивно забарвлених мовних засобів у зіставленні з нейтральними; стилістика практична навчає вживанню виражальних і експресивних можливостей мовних одиниць.

Визначаючи якісні ознаки культури мовлення (а саме поняття “культура мовлення” вже передбачає якісну характеристику), враховуємо як суто мовні його особливості (ступінь оволодіння діючими в конкретну епоху нормами), так і позамовні (знання законів мислення, практичний досвід мовця – життєвий, віковий і мовленнєвий, психічний стан мовця, мету, націленість спілкування і тощо). З огляду на це основними комунікативними ознаками культури мовлення є: правильність, точність, логічність, багатство (різноманітність), чистота, доречність, достатність, ясність, виразність, емоційність. Звичайно, всі ці ознаки підпорядковуються одній глобальній – правильності, бо залежать від того, порушені чи не порушені у мовленні (не в загальнонародному, а в індивідуальному) правила: організації мовної системи, логіки чи психології, естетики чи етики. Отже культура мовлення – це культура мислення і культура суспільних (соціальних) і духовних стосунків людини.

Дотримуючись загальноприйнятих визначень і традиційних підходів до проблеми розвитку мови, що містяться у працях класиків мовознавчої науки та поділяючи погляди наших сучасників щодо змісту й методики формування писемної мови і усного мовлення, ми пропонуємо новий підхід, що стосується мовної підготовки вчителя як загальнопедагогічну проблему. Суть класичного підходу до поняття мовного розвитку полягає в тому, щоб збагатити їм вихованця барвистим словниковим складом, навчити користуватись ним з дотриманням елементарних граматико-синтаксичних правил, вміти брати участь у діалогічних і монологічних ситуаціях мовлення. Але впродовж розвитку продуктивних ідей наших попередників і сучасних авторів ми вважаємо, що педагогу корисно знати та вміти користуватись у своїй діяльності, як і в приватному житті системою знань про мовленнєвий артистизм і морально-психологічний контекст самого процесу мовлення. Якщо мовленнєвий артистизм включає в себе зовнішнє вираження (через відбір лексико-граматичних, міміко-пантомімічних і технічних показників), то морально-психологічний аспект передбачає відбір відповідного ситуації звучання самого голосу (голосоведення), пошук “мелодії”, “музики”, “акомпанементу” до того фактичного мовного матеріалу, який містить у собі зміст навчально-виховного матеріалу.

Одними з перших практично поставили питання мовної підготовки вчителя у Полтавському педагогічному інституті (в контексті педагогічної техніки) (Зязюн 1989: 78). До технічних показників виразного мовлення належать дихання, голос, дикція, (вимова), інтонація (тон), темп, жест, міміка і пантоміміка. Лише добре оволодіння кожною складовою техніки виразності мовлення може гарантувати його високу якість. Отже,

техніка мовлення – це навички, вміння реалізувати мову в конкретній мовленнєвій ситуації так, щоб вона справляла на слухача евристичне (інтелектуальне), спонукальне враження.

Є ще таке визначення щодо загальної мовної культури особистості (зовнішнього, мовного феномену) – артистизм, імпузантність, що може перекладатись як уміння “подати себе, проявити найпривабливіші риси свого характеру і поведінки за допомогою слова”.

Мова і мовлення є показником, зовнішнім виразом внутрішнього стану і внутрішньої культури особистості, а також характеризує комфортність, гармонійність її розвитку. Мова, мовлення, слово, написане й проголошене про себе, є носієм і того стану, і того процесу, який переживається індивідом. Тобто значення мови і мовлення не обмежується тим, що вона є засобом спілкування. Мова й мовлення є засобом розвитку і саморозвитку самої особистості, способом оздоровлення індивідуума. Йдеться не просто про внутрішнє мовлення, як про це пишуть лінгвісти. Йдеться про мовлення “до себе і про себе” з позиції педагогічного працівника, про виховуючий і формуючий його вплив і як шлях опанування професійною майстерністю, загальною культурою, засобом самовираження і взаєморозуміння.

Розглядаючи людську особистість як складну живу саморегулюючу систему, яка поставлена в такі соціальні умови, коли виникають якісь зміни, порушення ритму життя через економічні і політичні негаразди, на які необхідно адекватно реагувати, щоб не тільки самозберегтися, але продовжувати далі розвиватись і вдосконалюватись. І ось для цієї саморегулюючої системи якою є людська особистість, а у нашому випадку – це студент. Слово, мова, “процес мовлення” (в тому числі голос, буквально: голосоведення, з усіма можливими нюансами) є провідним активним інтегративним елементом

Культура емоцій, інтелекту, поведінки, спілкування, зовнішнього вигляду, відчуття місця і часу – все це є складники індивідуальної культури людини, яка найчастіше виявляється в обміні думками. Бачити, чути, знати – це ще не все. Завершеним буде такий стан особи, коли все сприйняте акумулюється в інтелектуально-емоційну сутність окремої особи, і коли все, що придбано індивідом (духовне багатство, фізична досконалість, морально-естетична витонченість) стане притаманною їй ознакою, перетвориться в реальну і об’єктивну даність.

Виникає слушне питання, як особа фахівця мусить формуватись, щоб домогтись такої професійної досконалості. Його голос, відчуття місця, часу, оточення, розуміння окремої людини не дано йому від природи. А тому пошук методів впливу не такий простий і легкий, як може це здатись на

перший погляд. Відповіді на всі ці питання можуть бути знайдені в основному джерелі самовдосконалення, самореалізації і саморегуляції, яким є слово, дар ним користуватись.

У слові людина подає інформацію, тоном (тональністю і інтонацією) вона висловлює оцінку сказаного, голосом (силою, тембром, дикцією, методикою) підкреслює своє ставлення до висловлених ідей і інформує відповідне відношення не тільки до своєї інформації, але й до самої своєї особи. У процесі мовлення особа певною мірою самореалізується.

Таким чином, мовна підготовка вчителя є таким феноменом педагогічного процесу, в якому вміщена як сама інформація (необхідна система ідей), так і ставлення та оцінка її самим вихователем та створення певного морально-психологічного мікроклімату в аудиторії, який є основною умовою продуктивного й ефективного здійснення навчально-виховної і освітньої діяльності.

Система психолого-педагогічних знань, як ніяка інша, здатна ефективно впливати у діяльність педагога, якщо інформація прийнята і переведена в особистісний план, досвід життя, практику спілкування, в слово, яким він користується щоразу. Досягнення такого стану можливе при умові застосування певних зусиль при сприйнятті, усвідомленні, включенні знань в особистісний арсенал фахових, особистісних надбань, в систему мовленнєвих знаків і символів.

Широко використовуючи різноманітні літературні джерела, які з'явилися в останні роки у зв'язку з розбудовою незалежної України, ми вважаємо, що самою постановкою проблеми мовної підготовки спеціалістів на основі особистісної культури ми даємо в руки майбутнього фахівця ідею про можливість широкого вибору шляхів самопізнання і способів самореалізації у напрямку до успіху.

Керуючись цими міркуваннями, можна зробити висновок, що забезпечення високого рівня підготовки майбутнього спеціаліста у вузі пов'язане з використанням разом з традиційними, академічними методами навчання і нових активних, професійно-орієнтованих. Вони дозволяють озброїти студентів умінями розглядати майбутню діяльність як систему, всі елементи якої діють взаємопов'язано і взаємообумовлено, маючи на увазі, що провідною є мовна культура.

Опис цитованих джерел

1. Бабич Н.Д. (1990). Основи культури мовлення. — Львів. — 232 с. 2. Выготский Л.С. (1976). Педагогическая психология /Под ред. В.В. Давыдова/. — М. — 480 с. 3. Дегтярёва Т.А. (1968). Культура письменной речи. — М. — 108 с. 4. Зязюн И.А. (1989). Основы педагогического мастерства. М.: Просвещение. — с. 79 5. Крутецкий В.А. (1976). Психология обучения и воспитания школьников. — М. — 303 с. 6. Тарасевич И.М. (1990). Обретение педагогического мастерства. //Сов. педагогика, — №11. — С. 77 — 78.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЖИ В ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ В МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Пироженко О.Г. (Харьков)

Ложь исследовалась достаточно широко философией, этикой, психологией и теорией коммуникации как зарубежной, так и отечественной гуманитарной наукой. Значительное количество работ посвящено определению лжи, что является непростой задачей. По выражению Дж. Барнса, ложь – “ускользающее понятие” (Barnes 1994). В наши дни получило широкое распространение определение С. Бок, которая считает, что ложь есть утверждение, предназначенное для того, чтобы ввести жертву обмана в заблуждение относительно истинного положения вещей, включая намерения и отношения говорящего (Bok 1978:13). Очевидно, что в данном определении автор стоит на позиции говорящего.

Развитие лингвистики двух последних десятилетий повернуло проблемы изучения лжи в плоскость межличностной интерактивной коммуникации. В данной статье термин “межличностная коммуникация” трактуется, вслед за Д. Буллером и Дж. Бергун, как “динамический обмен сообщениями между двумя (или более) людьми” (Buller, Burgoon 1996: 205). Д. Буллер и Дж. Бергун утверждают, что “межличностная коммуникация является интерактивной, если обмен репликами происходит синхронно, а не с запозданием, а также имеется возможность для немедленной ответной реплики и взаимного влияния” (там же). Подчеркивая, что межличностная коммуникация – явление динамическое, Д. Буллер и Дж. Бергун отмечают, что “она предполагает временную неустойчивость поведенческой модели, поскольку коммуникантам необходимо приспосабливаться к ответным репликам собеседника, к контексту коммуникации и изменяющимся темам коммуникации” (там же: 206). Такая постановка вопроса не могла не отразиться на изучении лжи. Сегодня представляется возможным говорить о статическом и динамическом подходах к изучению коммуникации, а, соответственно, и лжи, как явлению коммуникации. Первый подход предполагает рассмотрение этого феномена с точки зрения продуцента, второй принимает во внимание как продуцента, так и реципиента.

Динамический аспект в изучении лжи вовлекает в орбиту исследования коммуникативные стратегии (КС). Под КС, вслед за Т. Винокур (Винокур: 1993), мы понимаем реализацию мысли и интенции говорящего, проявляющуюся в тексте, причем ее выбор зависит от цели говорящего.

Мы считаем важным разграничить понятия цели и интенции, так как цель подразумевает под собой результат деятельности (т.е. коммуникативного акта), в то время как интенция только лишь направлена на какой-либо предмет (т.е. реципиента) (Философский энциклопедический словарь 1983: 763, 213). КС лжи могут реализовываться с помощью отрицания, нежелания отвечать на вопрос, самооправдания, несвойственной говорящим разговорчивости/молчаливости, смены темы разговора и т.д.

Реализация КС лжи варьируется в мужской и женской речи. Интерес к гендерной проблематике в лингвистике возник в 60-70х годах и был связан с развитием феминистского движения. Зачастую женщинам приписывалась особая склонность к лжи (см. Barnes 1994: 7). А. Рич считает, что женщины лгут больше для того, чтобы защитить эмоциональную атмосферу. Они часто используют стратегическую ложь для достижения своих целей. С помощью стратегической лжи женщина получает внимание, помощь, убеждает мужчину сделать что-либо, что она хочет. С помощью стратегической лжи для женщины становится возможным избежать болезненных чувств, конфликтов, осложнений, причинения боли кому-либо и, конечно, получить что-либо желаемое. В отличие от женщин, мужчины лгут о фактах. Они используют ложь из корысти, для мщения, для сокрытия слабости, неполноценности, для манипулирования. Альтруистическая ложь больше свойственна женщинам, чем мужчинам, хотя женская ложь с целью принести кому-либо вред – это нечто настолько сложное и порочное, что ни один мужчина не может с этим сравниться (Rich 1977: 1).

Причину этих явлений многие исследователи видят в различии между коммуникативными стилями мужчин и женщин. Сторонники термина “женский стиль” или “женский язык”, который был введен Р. Лакофф, утверждают, что женщины играют в коммуникации подчиненную роль (Freeman, McElhinny 1996). Альтернативным объяснением этого явления явилась разработанная Д. Мальтц и Р. Боркер “модель двух культур”. Они полагают, что, действуя в различном социальном окружении, мужчины и женщины решают различные социально-бытовые задачи и, соответственно, эксплуатируют и развивают те речевые жанры и навыки, которые им больше всего необходимы для решения этих задач. Таким образом, зарождается гендерная субкультура, ведущая к закреплению различных норм и стандартов речевого поведения для представителей различных полов (Maltz, Borker 1982: 115-117).

Однако, главным недостатком этих исследований было то, что, рассматривая в качестве объекта исследования белых женщин среднего класса, ученые экстраполировали результаты исследования поведения в этой группе на всех женщин (Freeman, McElhinny 1996), не учитывая того, что как

мужская, так и женская речь – явления далеко не однородные, различающиеся в зависимости от социальной ситуации, территории проживания, возраста, образования, профессии и индивидуальной психологии представителей противоположных полов (Мартынюк, Башкирева 1995: 93). Одно из решений данной проблемы было предложено в работе М. Гудвин (Goodwin 1990).

В предисловии к своей книге "He-Said-She-Said" М. Гудвин утверждает, что именно виды деятельности, а не культуры, пол, группы или индивидуумы должны быть основной единицей анализа. Существует несколько рабочих определений понятия "вид деятельности", включая и нижеследующие, данное С. Левинсоном (Levinson 1992: 69): "Понятие "вид деятельности" относится к расплывчатой категории, главные члены которой определенные целью, социально установленные, обязательные события, зависящие от участников, обстановки и т.д., но более всего зависящие от допускаемого вклада. Примерами такой парадигмы могут быть преподавание, интервью при принятии на работу, допрос, футбольный матч, обед и т.д."

Гудвин отмечает, что ученые, занимающиеся целым рядом различных дисциплин (включая антропологию, психологию, социологию и лингвистику) независимо пришли ко мнению, что именно виды деятельности должны быть основной единицей анализа, потому что "социальные и когнитивные структуры используются членами общества для того, чтобы создавать соответствующий обмен событиями в различных видах деятельности" (Goodwin 1990: 8-9). Таким образом, у индивида есть доступ ко множеству различных культур – и ко множеству различных социальных идентификаций. Гудвин утверждает: "Стереотипы о языке женщин ... рушатся, когда разговор изучается с точки зрения видов деятельности; для того, чтобы создать социальный образ индивида, подходящий к событиям какого-либо момента, этот же индивид выделяет разные гендерные отличия в разговоре, в зависимости от вида деятельности" (Goodwin 1990: 9). Главное заключается в том, что в разных контекстах различается не только разговор, но и представления о гендерной идентификации. Исследуя разные социальные структуры, созданные афро-американскими мальчиками и девочками на уровне разговорных видов деятельности (указаний, аргументов, обсуждения слухов, подстрекательства, рассказов) и на уровне игровых видов деятельности (игры в куклы (девочки), рогатки (мальчики), споры (мальчики и девочки), Гудвин обнаружила, что в некоторых видах деятельности мальчики и девочки строят системно различные социальные организации посредством использования разговора по-разному, а в некоторых – сходные структуры. Работа Эделски (Edelsky 1981), посвященная структуре выступлений во время

гендерно смешанных заседаний комитета в юго-восточном университете, подтверждает этот вывод. В интеракциях, характеризующихся монологами, контролем одного говорящего и интеракционными иерархиями, некоторые мужчины говорили в свою очередь намного дольше. В этих интеракциях именно говорящие контролировали ход беседы, в отличие от тех, кто молчал. В беседах, основанных на сотрудничестве, мужчины говорили меньше, чем в интеракциях с одним говорящим, и иногда даже меньше, чем женщины. В этих интеракциях вклад женщин в определенные типы речевых актов (шутки, споры, предложения, подтверждения, наставления) превосходил вклад мужчин.

Суммируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Динамический аспект делает возможным изучение лжи в межличностной интеракции, т.е. позволяет рассмотреть такое явление как ложь не только со стороны говорящего (или продуцента), но и со стороны слушающего (или реципиента). Привлечение в качестве материала исследования коммуникативных стратегий лжи и их реализации в женской и мужской коммуникации позволяет не только продолжить парадигму подобных исследований, но и взглянуть на проблему лжи в новом ракурсе, т.е. избежать стереотипности представлений о гендерных особенностях лжи, наблюдавшихся в более ранних исследованиях. Этому способствует обращение к понятию "вид деятельности", которое вносит изменения в саму постановку вопроса. Вместо вопроса: "какая существует разница между мужской и женской речью?" (подход, который раздувает масштабы дихотомических гендерных категорий), возникает вопрос: "в каких ситуациях женская и мужская речь различна, и каковы различия?". Таким образом, задача исследователя смещается с понимания того, как пол говорящего влияет на использование языка, на понимание того, как и когда использование языка создает гендерные различия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Т.Г. (1993). Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. - М.: Наука. Мартынюк А.П., Башкирева С.А. (1995). Функционирование сложных синтаксических структур и вопросов в речи мужчин и женщин// Вісник ХГУ. - № 384. - С. 93-96. 2. Философский энциклопедический словарь. (1983). - М.: Советская энциклопедия. 3. Barnes J.A. (1994). A Pack of Lies. - Cambridge: Cambridge University Press. 4. Bok S. (1978). Lying: moral choice in public and private life. - New York: Pantheon Books. 5. Buller D.B., Burgoon J.K. (1996). Interpersonal Deception Theory// Communication Theory. - № 6-3, August. - P. 203-241. Fishman P. (1978). What do couples talk about when they are alone// Woman's language and style. - Ohio: Arkon. - P. 64-75. 6. Frank F.W. (1978). Women's language in America: myth and reality// Women's Language and Style. - Ohio: Arkon., - P. 175-179. 7. Freeman R., McElhinny B. (1996). Language and gender// Sociolinguistics and language teaching. - Cambridge: Cambridge University Press. - P. 218-280. 8. Goodwin M.H. (1990). He-said-she-said: Talk as social organization

among black children. - Bloomington: Indiana University Press. 9. Key M.R. (1975). Male/female language. - Nuttchen, N. Jersey: Searecrow Press. 10. Levinson S. (1992). Activity types and language. //Talk at work. - Cambridge: Cambridge University Press. - P. 66-100. 11. Maltz D. Borker R. (1982). A cultural approach to male-female miscommunication// Language and Social Identity (ed. by J Gumperz). - Cambridge: Cambridge University Press. - P. 195-216.

ЕВОЛЮЦІЯ МЕХАНІЗМУ МЕТАФОРИЗАЦІЇ ТА СТАНОВЛЕННЯ ОБРАЗУ-СИМВОЛУ БАЙКИ

Л.С. Піхтовнікова, канд. філол. наук (Харків)

Байкову систему ми розглядаємо як складову із двох частин: сюжетно-ситуаційного тексту з фігурами та кінцевого узагальненого образу-символу байки. Текст байки, починаючи з назви, (якщо вона є), разом з його складовими частинами (алегоричними фігурами, увідною ситуацією, діями і протидіями, конфліктом, розв'язкою тощо) - це перший етап моделювання дійсності, який ми називаємо первинною символізацією, метафоризацією. Другий етап - це моделювання однієї частини байки (образу-символу) другою частиною (текстом), тобто повторна метафоризація. Мораль, висновок, резюме автора розглядається нами як третя, факультативна частина байки. Вона не може розглядатися як окремий етап моделювання, тому що формується, головним чином, вже після того як базова модель образу-символу зародилася і почала своє самостійне існування. Вона може лише доповнювати спектр асоціацій, які викликає образ-символ, завершити образ-символ, але суттєво змінити його не в змозі.

Метафора, яку закладено в тексті байки, моделює, породжує узагальнений образ-символ, що можна підтвердити з різних, доповнюючих одна одну точок зору.

Засновники сучасної теорії метафори Річардс /Теория метафори / і Блек /там же, 2 / вважають, що метафора є перенесення певних вибраних ознак, станів одного об'єкта на інший. При цьому часто відбувається розширення класу об'єктів, до яких ця ознака може бути прикладено. Іншими словами, образи -символи (більш ємкий клас понять) "законно" з точки зору теорії метафори утворюється з більш вузького класу образів та персонажів, які мають ту ж саму ознаку.

Але метафора не є механічне перенесення ознак. В.Телія /Телія 1998/ наводить цілу систему законів та послідовність їх проявлення в процесі

метафоризації. Надто важливо те, що проявлення цих законів описує дійсно нелінійний, з ускоренням, процес самозародження образу-символу, що повністю узгоджується з поняттями синергетики. Нелінійність процесу виражається в стисканні інформації, представленого текстом, що якраз і є передумовою моделювання.

Процес метафоризації згідно з теорією В.Телі можна умовно розчлени на наступні етапи:

- 1) допущення про подібність гетерогенних сутностей;
- 2) процес фокусування;
- 3) процес фільтрації.

Умовність розчленування викликана тим, що в дійсності всі ці етапи відбуваються не в послідовності, а одночасно. Якщо ж розглядати процес прояви образу-символу з плином часу, то він, швидше, нагадує голограму, яка виникає в етапи 1-3 із будь якого шматка смислового членування байки, але чим більше цих шматків, тим більш чіткою буде голограма.

Метафоризація може відбуватися по етапам 1-3 в синергетичному "режимі з загострюванням" і в "режимі без загострювання". Перший із них характеризується сильною нелінійністю зжаття інформації, наростання процесу передачі та сприйняття образу-символу. "Режим з загостренням" торкається перш за все інформаційної сторони процесу. Дисипація інформації (втрата, відсіювання) в процесі метафоризації відбувається постійно, але "загострення" зберігає необхідний підбір властивостей, ознак внаслідок більшої швидкості нелінійного прискорення. В результаті утворюється ємкий образ-символ. Для інформаційного режиму з загостренням характерні ітерації, біфуркації, ієрархічні метафори. Певним чином інформаційний режим з загостренням корелює з динамічною байкою, яка має, наприклад, загострення дій, конфлікт персонажів, кульмінацію та розв'язку. Інформаційний режим без загострення приводить зазвичай до утворення менш ємкого образу-символу. Тому для утворення ємкого образу-символу в такому режимі необхідні компенсуючі засоби, які варіюються в процесі еволюції. Наприклад, це можуть бути ітераційні процеси побудови образу з ускоренням.

В процесі еволюції образи-символи зазнають значних змін. Їх зміст стає глибшим, їх об'єм та абстрактність збільшуються. Такий ємкий образ-символ уже не може бути сформованим за класичними композиційно-стилістичними схемами епічно-ліричних байок 18 сторіччя. Сучасні автори та їх предтечі в утворенні нових композиційно-стилістичних структур (Гердер, 18 ст.; Скарпі 19 ст. та інші) вводять нові композиційно-стилістичні прийоми, які формують більш насичені образи-символи. По-перше, персонажі втрачають той тісний однозначний зв'язок з образом-символом, який було характерно для класичних байок. По-друге, в коло

самих персонажів тепер нерідко вводиться абстрактна діюча фігура (дух політики, мисливецька сила тощо), в наслідок чого виникає явище неспіввимірності персонажів. Якщо ж цього навіть і не відбувається, то діючі фігури все рівно тяжіють до абстрактної схематизації. Про це явище, яке бере початок ще в класичній байці, говорив свого часу Л.Виготський /Выготский 1986/. Будь-яка тварина, квітка тощо в байці - це не більш як шахматна фігура, персоніфікація якоїсь ознаки. Ця символізація починається в більшості класичних байок з самої назви, продовжуючись в сюжеті. Але в сучасних байках цей процес первинної символізації нерідко доведено до такого стану, що автор ледь дозволяє цим шахматним фігурам взаємодіяти, а то й зовсім позбавляє їх дій, і тоді сюжет майже відсутній, або схематичний. І все ж байка несе образно-естетичне смислове навантаження. По-третє, з'являються такі конструкції байок, в яких символізація образу відбувається поетапно, засобом ієрархічної побудови в одній байці декількох сюжетів, із яких кожен наступний сюжет все більш абстрактний і пов'язаний з попереднім не персонажами, а лише аналогіями та асоціаціями. По-четверте, разом з послабленням видимості, конкретності персонажів, посилюється роль головної діючої особи - читача. І тут виникає надзвичайно цікава "проблема спостерігача" та його взаємодії зі смислами символів та метафор, що раніше мало значення лише в інших малих жанрах - афоризмі, літературному анекдоті та жарті. "Проблема спостерігача" повинна бути осмислена теоретично також і при окремому вивченні процесу метафоризації в байці ("антропометричність" згідно з В.Телією).

Зміни в еволюції композиційно-стилістичної структури байки мають наявні і сховані аспекти. Наявно виражені зміни відносяться до байок з ієрархічною побудовою тексту-сюжету, з мінімальними або навіть зовсім відсутніми сюжетами. Наявно виражені зміни стилю можуть бути наглядно відображені в структурних моделях. Сховані ж аспекти врахувати набагато складніше.

Такі літературні жанри, як епіграма, афоризм, побудовано не на припустному, а на припускаємому (рос. подразумеваемом) смисловому елементі. Подібна "айзбергова система" (ТРВЗ) здається читачу (глядачу) безглуздою, або примітивною, якщо він не знає про припускаємий елемент. І, навпаки, система повна змісту для того, хто про нього знає.

Байка також є системою, збудованою на припускаємому смисловому елементі (як мінімум на мовчазно-однаковому розумінні автором та читачем тих властивостей персонажів, заради яких вони вводяться). Сучасна коротка байка побудована на цілому ряді припускаємих смислових елементів. Але ж це означає, що реально в сюжеті, в тексті вони не присутні. Як наслідок, відпадає цілий ряд композиційно-стилістичних

засобів, які в класичних байках відображали ці смислові елементи. Дуже багато інформації для аналізу дає таке схематичне відображення композиційно-стилістичної структури, коли із повної класичної структури байки 18-го сторіччя виличуються (при цьому залишається пунктирне відображення) елементи припускаємі, які з'являються в нових байках. По-перше, в такий спосіб можна наглядно показати, які елементи композиції еволюціонуючої байки являються нестійкими. По-друге, введення спостерігача, передача йому все більш активних функцій розпізнавання образу відповідає фундаментальному принципу відкритості розвиткових систем - одному із головних постулатів синергетики - науки про саморозвиткові системи.

Разом з тим, як міра "відкритості" байки збільшується, посилюється і функція додумування образно-символічного змісту читачем. Сучасні байки проявляють здебільшого тенденцію до збільшення кількості елементів, які в тексті безпосередньо не присутні, але мають на увазі, припускаються.

Щоб зрозуміти той стилістичний інструментарій, який обслуговує ці ненаявні елементи, слід детальніше зупинитися на сутності "айзбергових систем".

Текст байки може мати в собі значну надмірність інформації, тобто бути багатим на безліч описів дій, характеристик персонажів, які і так зрозумілі для читача. Надмірність може бути також і тільки прикрашаючої, естетичної природи /Моль 1978/. Закони сприйняття тексту людиною такі /Моль 1978/, що між кількістю інформації тексту і надмірністю існує деякий оптимум. В порівнянні з ним перевага надмірності над кількістю інформації робить текст важким для сприйняття в наслідок його тривіальності, нехудожності. Такими є деякі слабкі, дидактичні, розтягнуті та статичні байки. Перевага інформації над надмірністю в порівнянні з оптимумом також робить текст важким, але тут недостатня надмірність може бути "дороблена", додумана самим читачем. Такою як раз і є природа "айзбергових систем". Вдала метафора, (затоплена частина моделі /Ричардс/), загальновідомий предмет, елемент, відсутній в тексті - змінює сам характер естетичного сприйняття байки читачем.

Згідно з принципом антропоморфності /Телія 1998 / читач завжди співвідмірює (рос.: соизмеряет) з собою, масштабірує ті образи, які зустрічаються йому в метафорі. Якщо в байці міститься надмір інформації, то образи та образ-символ легко співвідмірити з собою, і естетичне сприйняття тут засновано на впізнаванні співвідмірюваного (осміяних людських пороків тощо...). Якщо в байці не вистачає надмірності (опора на припускаємі), то естетичне сприйняття базується на причетності, компетентності читача щодо неспіввідмірюваних (рос.: несоизмеримых)

явищ, процесів, задоволеності від власної проникливості. Таким чином, функції "айзбергових систем": 1) економія, стискання інформації; 2) передача активної функції впізнавання самому читачеві; 3) більший експресивно-естетичний вплив образу-символу на читача, поскільки читач сам приймає участь в його розробці, що є найкращим засобом закріпити образ.

Слід сказати, що участь в доробці художнього образу і навіть тиражування варіантів цього образу - тенденція масового мистецтва кінця 20-го сторіччя /Моль 1978/. Завдяки масовому розповсюдженню телебачення, комп'ютерних мереж, відеотехніки, друкарських засобів - митець або письменник можуть прагнути не до створення шедевру, а до винаходу якоїсь естетичної і, можливо, соціально значимої ідеї, направлення (атрактору). Потім ця ідея для глядачів/читачів відіграє роль конструктору, дозволяючого йому самому створювати, тиражувати варіанти втілення. При цьому далеко не завжди відбувається зниження ролі мистецтва. Віковий приклад афоризмів та афористичних байок підтверджують це положення.

В еволюції образу-символу прослідковується тенденція до збільшення смислового обсягу. Образи-символи з порівняно невеликим об'ємом (розкриття індивідуальних пороків, жорстокість інституту влади тощо) можна було сформулювати за допомогою конкретних алегоричних персонажів, маючих ті ж ознаки. Метафора одержувалась досить прозорою, легко впізнаваною. В міру ускладнення образу-символу, росту його смислового об'сягу, тобто поля прикладеності, стає неможливим підбирати конкретні персонажі-носії властивостей. Автори більш інтенсивно починають використовувати інші прийоми:

- введення абстрактних персонажів поряд з конкретними (дух політики, наприклад, /Pfeffel 1861: 127/);

- абстрактні назви байок; наприклад, "Терпимість", "Успіх", "Безпечність"/Liebchen 1990/;

- схематизація, символізація персонажів уже, починаючи з назви, і в самому сюжеті (наприклад, трудолюбиві бджоли - символ стабільності); звідси скорочення кількості дій в сюжеті, скорочення тексту байки;

- ієрархічність сюжету (Гердер, Скарпі, Лібхен).

Названі прийоми дозволяють збільшити обсяг образу-символу, але вони неможливі до подальшого його збільшення, абстрактності, здатності відобразити багато чого в динамічній дійсності роблять їх недостатніми. Виходило знайдено в активізації однієї із старовинних тенденцій байки, особливо віршованої байки: її тяжіння до афористичності. Тільки в давні часи афористичність байки відігравала зовсім іншу роль - афоризмом часто виражалась мораль, резюме автора; афоризм служив красномовству. Сучасна байка поряд з цією функцією демонструє і іншу функцію вкладе-

ного в неї афоризму. Замість того, щоб нарощувати обсяг образу-символу, а це стає неможливим, його, цей образ-символ, створюють пунктирним або зовсім невидимим, припускаємим, а увагу читача акцентують лише на одній характерній ознаці припускаємого образу-символу. Найкращим чином з таким завданням справляється афоризм. Афоризм завжди виходить із дуже об'ємного загальнозначного поняття (ледь позначеного) і дає характеристику (нерідко парадоксальну) лише одній ознаці цього образу /Федоренко 1990: 31/. Читач, приймаючи активну участь в запропонованому процесі, розпізнає і відновлює за однією цією ознакою весь образ, все вихідне ємке поняття. Описана тенденція афористичності сучасної байки дає підставу говорити про тяжіння байки до створення незавершених образів-символів, мов би конструкторів для активної роботи думки та почуттів читача, сприймаючого байку. Як було вже сказано, така тенденція відповідає сучасним ідеям масового мистецтва /Моль 1978/.

Наведемо приклади аналізу байок 18-го сторіччя і сучасних, які мають більш або менш виражену тенденцію до незавершеності образно-символічного смислу.

K. Pfeffel "Der Adler und die Natter"

Auf eine Natter fiel mit wildem Durst nach Blut/ Ein Adler und erhob mit ihr sich in die Lüfte./ Doch eh er sie verschlang, stach sie mit gleicher Wut/ Den Mörder in die Brust. Erstickt vom schnellen Gifte/ Stürzt er aus dem Olymp in einen Grund herab./ Es scheint, dass in der Welt der alte Lauf bestehe:/ Wer in der Tiefe raubt, der findet in der Höhe./ Wer in der Höhe raubt, in einer Gruft sein Grab.

Байка Пфєфеля "Орел і Змія". Орел держить в кігтях Змію і розбиває їй ключову голову. Але вона встигає нанести йому в груди смертельний укус. Обидва падають в ущелину. Байка закінчується афоризмом: "В світі старий хід речей: хто розбійничає внизу, той гине нагорі, хто займається розбоєм наверху, той знаходить смерть в прірві". Самим текстом байки не утворюється завершеного образу-символу. Можлива неоднозначна трактовка того, що хотів би виразити автор. Введення афоризму створює проєкцію невизначеного образу символу на одну його характерну рису, за якою читач активно розпізнає цей вербально невизначимий образ-символ.

Риторичні байкові ланцюги В. Лібхена (Rhetorische Fabelketten)

"Toleranz" (in drei Fabeln)

einerseits

der wolf verbrachte viel zeit damit/ dem esel das heulen beizubringen/ in der hoffnung/ dass er mit ihm/ gemeinsam den mond besingen/ und gedanken austauschen könne// nach wochen der mühe/ verlangte er vom esel/ die probe/ der nahm die eingeübte pose ein/ öffnete das maul und/ plärrte sein i und sein a wie eh und je// dabei hatte doch der wolf dem esel/ so gute beispiele geboten//

andererseits

der esel meinte/ man könne sich auch/ mit ia verständigen/ und den mond besingen/ der wolf müsse nur einmal/ von sich absehen und tüchtig üben// nach zeiten der anstrengung/ versuchte es der wolf/ stand wie ein esel/ auf allen vieren/ öffnete die schnauze/ und jaulte wie gewöhnlich// dabei hatte doch der esel dem wolf/so gute beispiele geboten//

abweichung

als wolf und esel erkannten/dass sie es nicht vermochten/ ihre eigenart zu ändern/ ohne ihren charakter zu verlieren/ waren sie froh über das scheitern/ ihrer proben// und verstanden sich besser als zuvor/ denn sie bedachten die unterschiede

Байкові ланцюги Лібхена уявляють собою короткі нанизані одне на одне сюжети, які утворюють ієрархічну метафору. При цьому образ-символ неможливо сформулювати без назв байкових ланцюгів, даних автором. Тут спостерігається зміна функцій назви байки. Вона тепер не тільки задає тему, але й служить розгадкою незавершеного образу-символу.

В байці "Терпимість" описані безуспішні спроби Вовка та Віслюка змінити свою природу, переробити одне одного на свій лад, щоб Віслюк міг по-вовчому вити (оспілювати місяць), а Вовк по-віслючому кричати. Коли вони зрозуміли, що неможливо змінити свою природу, не згубивши характеру, вони навіть зраділи безуспішності своїх спроб, і з тих пір зрозуміли одне одного краще, ніж будь-коли, тому що враховували свою неоднаковість. Не зважаючи на те, що в 3-й частині байки "Відхилення" фактично поміщено висновок байки, образ-символ ще не визначається напевно. Його можна зрозуміти і як образ примирення, і взаємопорозуміння, і смирення, тобто читач в міру своїх уявлень може його домалювати й завершити сам, або може залишитися на цій чи іншій гамі близьких відтінків. Але коли в фокус роздумів над головним символічним змістом попадає назва байки "Терпимість" (а на початку байки назва, як правило, не затримує уваги) образ-символ набуває саме цієї спрямованості та завершеності; абстрактна назва спроектувала увагу саме на цю рису людських відносин. Цього не спроможна зробити назва з номінацією конкретних персонажів, наприклад, "Вовк та Віслюк", бо вона може викликати лише асоціацію щодо характерів персонажів, а не змісту образу-символу, який вони утворюють своїми взаємодіями.

Таким чином, на протязі 18-20 ст. спостерігається наступна еволюція образу-символу байки. Образ-символ набирає все більшого смислового обсягу, стає все більш абстрактним, менш наглядним. Соціальне замовлення 20-го сторіччя потребує подальшого збільшення обсягу образу-символу, що стає неможливим здійснювати традиційними композиційно-стилістичними засобами байки. З'являється такий тип образу-символу,

який ми назвали незавершеним. Ознакою його є настільки великий смислової обсяг, що його вже майже неможливо виразити вербально. Його дано читачу на відчуття, але він не може бути вираженим короткою формулюванням. Для фокусування на незавершеному образі-символі в байці використовується афоризм, відіграючи зовсім іншу роль в порівнянні з афористичними висловлюваннями байок 18 сторіччя. Там афоризм використовувався для вираження авторської моралі, резюме, для красномовства. В сучасній байці ці функції афоризму також присутні, але в знятому вигляді. Головною ж функцією є проскія за допомогою афоризму усіх смислових компонентів незавершеного образу-символу на якусь його одну характерну рису. Таку ж функцію починає виконувати в 20 -му сторіччі і назва байки, яка те ж стає абстрактною.

ЛІТЕРАТУРА

1. Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука. М.:Советское радио, 1972. 211с.;
2. Теория метафоры. М.:Прогресс.1990. 510с ;3. Выготский Л.С. Психология искусства. - М.: Искусство,1986. - 572 с.; 4.Моль А. Социодинамика культуры. М.:Прогресс. 1978. 405с; 5. Моль А., Фукс В., Касслер М. Искусство и ЭВМ. М.:Мир. 1975.556с; 6. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1998. - 176 с. 7. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. - М.: Наука, 1990. - 416 с. ; 8. Liebchen W. Die Fabel: das Vergnügen der Erkenntnis; Fabel, Gleichnis, Parabel, Witz; mit einer Abhandlung über die Formkriterien dieser Gattung. Kilianshof: Fabel-Verl.Liebchen, 1990; 9. Pfeffel G.C. Fabeln und Erzählungen /hrsg. v.H.Hauff. - Stuttgart und Tübingen: Verlag der J.G.Gotta'schen Buchhandlung, 1861. - 1 Bd. - 308 S.;11. Wilke Chr.H. Fabel:als Instrument der Aufklärung. Leistungsfähigkeit eines literarischen Typus // BASIS 2, 1971.- S.71-102.

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕНТАЛИТЕТА

Рашевская А.Н. (Харьков)

В последнее время особую популярность приобрело слово "менталитет". О формировании нового национального менталитета мы слышим и читаем каждый день. Однако, несмотря на такую популярность, в трактовке этого понятия нет однозначности.

В энциклопедическом словаре мы находим следующее определение менталитета – "это качества ума, характеризующего отдельного индивида или класс индивидов, обобщение всех характеристик, отличающих ум".

В данном случае менталитет рассматривается как совокупность воззрений, представлений, "чувствований" общности людей определенной эпохи, географической общности или социальной среды, как особый психологический уклад общества, влияющий на исторические и социальные процессы. При таком понимании менталитет практически приравнивается к категории массового сознания.

С другой стороны, понятие менталитета можно связать со спецификой отражения внешнего мира, которая, в свою очередь, обуславливает специфику способов реагирования на воздействие объективной действительности со стороны той или иной общности людей. В этом случае менталитет характеризует сознания других групп людей социума, этноса, нации, социального слоя и т.д. (Пищальникова, 1996:125) При этом акцентируется, что осознаваемые элементы менталитета тесно связаны с областью бессознательного или даже базируются на них. Очевидно, что в этом случае понятие менталитета практически совпадает с понятием национального характера; это некая характерная для конкретной культуры (субкультуры) специфика психической организации жизни представляющих данную культуру (субкультуру) людей, детерминированная экономическими и политическими условиями жизни в историческом аспекте.

Такая позиция позволяет сделать вывод, что содержание менталитета заключается в когнитивной сфере и определяется, прежде всего, знаниями, которыми владеет общность. Язык как универсальное средство хранения, формирования и представления знаний различного уровня, выступает объектом анализа при изучении менталитета.

В современном информационном обществе главенствующую роль в формировании менталитета играет поток информации, в который люди погружаются каждый день. На пороге двадцать первого века Средства Массовой Информации окончательно укрепили свои позиции "четвертой власти" и приобретают возрастающее влияние на национальную культуру и менталитет. Необходимо рассмотреть механизмы этого влияния.

Средства массовой информации и массовая культура влияют на воззрения и формирование системы ценностей общества, на выбор носителей добра и носителей зла, на национальную политику и даже на направления развития технологий. Особое влияние на изменения в национальной культуре и формирование менталитета оказывает непрерывность и стремительность потока информации из средства массовой информации. Специалисты выделяют три основных направления такого влияния.

Во-первых, поток информации не только вносит социальные изменения, но и способствует их распространению.

Во-вторых, информация самым прямым образом влияет на восприятие реальности обществом, так как является призмой, через которую об-

щество ощущает эту реальность. Ведь именно информация указывает на то, в чем общество заинтересовано в данный момент и какие области интересов являются приоритетными. Именно средства массовой информации указывают на те социальные проблемы, которые требуют немедленного решения.

В конце концов, именно средства массовой информации являются движущей силой популярной культуры. (DeFleur, Dennis, 1988:483; перевод мой – А.Р.)

Очевидно, что средства массовой информации играют не последнюю роль в формировании системы ценностей. Ограничивая круг освещаемых событий, они концентрируют внимание общества на каких-то определенных, субъективно отобранных событиях, и, таким образом, отвлекая внимание публики от других, на их взгляд, менее важных событий, которые не освещаются. Демонстрируя какую-то реалию “в лучшем свете” они, тем самым, настраивают общество положительно по отношению к ней.

Однако, следует отметить, что информация не влияет непосредственно на мысли и действия индивидуумов. Влияние информации на индивидуумов зависит от многих факторов, включая индивидуальные психологические особенности, принадлежность к той или иной социальной группе, систему отношений в обществе, которая служит альтернативным каналом коммуникации. Все вышеперечисленные факторы определяют форму и объем контакта между индивидуумом и информацией, а также варианты интерпретации им этой информации. Таким образом, выявляется, что роль информации в создании картины мира того или иного общества важна и сложна.

Менталитет формируется на принципах историчности, автономии и аутентичности, распространяемых новыми социальными изменениями. Таким образом, менталитет должен иметь связь с прошлым, и рамки этой связи определяются каждой отдельно взятой национальной культурой. Именно язык является необходимой базой для обеспечения прочности этой связи, соединяя славное прошлое с современным взглядом на жизнь. (Chick, 1992:30)

Национальное единство зависит от многих социальных факторов, язык же напрямую связан с этими факторами. Ведь не стоит забывать, что “вначале было Слово” как говорит Библия. утверждают, что это особенно верно для нашей культуры, так как слово “творит” наш менталитет, реальность вокруг нас. Это утверждение особо актуально в современном информационном обществе. За последние годы наш национальный словарь стремительно изменялся, средства массовой информации сыграли в этом процессе направляющую и вдохновляющую роль.

Именно распространение информации является первым и решающим шагом в социальных изменениях. Общества с традиционной структурой, имеющие ограниченный объем коммуникации обычно изменяются крайне медленно. Во многих странах было отмечено, что с демократизацией средства массовой информации наблюдается огромное количество социальных изменений в обществе. Обычно такие изменения происходят после популяризации массовой культуры других социумов, особенно с нетрадиционной структурой средств массовой информации. Проанализируем некоторые процессы, произошедшие в нашем лексиконе, и их влияние на социальные изменения.

Во-первых, вместе с так неожиданно нагрянувшей на нас свободой слова, в литературный и даже официальный язык – телевидение, радио, печатные средства массовой информации – вошло множество жаргонных слов, иногда заимствованных из самых низких слоев лексикона. Хотя в нашем языке, как и в языке любого другого традиционного общества, существует очень четкое разграничение стилистических пластов, и нарушение этой четкости неизбежно вызывает сдвиги в общественном сознании. Такой сдвиг Медведева и Шишова обозначают немецким термином *verruckt* “феррукт”. (Медведева, Шишова, 1997:109) Это бытовое слово, обозначающее смещение предметов и понятий.

Дело в том, что такие процессы в национальном словаре смещают смысловые поля в менталитете и национальном сознании. Например, когда дикторы – традиционные образцы для подражания – пользуются языком, не характерным для журналиста (традиционно высококультурного человека), а, в то же время, выглядят они все так же rispetабельно, происходит смещение смысловых полей. Учитывая, что человеческая психика быстро адаптируется к таким смещениям, это влечет за собой серьезные изменения в национальной системе ценностей.

Язык является устойчивым символом определенного этнокультурного единства, однако, как говорит Дональд Лармут, это не означает, что лингвистическая гетерогенность обязательно разрушает единую систему менталитета. (Larmonth, 1996:37; перевод мой – А.Р.) В то же время, усиленная современным развитием средств массовой информации, лингвистическая гетерогенность, на наш взгляд, наносит значительный вред менталитету, национальной системе ценностей и культуре как таковой.

Так, например, с кем в нынешнее время сравнивают себя дети, желая доказать свое превосходство? – С Терминатором, Бэтменом, Робокотом и тому подобными. А ведь представители Добра и Зла в этом ряду ничем принципиально не различаются, просто одних “назначили” добрыми, а других – злыми. В одной серии они могут быть “хорошими”, а уже в следующей “плохими”. Однако для нашей культуры это не типично, ведь

никто не представляет себе доброго Кощея Бессмертного, Змея Горыныча или Бабу Ягу. Таким образом в нашу жизнь стремительно входит чужая эстетика, чужая культура. Нельзя сказать, что ее раньше не было, однако до недавнего момента это был “скромный Гость” в нашем доме, теперь же этот гость начинает угрожать нашей “национальной психике”. Вернемся к нашему примеру, у перечисленных западных злодеев нет ничего очеловечивающего, нет объяснения их злости. Они злодеи по определению – абсолютное зло. Такой образ абсолютного злодея не нов для западной культуры. С древних времен символом такого абсолютного зла был Черт, сейчас же этот образ модифицировался и предстает перед нами в новом облики.

Совершенно очевидно, что обычный человек не может победить в извечном споре Света и Тьмы. Отсюда появляются сверхгерои, у них тоже нет ни предистории, ни характера. Разница же наших культур в том, что для православной культуры не принято вступать в прямой контакт с дьяволом, а вот в западной культуре и классической литературе образ Князя Тьмы вырисовывается очень точно (Данте, Гете, Милтон и другие)

Медведева и Шишова так же приводят интересные результаты исследования страхов детей. Оказывается, образ черта присутствует там крайне редко, то есть этот образ вытеснен в нашей культуре в категорию бессознательного. (Медведева, Шишова, 1997:110) Ведь говорят же “напился до чертиков”, то есть до самого дна души, до бессознательного состояния.

Таким образом, осуществляется некая “перестановка” в нашем сознании — “феррукт”. Однако, если во время вашего отсутствия у вас в квартире поменять мебель, передвинуть что-то, разве вы не заметите это? Сейчас многие граждане нашей страны стали замечать, что в национальной культуре и менталитете происходят какие-то движения. Многие из изменений, радостно принятых сперва, отвергаются при более близком рассмотрении.

Это легко пронаблюдать на изменении значения слова “крутой”. Сначала, по аналогии с английским словом “cool”, значение слова “крутой” было положительным. Важную роль в этом сыграли средства массовой информации, показывающие “крутых” парней, совершающих подвиги и побеждающих зло на экранах наших телевизоров. Однако, довольно быстро в массовом сознании понятие “крутой” поменялось на знак “минус”. В чем же проблема криминализации этого понятия, ведь те бравые ребята в телевизоре не стали плодить зло, они все так же продолжают бороться с ним? Оказывается, здесь просматриваются лингвистические предпосылки. В словаре Даля мы, конечно, не найдем современного значения слова “крутой”. Но подавляющее большинство разнообразных значений с этим корнем имеет негативный оттенок. Вот только некоторые из них: “окрутить” – женить (с оттенком насилия); “крутой нрав” – упорный, на-

стойчивый, неуступчивый; “крутой мороз” – жестокий, сильный; “Круто взял – не туда попал” и тому подобное.

Таким образом, язык является важным инструментом для демонстрации контрастов между одной этнокультурной группой и другой, тем самым, подчеркивая автономность каждой национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медведева И., Шишова Т. (1997). Страхи взрослые и детские // Октябрь. Москва. - №9. - с.101 – 115.
2. Пищальникова В.А. (1995). Национальная специфика картины мира и ее репрезентация в языке // 3. Chick J.K. (1992) Intercultural communication // Language in society – New York. – Vol. 14. – No. 3. – P. 29 - 45
4. DeFleur M., Dennis E. (1988). Understanding Mass Communication. – Boston: Houghton Mifflin Company.
5. Larmouth D.W. (1996) Does Linguistic Heterogeneity erode national unity? // Ethnicity and Language. – University of Wisconsin-Green Bay. – P.37 – 55.

АФФЕКТИВНЫЙ ФИЛЬТР В СТРУКТУРЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СХЕМЫ НАУЧЕНИЯ

Н.В.Рябых (Харьков)

В процессе любого научения, человек, активно взаимодействуя с окружающей средой, получает информацию из последней через свои органы чувств. Затем такая информация поступает в мозг, где она анализируется и может передаваться для дальнейшей обработки в процессор, который иногда называют когнитивным организатором (КО). Таким образом, этот отрезок научения, в самом общем виде, можно представить в виде последовательности “восприятие - анализ - переработка”. Однако, такая схема лишь упрощенно показывает поступление и переработку информации, т.к. в анализируемом процессе может происходить потеря последней. В частности, информация может блокироваться элементом, осуществляющим ее селекцию. Такой элемент называется фильтром, который обычно рассматривается как наделенное входом и выходом устройство, где часть информации, поступающей на вход, никак не проявляется на выходе (Найссер 1981).

В психологии понятие фильтра используется в рамках исследования внимания и памяти. В частности, считается, что по принципу фильтра действует произвольное внимание, которое пропускает только часть, поступающей из внешней среды информации, блокируя остальную.

Существующие теории фильтра можно условно разделить на две группы. В первой из них человек трактуется как пассивный канал связи, а во второй — как активный субъект, взаимодействующий с окружающей сре-

дой. С точки зрения первого подхода, фильтр осуществляет селекцию релевантной сенсорной информации по принципу "все или ничего".

В рамках этой концепции считается, что внимание, подобно электро-механическому фильтру, осуществляет отбор информации и предохраняет от перегрузки канал ее передачи в связи с ограниченной пропускной способностью последнего. Процесс блокирования, согласно этому подходу, осуществляется на основе анализа физических характеристик поступающей по всем каналам информации (высоты звука, тембра голоса и др.). На основе такого анализа для приема информации может быть затем выделен определенный канал. Таким образом, согласно теории Д. Бродбента (Broadbent 1958), действие фильтра основано на анализе физических характеристик поступающей информации. Такой подход представляется излишне упрощенным, т.к. трактует индивида как пассивный субъект по отношению к деятельности (одним из видов которой может считаться научение). Конечно, нельзя отрицать, что анализ информации по физическим характеристикам имеет место, однако эффективный отбор релевантной информации вряд ли возможен только на основе такого анализа.

Некоторые исследования (Deutsch, Deutsch 1963, Treisman 1960) показали, что переключение с одного канала на другой и обратно может осуществляться в зависимости от смысла, а не его акустических характеристик. Это поставило под серьезное сомнение адекватность модели Д. Бродбента. Основанием для этого послужили данные, полученные в экспериментах по дихотическому аудированию. Как известно, в подобных экспериментах испытуемому предлагают разные звуковые стимулы по двум слуховым каналам одновременно (отдельно на правое и левое ухо). Результаты таких исследований показали, что испытуемые могут избирательно следить только за одним сообщением, при одновременном восприятии двух. Они способны отключаться от второго сообщения, направляя свое внимание на то, за которым они следят. С другой стороны, экспериментально доказано (Клацки 1978), что, хотя испытуемые и отключаются от второго канала, они способны сохранять периферийный контроль за ним. Например, в упоминавшемся выше эксперименте, испытуемые могли ответить, действует второй канал или нет. Они также замечали изменение голоса диктора, передающего сообщение по второму каналу (например, замену мужского голоса женским), однако не понимали содержание второго сообщения, затруднялись определить на каком языке шло сообщение, и изменялся ли язык в процессе эксперимента. Практически можно говорить о том, что при одновременном восприятии двух различных сообщений по разным слуховым каналам, человек в состоянии понимать содержание поступающей информации только в одном из таких каналов, т.е. только в таком канале осуществляется смысловой контроль. Что же

касается другого канала, то одновременный его контроль возможен только по физическим (а не смысловым) характеристикам сообщения.

Полученные данные заставили значительно изменить содержание понятия фильтра в понимании Д. Бродбента. В новой интерпретации фильтр представляется как аттенуатор — механизм, который уменьшает количество иррелевантной информации, но не блокирует ее полностью. С точки зрения нового подхода, все поступающие извне сигналы подвергаются ряду предварительных испытаний. Сначала анализируются общие физические признаки входных сигналов, а затем эти сигналы подвергаются более точному анализу — с точки зрения их содержания. Экспериментально установлено, что именно содержание информации определяет, поступит ли она в процессор для дальнейшей обработки.

По результатам таких исследований (Линдслей, Норман 1974) была предпринята попытка построить модель функционирования механизма избирательного внимания (фильтра), которая представлена в виде схемы ниже.

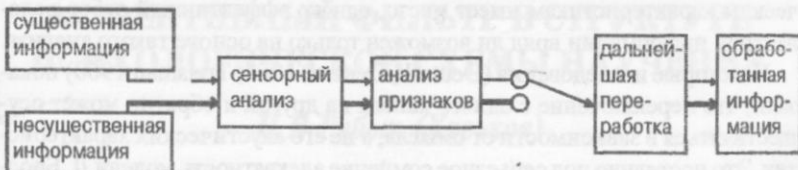

Рис. 1 Схема переработки информации у человека в интерпретации П. Линдслея и Д. Норман

Согласно этой схеме, вся информация (существенная и несущественная) воспринимается органами чувств и передается в мозг для анализа, с точки зрения ее существенности. Затем несущественная информация полностью блокируется фильтром, а существенная пропускается для дальнейшей обработки. Принцип определения степени существенности информации рассматривается в дальнейшем изложении.

Данная схема показывает принцип блокирования несущественной информации, однако противоречит результатам экспериментов, обсуждавшихся выше (Жлацки 1978), т.е. не может объяснить, каким образом сознание способно сохранять периферийный контроль за поступлением несущественной информации, если последняя была блокирована и не поступила в процессор. Данная схема также не учитывает экспериментальные данные, полученные в рамках концепции аттенуатора, согласно которой, как уже указывалось выше, входные сигналы, после анализа физических характеристик, подвергаются более точному анализу — с точки зрения их содержания. Учет концепции аттенуатора представляется важным, т.к. это позволяет построить модель, гораздо лучше объясняющую

наблюдаемые факты, чем схема, рассматривавшаяся выше. При определении степени существенности информации содержательный анализ сигналов намного важнее, чем физический (хотя последний несомненно присутствует), о чем свидетельствуют результаты экспериментов по дихотическому аудированию, рассматривавшиеся выше. Можно также предположить, что механизм переключения с одного канала на другой действует не по принципу крана, полностью перекрывающего один из них, а скорее по принципу фильтра, который уменьшает объем поступающей в канал информации, но не блокирует ее полностью.

Учитывая изложенное выше, процесс поступления и переработки информации сознанием человека при научении можно попытаться представить следующим образом.

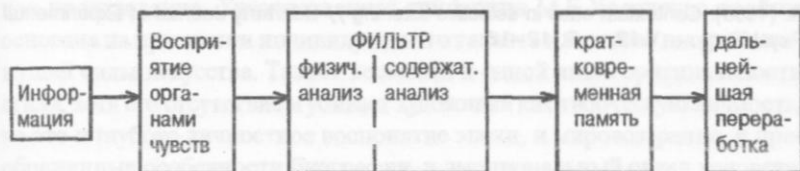

Рис. 2 Гипотетическая схема переработки информации у человека (в интерпретации автора настоящей работы)

Согласно этой схеме, информация (существенная и несущественная) воспринимается органами чувств, на основе чего происходит сенсорный анализ. Затем вся информация поступает в фильтр, где осуществляется анализ информации сначала по физическим характеристикам, а потом более точный — содержательный. Важно отметить, что анализ физических характеристик сообщения также может контролироваться сознанием. Об этом свидетельствуют экспериментальные данные, где испытуемые запоминали периферийную информацию, имеющую для них какой-либо смысл (членораздельная речь). Таким образом, фильтр пропускает существенную информацию, а также какую-то часть несущественной информации. Логично предположить, что несущественная информация поступает лишь в кратковременную память (КП), а существенная информация передается для дальнейшей переработки и закрепления в долговременной памяти (ДП). Как известно, КП является видом памяти, ограниченным определенными временными рамками. КП является обязательным этапом для других видов памяти и обычно определяется как более или менее непосредственное запечатление и кратковременное сохранение однократно и сиюминутно отраженного (Платонов 1984). Долговременная память (ДП) — основной вид памяти, обеспечивающий длительное сохранение обычно повторно запечатленного кратковременной памятью после более или менее сложной переработки (Платонов 1984).

Представляется, что при усвоении ИЯ научение происходит по схеме, описанной выше, т.е. объем и характер информации, поступающей в процессор, зависит от положения фильтра (открытого или закрытого). Для эффективного научения важно обеспечить благоприятное положение фильтра, что является предметом других исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Клацки Р. (1978). Память человека, структуры и процессы. — М.: Мир. 2.Линдслей П., Норман Д. (1974). Переработка информации у человека // Введение в психологию. — М.: Мир. 3.Найссер У. (1981). Познание и реальность. — М.: Прогресс. 4.Платонов К.К. (1984). Краткий (психологический) словарь системы психологических понятий. М.: Высш. шк. 5.Broadbent D.E. (1958). Perception and communication. New York, Pergamon Press. 6.Deutsch J.A., Deutsch D. (1963). Attention: Some theoretical considerations // Psychology Review. — V. 70. — P. 11—16. 7.Treisman A. (1960). Contextual cues in selective listening // Quarterly Journal of Experimental Psychology. — V.12. — P. 12—18.

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И ТЕОРИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЛОВА В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Смущинская И.В., канд. филол. наук (Киев)

Проблема понимания человека и его сущности приобретает в последние годы все большую актуальность. Она вызывала живой интерес еще в эпоху Платона и Аристотеля, остается насущной и в наши дни. XX столетие внесло новые подходы к осмыслению действительности, сущности человека, его миропонимания и мироотношения, а также человеческих ценностей. Суть человеческой истории и прогресса, как духовного, так и научно-технического, всегда обуславливалась человеческими взаимоотношениями, которые, в первую очередь, интересуют и искусство. Человека можно изучать как часть природы /что и делают естественные науки/, а также как члена определенного общества с его культурой и языком: это предмет изучения философии, социологии, антропологии, культурологии, а также лингвистики, ведь язык — это социальное явление и основное средство общения людей, выражения их мыслей, чувств и эмоций. Объектом гуманитарных наук становится человек и его внутренний мир. Новую перспективу видения человека и его творчества открывают психоанализ

3. Фрейда, феноменологія Е. Гуссерля, позитивизм І. Тэна, інтуїтивізм А. Бергсона і т.д. Так, наприклад, ідея І. Тэна про "основной характер", т.е. переважаючий в конкретному суспільстві тип людини, який і ототожнюється в мистецтві, оказала велике вплив на розвиток натуралізму в Франції і конкретно на творчість таких класиків літератури як Г. де Мопассан, Е. Золя, братів Гонкурів.

Література грає особливу роль в розвитку розуміння людиною оточуючої дійсності і самого себе. Західноєвропейська культура, мистецтво і література ХІХ-ХХ століть – явище дуже складне і суперечливе. Однак, на перший план проблема художественного творчості виставляє особистість творця, його художественний талант, специфіку творчого процесу, які породжують конкретне літературне вироблення. Художественна концепція М.Б.Храпченко взагалі ґрунтується на визнанні індивідуального таланта як головної рушійної сили мистецтва. Талант невіддільний від однієї лише оригінальності стилю, хоча його відсутність і знищує художника як творчу особистість, але це і глибоке особисте сприйняття епохи, і світогляд, і пережиті особливості біографії, і емоційний склад людини; з органічної сукупності всіх цих елементів і складається самобутній образ художника /см.: Література. Мова. Культура 1986: 21/. В своїй теорії М.Б.Храпченко виділяє в стилі форму /куди відноситься поетичний мова, сюжет, архітектуру, ритм/ і змістову сторону стилістичної організації художественного вироблення /особливості розкриття ідей, теми, опису дійових осіб, інтонаційні початки/ см.: Храпченко 1970: 115/. Всі компоненти художественної структури взаємодіють і організовані за принципом ієрархії. К домінуючим властивостям стилю М.Б.Храпченко відноситься "інтонація" /багато літературознавців також підкреслювали її особливу роль в художественному виробленні, називаючи це явище різними термінами: це і "манера", і "звук", і "тональність", і навіть "походка" в термінології В.Б.Шкловського/. Дуже часто тон задається першою фразою художественного вироблення, яка в багатьох випадках є ключовою для емоційного сприйняття художественного тексту в цілому. Саме пошуками єдиного правильного тону вироблення і пояснюються зазвичай "муки першої фрази".

Проблема мовної особистості затрагує широкий спектр питань: це і відношення мовної особистості і культури, і типи мовної особистості і їх структура /в плані художественної літератури нас, безсумнівно, цікавить особистість письменника/, і, звичайно, проблема індивідуального в мові /веди існує підхід до стилю як до фактору виразності, т.е. як до відмови від будь-яких неіндивідуальних значень/ см.: Дюбуа і др.

1986: 83//. На сегодняшний день недостаточным есть рассмотрение языка как самодовлеющей системы формальных средств, необходима новая теория языка, охватывающая связанные с этой системой когнитивные, познавательные, коммуникативно-деятельностные стороны его бытия и функционирования вместе с его носителем /см.: Караулов 1989: 5/. Как дальше отмечает Ю.Н.Караулов, в рамках теории языковой личности новый подход формулируется так: “За каждым текстом стоит языковая личность”. Он же определяет и структуру языковой личности, которая состоит из трех уровней: 1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, систематизированную “картину мира”, отражающую иерархию ценностей; 3) прагматического, заключающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности /Караулов, там же/.

Важнейшим элементом идейно-эмоциональной субструктуры художественного произведения является мировоззрение /вне мировоззрения нет творчества/, которое определяется системой взглядов художника на действительность, его эстетическим кредо /см.: Спиркин 1983: 375/.

Структурные особенности художественного текста всегда обуславливаются его содержательными особенностями, т.к. структура есть средство выражения определенного содержания, поэтому под идейно-эмоциональной субструктурой всегда выделяется система “пластического” изображения действительности, в которой также различают макроструктуру /систему тематических полей, определяющих специфику содержания произведения/ и микроструктуру /с языковую оболочку/: контекст порождает надфразовую систему образов, из контекста которых возникает контекст идей. Чтобы читатель получил представление об определенной жизненной среде, писатель свои идеи и представления дает через “характеры”, созданные этой средой, по которым и судят о тех закономерностях жизни, которые сформировали его именно таким. Ю.Н.Караулов отмечает существование “идеологем”, которые есть “семанτικο-тематическое обозначение духовных ценностей действующих лиц, и главные коллизии разворачиваются в связи со столкновением разных пониманий героями этих ценностей и их взаимоотношений” /Караулов 1986: 234/. Здесь необходимо, видимо, обращение к категории “антропоцентричности”, которая, согласно многочисленным работам по интерпретации текста, является принципиально важной содержательной особенностью художественного текста /см., напр.: Домашнев и др. 1989: 22-23/. Это означает, что познание и отражение мира в произведении направлено на познание человека, а все изображаемые художественные события есть средство его

всестороннего показа, что все элементы как глубинной смысловой структуры текста, так и его первичного, языкового уровня служат раскрытию тем человеческого бытия. Одним из проявлений антропоцентричности человеческого сознания и знания выступает "антропометричность", т.е. осознание человеком себя как "меры всех вещей". Антропометрический взгляд человека на мир – это "соизмерение окружающей действительности с эталонами и стереотипами, выработанными в "личностном тезаурусе" носителя данной национально-языковой культуры" /Телия 1988: 32/. Введение параметра "антропометричности" обязывает рассматривать литературный процесс как деятельность определенной "языковой личности", соизмеряющей себя и мир в диапазоне индивидуальной картины мира, личностного тезауруса. По Ю.Н.Караулову, под "личностным тезаурусом" понимается способность говорящего на данном языке создавать тексты на основе индивидуальных знаний о мире, зафиксированных в значениях слов и их ассоциативных комплексах, в соответствии с национально-психическим складом ума и личной заинтересованностью в интерпретации обозначаемых /или воспринимаемых/ фактов /Караулов 1985: 12-18/. Язык, существующий в гранях эпох, имеет особые закономерности, обуславливаемые отношениями между языком и тематической композицией произведения /см.: Винокур 1991: 159; Поляков 1978: 31/. "Язык – это всегда текст, насыщенный смыслами и интенциями, принадлежащими определенному времени, человеку, обществу" /Бахтин 1986: 113/.

Универсальный закон искусства заключается в "приращении смысла", создании принципиально новой эстетической значимости, которая отсутствует в самом слове, при этом под "приращением смысла" понимается такое явление, "когда общий смысл совокупности знаков, возникающий при их объединении, больше, чем простая сумма смыслов, входящих в эту совокупность знаков" /Караулов 1976: 84/ /кстати, у А.А.Потебни: "...Если агенты художественного произведения, существующие до него самого, обозначим через два и два, то оно само не будет равняться четырем" /Потебня 1993: 129//. Р.Барт предлагает разделять "*sens lexicographique*" и "*sens symbolique*" (Barthes 1966: 18). В Средневековье существовала "теория четырех смыслов" где отдельно выделялись смыслы "*litteral*", "*allegorique*", "*moral*" и "*anagogique*" /см.: Barthes 1966: 51/. К числу факторов, преобразующих первичный материал, в первую очередь, следует отнести индивидуальность писателя, стилистические условности жанра и литературного направления, в котором работает писатель, общий стиль литературы данной эпохи, выдвигающей свои моральные и политические требования. Исследование подобных процессов проводится, как правило, с позиций семантики высказывания, с опорой на предварительное изучение системных семантических отношений словарных

единиц. Герменевтический подход к художественному произведению, согласно с Гадамером, тоже начинается с осознания того, что язык неизбежно отсылает за пределы себя самого, указывая на границы языковой формы выражения /Гадамер 1991: 65/.

Пражская лингвистическая школа, в частности Л. Долежел, широко разрабатывали проблемы “актуализации” и “выдвижения” лексических единиц. Было установлено, что данные процессы невозможны без автоматизированных, традиционных элементов, создающих фон для подобного рода выдвижения. Преобладание нейтральных языковых средств – основа любой, не стилизованной специально, литературной речи, при этом нейтральным считается все, что не ощущается как специально употребленное. Важное значение в этом плане имеет понятие “нормы”, существование которой обусловлено возможностью выбора из ряда эквивалентных единиц. Стремясь к наибольшей выразительности, писатель обычно опускает в стилистическом ряду его нейтрально-литературный эквивалент. Одной из трактовок нормы является “внутренняя норма” художественного произведения, предложенная Б.А. Лариным, которая рассматривается как некоторый нейтральный фон, на котором выделяется стилистическая окраска какого-либо языкового явления /Ларин 1974/.

Каждый стиль характеризуется некоторыми дифференциальными признаками, отклонениями, отличиями от других, сопоставимых с ним. Максимум эти признаки достигают в индивидуальном стиле, который есть “мера отклонения от нейтральной нормы”. Однако прямое понимание стиля как отклонения от нормы в концепции стилистики отклонения не совсем верно, такой подход отрицает понимание авторского стиля как художественного единства и предполагает его распад на отдельные куски, превращение его в набор “лингвистических аномалий” /Ж. Коэн/.

Итак, основным инвариантным признаком стиля является принцип отбора и комбинации наличных языковых средств и их трансформаций. Каким же образом проходят семантические преобразования слов в художественном тексте? В.А. Кухаренко считает, что этот процесс двухэтапен: первый этап – слово теряет полноту своего словарного семантического объема, второй этап – наращивание нового, релевантного только для данного контекста /Кухаренко 1988: 47/. Контекстуальные смыслы в силу своей вариативности и изменчивости в словаре не фиксируются и в семантическую структуру слова не входят, новизна контекстуального значения действует только в пределах определенного контекста. Не следует, видимо, вслед за А.А. Потебней рассматривать обязательным условием семантического развития слова забвение его внутренней формы /см.: Потебня 1993 111/, в художественной речи довольно часто встречаются случаи ее воскрешения. Как правило, семантическое развитие слова идет в двух

направлениях: как метафорический перенос, когда происходит смена денотатов, и как обогащение понятия, когда углубляется содержание сигнификатов. Особо важное значение для писателя приобретает общее для языка свойство многозначности слова, игра оттенков, возникающих при главном признаке. Не изменяя слова, а лишь совмещая их необычным образом, писатель может придать им особый индивидуальный смысл. Индивидуальный стиль создается не столько введением новых элементов, сколько более или менее оригинальной комбинацией и варьированием уже известных /см.: Долинин 1987: 13/. Поэтому расширение объема значения слова и его дистрибутивных свойств также является характерным для развития семантической структуры слова. Большой силой художественного воздействия обладает взаимосвязь прямого и переносного значения слова в одном контексте. Игра прямого и переносного значений является важным средством, порождающим особую семантику и художественный эффект. Силой воздействия обладает и прием противоречия чисто интеллектуальной информации высказывания с его имплицитным фоном, т.е. нейтрально-информативной функции со стилистической, включенной в реализацию эстетической функции произведения.

Таким образом, понимание стиля неразрывно связано с системностью художественного целого и приращением смысла в результате организации словесного материала по определенному принципу, который обязательно имеет внутреннюю перспективу и обусловлен наличием субъективного и объективного начал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литература. Язык. Культура. М.: Наука, 1986.
2. Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М.: Худ. л-ра, 1970.
3. Дюбуа Н. и др. Общая риторика. М.: Прогресс, 1986.
4. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения. М.: Наука, 1989. - С.3-8.
5. Иезуитов А.Н. Структура творческого метода и мировоззрение писателя. // Л-ра. Язык. Культура. М.: Наука, 1986. - С.144-152.
6. Поляков М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. М.: Сов. пис-ль, 1978.
7. Спиркин А.Г. Мировоззрение // Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энц-дия, 1983. - С.375-376.
8. Караулов Ю.Н. Из опыта реконструкции языковой личности // Лит-ра. Язык. Культура. М.: Наука, 1986. - С.222-234.
9. Домашнев А.И. и др. Интерпретация художественного текста. М.: Просвещение, 1989.
10. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. - С.26-52.
11. Караулов Ю.Н. На уровне языковой личности // Вып. 164. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. М.: 1985. - С.12-18.
12. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М.: Выс. шк., 1991.
13. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - 2-е изд. - М.: Иск-во, 1986.
14. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976.
15. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИНТЕРРОГАТИВНОГО ДИАЛОГА

Солощук Л.В., канд. филол. наук (Харьков)

В коммуникативной лингвистике все более укрепляются позиции исследователей диалога. Как отмечает Б. Текстмайер, представления, вытекающие из анализа диалогов в специфических ситуациях, представления о признаках адекватной организации диалога могут служить основанием продуктивных и рецептивных коммуникативных умений (Текстмайер 1989). Из всего многообразия форм диалогического общения нами в данном случае выбран интеррогативный диалог как одна из разновидностей диалогического дискурса. Рассматривая общение с точки зрения согласованности/несогласованности действий коммуникантов, обычно выделяют два основных вида диалогического взаимодействия: кооперацию и конфликт. Цели и намерения коммуникативной деятельности принципиально различны в условиях кооперативно- и конфликтно-направленных стратегий.

Используемый в данной работе термин “интеррогативный диалог” (или диалог-допрос) обозначает комплекс диалогических ситуаций, в основе которых лежит расследование на предмет совершенного преступления. Интеррогативный диалог может быть подразделен на несколько подтипов в зависимости от позиционного статуса коммуникантов (“следователь - подозреваемый, который виновен в совершении преступления”, “следователь - подозреваемый, который невиновен в совершении преступления”, “защитник - подзащитный, виновный в совершении преступления” и т.д.), и следовательно, в зависимости от преследуемых ими целей. В данной статье в качестве коммуникантов рассматриваются следователь и подозреваемый, виновный в совершении преступления. Выбор именно этого типа диалога обусловлен тем, что именно в нем наиболее ярко проявляется и преследуется одна из основных целей общения – информационный поиск, ведущийся для заполнения определенной информационной лакуны с целью доказательства вины подозреваемого. Инициатива этого поиска находится на стороне одного из коммуникантов, а именно – следователя, который наделен официальной властью требовать ответа на поставленный вопрос с целью получения правдивой информации, при этом он исходит из пресуппозиции о наличии необходимой информации у подозреваемого и его нежелания сотрудничать с адресантом. Тогда как подозреваемый преследует противоположную цель – доказательство своей невинности, независимо от реального положения дел, что ведет к сокрытию информации или введению допрашивающего в заблуждение.

Таким образом, цели участников коммуникации в исследуемом диалоге не являются не только идентичными, направленными на сотрудничество, но прямо противоположны друг другу. Такая ситуация общения требует большого напряжения как со стороны допрашивающего, так и со стороны допрашиваемого.

В ходе интерроготивного диалога детерминирующее влияние на коммуникативную активность его участников оказывает, таким образом, их позиционный статус, обусловленный их социальными ролями и поставленными целями, что определяет использование коммуникантами различных тактик общения (Дейк 1989)

Проанализировав образцы диалогов -допросов на материале художественной литературы детективного жанра, можно сделать вывод о том, что для следователя характерно использование следующего набора тактик. На первое место, безусловно, выходит тактика прямого запроса информации, реализующаяся за счет вопросительных предложений. Вопросы могут быть общие: *Are all these locks the same as at the time of the murder?* или специальные. Однако, удельный вес общих вопросов значительно больше, чем специальных, что обусловлено необходимостью получения однозначного ответа. Задавая специальный вопрос, следователь чаще всего сразу же предлагает возможные варианты ответа, сужая таким образом возможности обвиняемого манипулировать имеющейся у него информацией: *Who else would know? The cashier? Some of the waiters?* Помимо этого, встречаются вопросительные предложения с прямым порядком слов, вопросительные иллокуции в которых передаются соответствующей интонацией: *You never saw her anyplace else?*

Используется тактика репрезентации событий, в состав которой входят констативные речевые акты (определенный набор повествовательных предложений о действиях, связанных с интересующими событиями): *You'd arrived early for the Halloween party, and if anyone noted you at all they simply saw a white-haired man in a mask of some sort — one of the male patients from the second floor.* Меньшая степень уверенности именно в таком течении событий реализуется за счет использования модальных глаголов: *She must have told you she'd give diamonds to your wife and that's when you strangled her.*

Тактика уточнения используется следователем, если он неудовлетворен полученным ответом и желает конкретизировать полученные сведения. Данная тактика может быть выражена как квеситивными, так и констативными речевыми актами: *Where exactly did you see him?* или *I want to know more about that night, everything you did then.* При этом используются такие лексические маркеры запроса точной информации, как *exactly*, *everything* и др.

Тактика повтора используется для привлечения внимания, подчеркивания более значимых тем. В этом случае повторяется либо тот же лексический элемент, либо его синоним: *Did you see him coming out of the house? We know he wasn't at home all night. Did you see him leave?*

Тактика возврата к теме разговора применяется для поддержания нужного хода диалога, возврата его в требуемое русло. Здесь используются такие лексические элементы, как *Back to our question ...* или *but I was asking you ...* и т.д.

Тактика аргументации используется для обоснования своих выводов и чаще всего выражается в придаточных предложениях, вводимых такими лексическими средствами, как *because, for, that's why, and so*: *You told Dicker because you knew what his daughter meant to him and that he'd go looking for revenge.*

Тактика коррекции используется для поправки показаний подозреваемого, если они не соответствуют действительности. В этом случае часто используются предложения, построенные на контрасте: *I saw that she was asleep and I left – She was dead, not asleep.*

Действенной является тактика констатации отрицательных последствий для обвиняемого: *And it is my duty to warn you, Mr. Scott, that it may be used against you.*

Допрашиваемый чаще всего не настроен на удовлетворение информационного запроса инициатора, и его ответный ход – либо эксплицитное выражение своего нежелания отвечать на вопрос, либо имплицитное уклонение от кооперации, что реализуется за счет определенных тактик, таких как, например, тактика отрицания своей вины. Данная тактика направлена на опровержение каких-либо сведений, имеющих в распоряжении у допрашивающего. Здесь используются отрицательные предложения, часто в комбинации с повтором: *I didn't kill that lady. I didn't kill her.* Тактика объяснения строится с помощью констативных речевых актов – это обычно представляет собой набор повествовательных предложений о событиях и местонахождении допрашиваемого в момент совершения преступления: *I was browsing the town, had checked a couple other joints, then dropped in there.* В ходе применения тактики описания предоставляются дополнительные сведения описательного характера, отвечающих запросу: *When I opened the door she looked like asleep in the chair.* Тактика оправдания или уточнения причин каких-либо действий или событий вводится такими лексическими единицами, как *I thought, because*: *I thought it was part of her costume; I took them because they belonged to me.* Популярной является тактика уклонения от ответа, часто со ссылкой на незнание, на некомпетентность: *Gosh, I don't know; I didn't really notice.* Тактика преувеличения направлена на предоставление сведений, оправ-

дывающих подозреваемого, и лексически выражается такими единицами как *never, not in my life, the very idea: I would never even think about it*. Тактика информационного сдвига используется для взваливания вины на другого, часто в комбинации с контрастивными конструкциями: *She saw somebody else's face, not mine*. Тактика позитивной саморепрезентации используется обвиняемым для констатации своих определенных положительных качеств: *Well, you know my reputation*.

Иногда виновный пытается перехватить инициативу ведения диалога, таким образом направляя разговор в удобное для себя русло, пользуясь тактиками перебива или запроса информации: *What makes you think I did it? If I was there, why didn't anyone see me?* Событийный ряд в этом случае восстанавливает следователь путем использования жестких тактик.

Тактика ложного сотрудничества, применяемая обвиняемым, усложняет задачу допрашивающего при интерпретации реплик обвиняемого. Следовательно, допрашивающий должен внимательно следить за ходом интеракции, чтобы успешно отделять ложную информацию от истинной. Эффективности осуществления данного процесса может способствовать учет паралингвистических факторов, сопровождающих речь говорящих. Ведь диалогическое общение идет не только по вербальному, но и по невербальному каналу. В одном из своих романов известный мастер детективного жанра Р. Стаут пишет, что "... научное расследование, каким бы оно ни было выдающимся, даже блестящим, никогда не может сравниться с внезапным озарением, приходящим к детективу и иногда вызванным лишь услышанной интонацией или замеченным мимолетным взглядом" (Стаут 1993). Исследования показывают, что в состоянии эмоциональной напряженности, которую, безусловно испытывает подозреваемый во время допроса, его внимание в первую очередь концентрируется на содержании высказывания. Контроль за невербальным его оформлением значительно снижается. Увеличивается количество поисковых жестов, пауз, меняется выражение лица, темп речи, интонации, которые вплетаясь в диалогическую речь, способствуют формированию определенного типа дискурса, а именно интеррогативного диалога.

Таким образом, проведенное исследование еще раз подтверждает тот факт, что запрос говорящего предопределяет тип взаимодействия интенций, т.е. тип межличностного общения, а также то, что детерминирующее влияние на коммуникативную активность и продуктивность участников диалогического общения оказывают их социальный статус, психологические характеристики и цели общения. Интеррогативный диалог не является исключением в данном случае, хотя набор установленных тактик и способов их реализации не является конечным, и полный их инвентарь еще предстоит установить.

Литература

1. Дейк Т.А. ван (1989). Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс. 2. Тейтмайер Б. (1989). Диалог: проблемы анализа// Общение. Текст. Высказывание. – М.: Наука. – С. 71 – 82. 3. Стаут Р. (1993) Золотые пауки. – М.: Пресса. – С. 339-479.

Источники иллюстративного материала

1. Gardner E.S. (1963) The Case of the Silent Partner. – New York: Pocket Books. – 184p. 2. Grisham J. (1994) The Client. – New York: Island Books. – 566p. 3. Stuart I. (1985) Dicker's McLeish's Girl. – Ellery Queen Mystery Magazine, Sept. – P. 47-59.

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЧИ

Е.В. Тарасова, докт. филол. наук (Харьков)

Восприятие речи как “разгула субъективного”, анархии необузданных возможностей вербального самовыражения, традиционно связывавшееся с сосюрровским понятием parole и хомскианским понятием performance, начинает вытесняться с начала 70х гг. новыми представлениями и подходами, общим признаком которых становится стремление постичь и описать организованный характер не только языка, но и речи (Labov 1969; Hymes 1972, 1974; Goffman 1967, 1974; Fillmore 1982; Schiffrin 1994 и др.) Идеи и концепции речевой/коммуникативной системности получают сегодня все более плодотворное развитие и составляют то “общее ядро”, вокруг которого лингвисты, психологи, философы, антропологи, социологи и специалисты в области искусственного интеллекта объединяют свои усилия в рамках междисциплинарного интегрированного подхода к изучению языка в действии.

Считается доказанным, что речь – это не просто использование арсенала звуковых, морфолого-синтаксических и лексических средств языка для выражения намерений, мыслей и эмоций, а особый вид социального взаимодействия – деятельность, регулируемая определенными правилами и требующая от своих участников огромного количества разнообразных знаний. Это и знание значений слов и грамматических правил, по которым их можно объединить в осмысленные высказывания, знание законов мироздания – так называемые “декларативные знания” (declarative knowledge – O'Malley and Chamot 1990), это также знание социальных норм и отношений, господствующих в данном речевом коллективе, правил этикета и хорошего тона – того что, когда и кому можно, а чего нельзя сказать

в той или иной ситуации - так называемые "процедурные знания" (procedural knowledge) и т.п. И именно потому, что речь осуществляется не в вакууме, а "в контексте мысли и знания" (Kellerman 1989), речь каждого конкретного индивида ярко характеризует его общественное сознание и ту концептуальную систему, в рамках которой он мыслит.

В отечественном и зарубежном языкознании существует множество исследований, посвященных взаимосвязи мышления и языка, экспликации того, как система языка отражает характер мышления и концептуализации действительности (Мещанинов 1945; Кацнельсон 1986; Климов 1983, теория Сепира-Уорфа и другие неогумбольдтианские концепции). Исследования последних десятилетий однако (Hymes 1972, 1974; Goffman 1967, 1974; Halliday 1994; Duranti 1982; Lakoff 1972, 1993; Tannen 1993; Labov 1969 и др.) убеждают также в существовании не менее тесной корреляции и взаимообусловленности между мышлением и речью, что в свою очередь дает основания говорить скорее о **речемысле-тельной** (Кацнельсон 1984), чем собственно речевой деятельности.

«Коммуникация основывается на той же самой концептуальной системе, которой мы пользуемся в своем мышлении и деятельности» (пер. мой - Е.Т.), утверждает Лакофф (1993 : 89). За каждым значением и употреблением языкового знака (морфемы, слова, высказывания, текста) скрывается внеязыковая действительность, и нормальная (т.е. осмысленная, целенаправленная) речевая деятельность не может не иметь **когнитивной инфраструктуры**.

Чрезвычайно сложной концептуальной структурой обладают, как выясняется, даже самые, казалось бы, субъективные и индивидуальные чувства и эмоции, проявляемые в речи, которые при более пристальном рассмотрении оказываются системно организованными в виде когнитивных моделей (см., например, Lakoff and Kovecses 1987).

В речи проявляется не только наши мысли, желания, представления, отношения и эмоции, но и то, как все это организовано у нас «в головах», те принципы, по которым «устроено» наше коллективное видение мира, то, как мы его кодируем, как «складируем» в памяти информацию, отделяем главное от второстепенного и т.д. Все это уводит нас в область когнитивных процессов - сферу хранения и передачи коллективного опыта.

Человеческая речь представляет собой, наверное, наиболее сложноорганизованный и структурированный вид жизнедеятельности, существующий в мире. Изучение принципов, по которым «работает» эта удивительная функционально-адаптивная система, считается основной задачей когнитологии - науке о человеческом интеллекте во всех формах его проявления: восприятии, познании, мотивации предпринимаемых действий и

т.д. Когнитивные стимулы лежат в основе всей рациональной деятельности человека, в том числе его речевой деятельности.

Когнитивный уровень - самый глубинный уровень организации речи, характеризующий сложившиеся в данном социуме видение мира. Описание речи на этом уровне отражает понимание ее как процесса воспроизводства социально и культурно значимых стереотипных ситуаций или «мизансцен», «поставленных» по сложившимся в данной лингвокультуре концептуальным сценариям-фреймам. Фреймы трактуются в когнитологии как ментальные модели—схемы, производные от конкретного опыта пережитых в прошлом событий и предписывающие коммуникантам, «что делать в знакомых ситуациях» (what to do in familiar situations - Nelson 1981:109).

Помимо наиболее часто встречающегося термина «фрейм», введенного в научный обиход Минским (1979), получили распространение также наименования «профиль», «скрипт», «матрица», «сцена» и некоторые другие, которые так или иначе отвечают принятым в теории коммуникации определениям структур опыта и знаний как «systems of concepts related in such a way that to understand any one of them you have to know the whole structure in which it fits» (Fillmore 19982:11), «global patterns of common sense knowledge about some central concept» (Dressler and Beaugrande 1981:90). Фреймы-схемы отражают реальный мир в упрощенном, но в то же время упорядоченном и структурированном виде, будучи как бы «слепокми» с физической и социокультурной действительности.

Лингвисты, изучающие механизмы речепроизводства на когнитивном уровне (Goffman 1967, 1974; Ableson 1976; Rummelhart 1977; Lakoff and Johnson 1980; Coulmas 1981; Fillmore 1982; Langacker 1990, 1991; Tannen 1993; Lee 1997 и др.) приводят веские доказательства того, что наша речь состоит по большей части состоит из «проигрывания» (replaying - Coulmas 1981), или «повторного переживания» (reliving - Goffman 1974) хранящихся в памяти сценариев. Продолжая театральную аналогию, можно представить себе, что на этом глубинном метаконтекстном уровне говорящий индивид осуществляет своего рода «режиссерскую работу», «оживляя» концептуальные сценарии/схемы в своей речи, одновременно адаптируя их к конкретной ситуации общения - конкретному времени и месту. Происходит нечто подобное тому, как режиссеры всего мира в течение почти 400 лет предлагают каждый свою сценическую интерпретацию «Гамлета» или других классических пьес.

Барлетт (1932:201) описывал эти сценарии в виде схем организации «прошлых реакций или прошлого опыта» (past reactions or past experience),

которые продолжают функционировать в настоящем. Рюммельхарт (1977:100) назвал эти сценарии «взаимодействующими структурами знания» (interactional knowledge structures) иерархически организованными таким образом, что более общие знания располагаются «вверху», а более конкретные и специальные - «внизу», «у подножья» когнитивной структуры.

Среди подобных сценариев-фреймов, описанных в разное время когнитологами (Ableson 1976; Shannon 1981; Gamson 1992; O'Malley and Chamot 1990; Edwards 1991; Entman 1993 и др.), фигурируют такие как «посещение ресторана», «свадебное торжество», «визит к врачу», «детский день рождения» и другие, которые могут служить примерами так называемых **событийных фреймов**, определяемых как «хранящиеся в долговременной памяти структуры знания, конкретизирующие условия, в которых разворачивается коммуникативная ситуация, и те действия, которые необходимо предпринять для достижения поставленной цели при данных условиях» (Barzalou 1992:76, пер. мой - Е.Т.). Согласно другой формулировке (Gamson 1992:74), событийные фреймы «диагностируют и оценивают ситуацию», а также «предписывают» определенную стратегию поведения в ней.

Событийным фреймам приписываются следующие функции:

- 1) выделение/обозначение коммуникативной ситуации;
- 2) определение числа участников-"игроков" и распределение ролей, которые им предстоит выполнять;
- 3) объединение участников общим пониманием ситуации и связанными с ней ожиданиями (например, в фрейме "ресторан" официант обычно делает и говорит то, чего от него ожидают посетители: приносит меню, рекомендует блюда и т.д., клиенты же в свою очередь ведут себя в соответствии с ожиданиями официанта: делают заказ, оставляют чаевые и т.п.).

Наряду с событийными фреймами существуют также **пространственные фреймы** (spacial frames), например, «жилая комната», «кухня», «зоопарк», «стадион», «церковь» и т.п., определяемые как «репрезентации основанных на здравом смысле знаний..., фиксирующие типичные признаки ситуации» (Shannon 1981:40, пер. мой - Е.Т.).

Как только наше сознание получает языковой импульс-раздражитель извне, т.е. воспринимает обращенные к нему слова или высказывания, соответствующая его часть начинает «работать», извлекая «упакованные» в памяти знания и релевантный прошлый опыт и «мобилизуя» средства для ответной реакции.

Когнитивная обработка информации происходит одним из двух возможных способов: от языкового знака/формы к общему понятию (снизу вверх) или наоборот - от понятия к форме (сверху вниз). Так, если "на входе" появляется языковой сигнал в виде морфемы "учит-" или слова "студент", то они наверняка возбудят в языковом сознании говорящего такие пространственные фреймы как "школа", "университет", "учебная аудитория", "библиотека" и т.п., или же такие событийные фрейм-скрипты как "урок", "лекция", "семинар", "экзамен", "консультация" и т.п.

Обратный процесс (сверху вниз) можно проиллюстрировать так: вызванный в сознании фрейм "Internet" актуализирует в нашей коммуникативной компетенции такие языковые символы как computer, databases, e-mail, netscape, wordperfect, downloading, www и т.п., которые говорящий "приводит в боевую готовность" для использования в данном коммуникативном эпизоде.

Как событийные, так и пространственные фреймы относятся к числу традиционных когнитивных структур, возбудителями которых в речевом сознании выступают обычно конкретные слова или обозначаемые ими понятия. В исследованиях последних лет (Schank and Ableson 1977; Wolfson 1983; Coulter 1990; Edwards 1991; Aijmer 1996; Lee 1997 и др.) получает серьезное теоретическое обоснование и экспериментальную верификацию новый тип структур знания, выступающих одновременно схемами понимания и речевых действий. Это - так называемые **фреймы взаимодействия** (interactional frames). Стимулами для их актуализации становятся определенные виды речевой деятельности, в которых говорящий участвовал в прошлом - конкретные речевые события или речевые акты (в трактовке Хаймса 1972, 1974). Декодирова фреймы взаимодействия в речи, коммуникант опирается преимущественно на "зарегистрированные" в памяти фрагменты дискурса (discursive histories - Aijmer 1996; Lee 1997) - прошлый речевой опыт, почерпнутый из различных социолингвистических контекстов. Так, если говорящий сталкивается с необходимостью сделать комплимент даме, ответить отказом на нежелательное предложение или попросить прощения за проступок, то это "оживит" прошлый опыт его речевого поведения в аналогичных ситуациях и память "подскажет" набор высказываний, стереотипных формулировок и выражений, оказавшихся в прошлом наиболее эффективными стратегиями в осуществлении соответствующего речевого акта.

Будучи производными от индивидуального речевого опыта, интеракционные сценарии-фреймы являются менее абстрагированными и

стилизованными репрезентациями знания, так как включают помимо общей характеристики ситуации еще и **конкретную прагматическую цель**, которую ставит перед собой говорящий в данной ситуации, поэтому их называют также персональными (personal) или инструментальными (instrumental) фреймами (напр., Schank and Ableson 1977). Кроме того, в отличие от ситуативных фреймов, предполагающих, как правило, несколько участников, данный тип когнитивных структур включает только одного коммуниканта, реализующего свой личный, индивидуальный когнитивный сценарий в рамках более общего фрейма ситуации. В этом смысле фреймы взаимодействия выступают скорее понятиями прагма- и социолингвистики, чем собственно когнитологии; в то же время само их существование доказывает динамическую взаимосвязь между мета- (концептуальным), макро- (социальным) и микроконтекстным (межличностным узкопрагматическим) уровнями системной организации речи, подтверждая высказанную когнитивными лингвистами идею о том, что «прагматическая информация, включающая «правила говорения» (Wolfson 1983), предписывающие когда и при каких условиях уместно (или неуместно) использование того или иного речевого акта, представляет собой не случайное сочетание особенностей контекста, а организована в виде фреймов» (Aijmer 1996:27, пер. мой - Е.Т.).

Рассмотрим более подробно механизмы актуализации глубинных структур-фреймов в поверхностных структурах речи. Современные исследования (Gorio 1980; Coulmas 1981; Cheepen 1988; Blum-Kulka 1989; Bell 1992; Aijmer 1996 и др.) показывают, что в процессе речи мы воспроизводим не только концепты (т.е. ассоциативные сценарии-скрипты), но и закрепленные за ними лингвистические контексты, или, говоря словами Бахтина (1979:257), мы «отливаем» свою речь в готовые формы» устойчивых стереотипных языковых формул и «ритуалов». Бывает, что при этом мы вносим в эти «готовые формы» определенные коррективы, требующиеся в новой ситуации общения, однако сами формы - основные «строительные блоки» коммуникации - сохраняют свою главенствующую роль в ее вербальном оформлении.

О ритуальном характере речи языковеды говорят уже давно (см. Lyons 1968; Goffman 1971; Fergusson 1981) и др. Lyons в свое время констатировал существование в человеческой речи «неделимых целых» (unanalysable wholes - (1968:117), привязанных к типичным, легко прогнозируемым коммуникативным ситуациям. Эту мысль развивает впоследствии Langer (1989), утверждающий, что большая часть нашего повседневного речевого общения происходит «автоматически» (on

automatic) и, следовательно, то, что мы считаем своими «авторскими», творчески продуманными речевыми произведениями, отнюдь таковыми не являются, а напротив, характеризуются «безмыслием, основанном на автоматизме». Это позволяет нам избавить себя от излишних интеллектуальных усилий, полагаясь на готовые формулы и клише, которые, как выясняется, играют гораздо более важную роль в процессе коммуникации, чем это признавалось ранее (по подсчетам Sorhus (1974), например, в современной английской речи на каждые пять слов приходится одно клишированное сочетание). Выполнение этой важной роли во многом обеспечивается способностью речевых клише выступать в качестве своеобразных “islands of reliability” (Cheepen 1988), или “safety islands” (House 1987), помогающих говорящему свести к минимуму творческие усилия в общении.

Значения автоматически воспроизводимых в речи устойчивых выражений отнюдь не всегда представляет собой совокупность лексических значений составляющих слов, и связь между их буквальным значением и прагматической функцией не всегда очевидна. Клише могут быть различной степени идиоматичности, будучи производными от соответствующих когнитивных категорий и психологических сценариев-скриптов. Из-за свойственной им конвенциональности, т.е. привязанности к определенным ситуативным контекстам (того, что Leech (1983:28) называет **прагматической специализацией** (pragmatic specialization) в английском языке, например, определенный набор фраз и устойчивых выражений узусально закреплен за большинством типичных ситуаций-фреймов - таких как “classroom”, “courtroom”, “bank”, “stock exchange”, “bus ride”, “wedding”, “department store”, “academic conference”, “lunch-break” и т.п.) разговорные формулы и клише известны также под названиями “bound utterances” (Finagy 1982), “situational formulas” (Gorio 1980), “discursual expressions” (Carter 1987), “speech expressions” (Alexander 1984), “conversational routines” (Coulmas 1981), “formulaic expressions” (Javorski 1992) и др. Все эти термины отражают как воспроизводимость и повторяемость речевых рутин, так и приоритет их дискурсивной прагматической функции над референциальной (денотативной, пропозициональной).

Все это позволяет заключить, что разговорные формулы, “рутины” и клише объединяют в себе два нераздельных компонента: когнитивно-психологический и поведенческий, которые проявляются, во-первых, в упорядочении и категоризации ими ситуаций общения, во-вторых, в языковом кодировании коммуникативных ситуаций в смысле предоставления в распоряжение говорящих вербальных средств выражения того, что Aijmer

(1996:247) называет "нужной идеей в нужном месте" (the right idea in the right place).

Успешному выполнению организующей роли в процессе коммуникации способствуют и такие характерные атрибуты устойчивых сочетаний как:

- явно выражения социальная значимость, т.е. способность выступать в качестве эффективных прагматических стратегий поддержания взаимопонимания и солидарности, что в коммуникативном плане считается более важной функцией, чем функция референциальная.
- способность объединяться в более крупные комплексы (sequences), (например, ритуальные обмены репликами в беседах по телефону, конвенциональная последовательность коммуникативных "шагов" в small talk, свадебной церемонии и т.п.).
- клишированность и "отштампованность" вербального оформления.
- этнокультурная маркированность.

Последний из перечисленных атрибутов привлекает в последнее время особое внимание языковедов и выступает объектом анализа когнитивной антропологии - новой активно развивающейся дисциплины, изучающей "когнитивное пространство культуры" (Gardener 1979; Frake 1980; Alptekin 1993; Entman 1993; Ries 1997 и др.). Как известно, ключевым признаком культуры антропологи объявляют **общее знание** (shared knowledge - Hall 1976; Hofstede 1980; Le Vine 1982 и др.). Исходными методологическими предпосылками когнитивной антропологии являются следующие:

- Культура как общественно приобретенное знание играет доминирующую роль в процессе познания и общения;
- Подобно всем другим видам знаний, культурные знания также организованы в виде фреймов

Отличительной особенностью "культурных" фреймов - когнитивных моделей, существующих в сознании этноса - в том, что они определяют особый характер восприятия мира всеми членами данного речевого коллектива и выступают теми общими "фильтрами", через которые они воспринимают физическую и социальную действительность. Фреймы этого типа образуют своеобразную **концептуальную карту культуры** (culture's conceptual landscape - Frake 1980:54). Именно на этом строит свою теорию "культурных сценариев" (cultural scripts) А. Вержбицка (1991, 1994), доказывая, что нашу речевую деятельность и формы, которые она принимает, невозможно объяснить и описать в чисто бихевиористских узкопрагматических терминах, исходя лишь из интерпретации интенций говорящего в конкретных речевых актах. На более глу-

бинном когнитивном уровне человеческой речью управляют "культурные правила, или сценарии". Последние существуют на уровне национального подсознания и национальной психологии, проявляясь "на поверхности" в том, что и как члены данной этнокультуры делают и говорят. Совокупность культурных сценариев составляет, согласно этой теории, неписанную **социо-культурную грамматику речи**, правила которой относятся к числу молчаливых соглашений и обязательны для всех членов лингвокультурной общности.

Все сказанное дает основания говорить об основополагающей роли когнитивной фреймовой парадигмы в системной организации коммуникативных процессов и заставляет признать фреймовую теорию неотъемлемой частью общей теории коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кашнельсон С.Д. (1972) Типология языка и речевое мышление. - Л. 2. Климов Г.А. (1983) Принципы контентивной типологии. - М. 3. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке. Труды военного института иностранных языков, №1. Москва. 4. Минский М. (1979) Фреймы для представления знаний. М.: Энергия. 5. Ableson, R.P. 1976: Script processing in attitude formation and decision-making// "Cognitive and Social Behavior". Carrol & Payne (eds.). Hillside, NJ: Erlbaum. 6. Aijmer, K. 1996: Conversational Routines in English: Convention and Creativity. Longman. 7. Alptekin, C. 1993: Target language culture in EFL// "ELT Journal", v.47/2. 8. Bahtin, M.M. 1979: Speech Genres and Other Late Essays, trans. by Vern. W. McGee. Austin, TX: University of Texas Press. 9. Barlett, F.C. 1932: Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: CUP. 10. Barsalou, L.W. 1992: Cognitive Psychology: An Overview For Cognitive Scientists". Hillsdale, NJ: L. Erlbaum. 11. Bell, C. 1992: Ritual Theory, Ritual Practice. New York: Oxford University Press. 12. Blum-Kulka, S.L. 1989: Playing it safe; The role of conventionality in indirectness. Blum-Kulka et al. (eds.). 13. Blum-Kulka, S.L. 1997: Cultural Patterns of Sociability and Socialization in Family Discourse. London: L. Erlbaum Publishers. 14. Cheepen, C. 1988: The Unpredictability of Informal Conversation. London: Pinter. 15. Coulmas, F. 1981: Conversational Routine: Explorations in "Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech", The Hague: Mouton. 16. Coulter, J. 1990: Mind In Action. Oxford: Polity. 17. Dressler, W. and Beaugrande, A.D. 1981: Introduction to Text Linguistics. London, New York: Longman. 18. Duranti, A. 1982: Rethinking Context: Language As an Interactive phenomenon. Cambridge: CUP. 19. Edwards, D. 1991: Categories are for talking. On the cognitive and discursive bases of categorization// "Theory and Psychology", #1. 20. Entman, R.M. 1993: Framing: toward clarification of a fractured paradigm// "Journal of Communication", v. 43, #4. 21. Fergusson, C.A. 1981: The structure and use of politeness formulas// "Conversational routine". Coulmas (ed.). The Hague: Mouton. 22. Fillmore, C. 1982: Frame semantics// "Linguistics in the Morning Calm". Linguistic Society of Korea. Seoul: Hanshin. 23. Fraake, C.O. 1980: "Language And Culture Description". Stanford University Press, Stanford, CA. 24. Gamson, W. 1992: "Talking Politics", New-York: CUP. 25. Gardner, R.C. 1979: Social psychological aspects of second language acquisition// "Language And Social Psychology". Giles and Clair (eds.). Blackwell. 26. Goffman, E. 1967: Interaction Ritual. New York: Anchor. 27. Goffman, E. 1974: Frame Analysis. New York: Harper and

- Row. 28. Gorio, C.A. 1980: Conversationalized language forms and development of communicative competence// "TESOL Quarterly", v. XIV, #4. 29. Hall, J. 1976: "The Hidden Dimension". New-York: Doubleday. 30. Halliday, M.A.K. 1994: An Introduction to Functional Grammar. London. E. Arnold. 31. Hofstede, G. 1980: "Culture's Consequences". Beverly Hills, CA: Sage. 32. Holland, D., Quinn, N. 1995: "Cultural Models In Language And Thought". Hillsdale, NJ: L.Erlbaum. 33. House, K.J. 1987: Interlanguage Pragmatics: Perspectives on Language Performance. 34. Hymes, D. 1972: Directions in Sociolinguistics: An Ethnography of Communication. New York: Holt, Rinehart and Wilson. 35. Hymes, D. 1974: Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia PA: University of Pennsylvania Press. 36. Kellerman, A. 1989: Time, Space and Society: Geographical Cosietal Perspectives. Dordrecht, Boston. Kluwer Acad. Publishers. 37. Labov, W. 1969: Sociolinguistic Patterns. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. 38. Lakoff, G., Kovacs, Z. 1987: The cognitive model of anger inherent in American English// "Cultural Models in Language and Thought". Holland and Quinn (eds.), New-York: CUP. 39. Lakoff, R. 1972: Language in context// "Language", v.48. 40. Lakoff, R. 1993: The contemporary theory of metaphor/ / "Metaphor and Thought" (2nd ed.). Cambridge: CUP. 41. Lakoff, R. and Johnson, M. 1980: Metaphors We Live By. University of Chicago Press. 42. Langacker, R.W. 1987: Foundations of Cognitive Grammar. vol. I: Theoretical Prerequisites: Stanford: Stanford University Press. 43. Langacker, R.W. 1991: Concept Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin: Mouton de Gruyter. 44. Le Vine, R.A. 1982: "Culture, Behavior And Personality". Chicago: Aldine. 45. Lee, D. 1997: Frame conflicts and competing construals in family argument// "Journal of Pragmatics", #27. 46. Lyons, J. 1967: A note on possessive, existential, and locative sentences// "Foundations of Language", v.3. 47. Lyons, J. 1968: Theoretical Linguistics. Cambridge: CUP. 48. Nelson, K. 1986: Event Knowledge: Structure and Function in Development. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum. 49. O'Malley, J. Michael & Chamot, A.U., 1990: Learning strategies in second language acquisition// "Cambridge Applied Linguistics Series". Cambridge: CUP. 50. Ries, N. 1997: "Russian Talk" (Culture And Conversation During Perestroika). CUP. 51. Robinson, P.J. 1986: Consistency or dependency in the units of language acquisition? An approach to describing the learner's analysis of formulae/ / "Linguistic Investigations", v.10. 52. Rummelhart, D. 1977: Notes on a schemata for stories// "Representations and Understanding". Barkrow and Collins (eds.). New York: Academic Press. 53. Rummelhart, D. 1980: Schemata: The building block of cognition/ / "Theoretical Issues in Reading Comprehension". Hillsdale, NJ: Erlbaum. 54. Saviile-Troike, M. 1989: The Ethnography of Communication (2nd ed.). Oxford: Basil Blackwell. 55. Schank, R.C. & Abelson, R.R. 1977: Scripts, Plans, Goals and Understanding. An Inquiry into Human Knowledge Structures. L. Erlbaum Associates, Publishers, Hillsdale NJ. 56. Schiffrin, D. 1994: Approaches to Discourse. Oxford: Blackwell. 57. Shanon, B. 1981: What is in the frame?—Linguistic indicators// "Journal of Pragmatics", #5. 58. Tannen, D. 1993: Framing in Discourse. New York: OUP. 59. Wierzbicka, A. 1981: Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 53). Berlin, New-York: Mouton. 60. Wierzbicka, A. 1994: "Cultural Scripts": a semantic approach to cultural analysis and cross-cultural communication// "Pragmatics and Language Learning", Monograph Series, v.5/61. Wildner-Basset, M. 1994: Intercultural pragmatics and proficiency. "Polite noises" for cultural appropriacy// "International Review of Applied Linguistics in Language Teaching", v. XXXII/1. 62. Wolfson, N. 1983: Perspectives. Sociolinguistics and TESOL. Newbury House Publishers.

РЕМБО: ІМ'Я КІНОГЕРОЯ В ЕМОТИВНО-ОЦІННИХ НОМІНАТАХ МОВИ НІМЕЦЬКОЇ ПРЕСИ

А.Тютенко (Харків)

„... Ich trage den Familiennamen Rambo. Ich bin kein sogenannter Rambo-Fan. Das Gegenteil ist der Fall, zumal ich aufgrund meines Namens zunehmend telefonisch belästigt werde. Sie werden verstehen, daß ich nicht gerade darüber erbaut bin meinen Namen — auch in Ihrem seriösen Nachrichtenmagazin — als Synonym für Gewalttäter und Chaoten lesen zu müssen.“

(з листа читача до редакції журналу Der Spiegel, 39/1993)

Об'єктивно, наявність усталених мовних формул є нормальною для людського мовлення та дозволяє передавати загальнозначущу та загальнозрозумілу інформацію. З іншого боку, характерне для засобів масової комунікації надто часте застосування одних і тих самих стилістично забарвлених лексичних та фразеологічних одиниць призводить до їх клішеювання, стилістичних порушень та, закономірно, може закінчитися негативним комунікативним результатом, про що свідчить часта критика авторського стилю тих або інших журналістів та дорікання на адресу мовлення засобів масової інформації як такого.

Феномен виникнення та тривалого життя в мові усталених мовних формул, в першу чергу, є наслідком таких властивостей людського мислення, як асоціативність та стеріотипність. Сама по собі мовленнєва діяльність неможлива без застосування вже бувшого у використанні матеріалу, а саме, без відтворення раніш побудованих текстів або їхніх фрагментів, тобто, як зауважував О.Потебня, “преобразования уже существующего” (Потебня 1990). В мові газет та журналів, яка є матеріалом до подальшого обговорення в цій статті, зазнають частого повторення і навіть клішеювання не тільки фрази з розмовного мовлення або такі, що породжують різні журналісти, але й ті, що запозичуються ними з різних джерел, в тому числі з міфології, літератури, творчості інших публіцистів, промов політиків, кінофільмів і т.п..

Істотна частка таких запозичень бере участь в актах перейменування, які базуються саме на асоціативності мислення автора та читача. Під перейменуванням тут слід розуміти зміну найменування в мовленні, коли

говорачий вказує на вже згаданий предмет, даючи йому інше, не власне означення. Це явище звуть "вторинною номінацією" або "трансформацією". В публіцистиці так само, як і в художній літературі, вторинна номінація є одним з основних художніх засобів та служить для створення образності, емоційної забарвленості, конотативності. Останню категорію в даному випадку слід розуміти як семантичну суттєвість, яка узуально або okazіонально входить до семантики мовних одиниць та виражає емотивно-оцінне та стилістично позначене відношення суб'єкта мовлення до дійсності під час її означення у висловленні, яке набуває на основі цієї інформації експресивного ефекту (Телия 1986).

Одиниці лексики з емотивно-оцінними значеннями мають соціально-психологічну та культурно-історичну зумовленість. Існування стилістично забарвлених номінативних одиниць є, як правило, мало усталеним, а їхня поява та використання головним чином залежать від епохи, суспільного ладу, кон'юнктури, моди та ін. Ця властивість є особливо притаманною емотивно-оцінним номінаціям, які побудовані на конотації навколо власних назв персонажів міфології, літератури та творів масової культури, в першу чергу, кінематографу. Щодо останніх, то, оскільки з розвитком відеозапису кінофільми стали надбанням масового глядача лише відносно нещодавно, динаміку популярності тих чи інших номінативів з іменами їхніх персонажів особливо легко простежити. Так, наприклад, після виходу на екрани в 1954 р. стрічки режисера Ф.Фелліні "La Strada" в 1950-70 роки в німецькому розмовному мовленні та публіцистиці розповсюдились емотивно-оцінні номінативні одиниці, що базуються на конотації навколо імені одного з героїв фільму — вуличного артиста Цампано. Пізніш зв'язок з денотатом почав зникати, та сьогодні про первинне значення цього слова майже ніхто не пам'ятає, а самі вирази типу *der (gro)ße Zampanò* зустрічаються набагато рідкіше (докладніше див. Knobloch 1994). Завдяки більш пізній появі на екранах та періодичному виходу нових екранізацій романів Я.Флеммінга ім'я *Джеймс Бонд / агент 007* все ще знаходиться на піку популярності. Тенденція до більш частого застосування, аж до виникнення мовних кліше, особливо чітко простежується сьогодні стосовно імені *Рембо*, про окремі особливості використання якого піде мова нижче.

Роль Рембо, вперше зіграна в фільмі "First Blood" (1982), який було знято за повістю маловідомого письменника Д.Морелла, протягом багатьох років була однією з найбільш успішних ролей актора С.Сталлоне. Герой фільму Джон Рембо, повернувшись на батьківщину після участі у в'єтнамській війні, зазнає несправедливості з боку влади та суспільства Сполучених Штатів та, втікаючи від поліції, відтворює свої права власними засобами, перетворившись в армію в особі однієї людини. Після усп-

їху фільму на екран вийшли ще два продовження, де Рембо знищує цілі навали ворогів та врятовує співвідчизників з полону. За цей час герой трилогії, втілений у м'язистому С.Сталлоне, завоював популярність в публіки, а постать обвішаного усіма видами зброї супер-воїна, спроможного знищити будь-якого ворога, почала використовуватися у різного виду метафорах та порівняннях жартівного, іронічного, в першу чергу, негативного емотивно-оцінного характеру, наприклад:

(1) *Auf die Frage, warum er seine Brüder und Schwestern ermorde, antwortete ein Kämpfer der NPFL, der gerne als Rambo vor laufenden Kameras posierte, mit einer Gegenfrage: „Why not?“* (Die Zeit, 27.09.1996)

(2) *[...] Solchen Wählern hat der von Donkosaken abstammende Retter mit dem Rambo-Image jetzt in der Komsomolskaja prawda noch einmal seine Entscheidung für Jelzin und gegen Sjuganow erläutert.* (Die Zeit, 28.06.1996)

Під час створення експресивної образності відбувається осмислення абстрагованого поняття, та його втілення через окремі конкретні ознаки. В результаті процесу абстрагування одна з ознак предмету, як правило, найбільш помітна, стає основою нового (непрямого) узуально-закріпленого найменування. Наприклад, у наведених нижче уривках газетних та журнальних статей актуалізуються такі ознаки, як атлетична статура, антикомуністичні переконання, нестриманість, груба руйнівна сила, непокоря владі:

(3) *[...] Nicht nur Skinheads oder Neonazis drängt es nach Buchenwald. Ein Manfred Wettstein — er war zu DDR-Zeiten Offizier des Stasi-Wachregiments Felix Dzerschinski — spielt den antikommunistischen Rambo* [...] (Die Zeit, 25.10.96)

(4) *In den ersten dreißig Minuten ist Ismael Ivo Carl Lewis, Rambo und Laokoon zugleich: athletisch, stark und schmerzenseich [...]* (Die Zeit, 07.07.95)

(5) *[...] In eine Berufsarmee drängten die „falschen Leute“, meint Ruhe: „Rambos und Legionärstypen“. Ohne Wehrpflichtige, sorgt sich General Bagger um das „besondere innere Gefüge der Armee in der Demokratie“, werde sich „der Geist in den Streitkräften dramatisch verändern“. [...]* (Spiegel 11/1996)

(6) *[...] Und aus Häwermann könnte Little Rambo oder Prinzchen Midas oder irgendein anderer Gierschlund werden.* (Die Zeit, 13.10.95)

Навпаки, зазначення відсутності схожості з Рембо, говорить про позитивні якості людини:

(7) *Meller ist weder Rambo noch Dunkelmann, noch Spießer. Er ist nett und offen, ein Mensch, der mit allen reden kann.* (Die Zeit, 24.03.95)

На відміну від більшості вторинних найменувань, побудованих на асоціації з об'єктами дійсності, які означаються через іменники загальні,

номінації з іменниками власними синтаксично оформлюються не тільки як предикати, звернення або відокремлені означення, але іноді можуть виступати в реченні у вигляді підмета, не потребуючи при цьому додаткових засобів актуалізації, наприклад:

(8) *Viele Pädagogen mißbrauchen ihre Schülerinnen als „sozialen Puffer“ oder „pädagogische Schmierseife“, wie es in Lehrerkreisen heißt: Sie setzen brave und fleißige Mädchen neben rüpelhafte Jungen, damit die kleinen Rambos ruhiggestellt werden.* (Spiegel, 19/1996)

В такій якості, крім самих текстів статей, ім'я 'Rambo' може надходити до складу заголовків, зміст яких стає зрозумілим лише після прочитання статті, наприклад: *Rambo mit freundlicher Fassade* (Die Zeit, 07.04.95), *Rambo mit Logo* (Der Spiegel, 6/1996), *Rambo macht krank* (Der Spiegel, 15/1993), *Rambo Schrempf* (Spiegel 21/1996).

Ще однією характерною особливістю використання номінацій зі словом 'Rambo' в мовленні журналістів є тенденція до створення різноманітних складних лексичних одиниць, де 'Rambo' діє або як компонента, що означається — *Kinder-Rambos* (Spiegel 9/1993), *Freizeit-Rambos* (Spiegel 35/1996) — або як означальна компонента — *Rambo-Mentalität* (Spiegel 20/1995), *Rambo-Entscheidung* (Spiegel 44/1996), *Rambo-Verschnitt* (Der Spiegel 50/1996), *Rambo-Maniere* (Die Zeit, 22.11.96), *Rambo-Image* (Die Zeit, 28.06.96).

Особливість переосмислення іменників власних полягає в тому, що в них є відсутнім зв'язок з поняттям, тому на їхній основі неможна побудувати логічне означення. У випадку появи у власної назви значення, яке виступає як логічний означувач предмету, тобто коли лексема не тільки називає предмет, а й надає якісь відомості про нього, іменник власний переходить до розряду загальних. При тривалому застосуванні власного іменника як загального його семантична мотивованість може взагалі втрачатися (пор., наприклад, в російській мові слово 'Хам' або в німецькій — вже згадане вище ім'я 'Zampano'). У випадку 'Rambo' перехід до розряду іменників загальних є потенційно можливим, якщо це ім'я буде тривалий час систематично використовуватися без яких-небудь формальних ознак зв'язку з первинним денотатом, як це має місце зокрема в наведених вище прикладах (7) та (8).

В окремих випадках семантична мотивованість слабо проглядається, якщо об'єкт номінації є вибраним настільки неочікувано, що в адресату, можуть виникнути труднощі при побудові асоціації з первинним денотатом навіть, якщо про нього можна здогадуватися, виходячи із зовнішньої форми номіната. Наприклад: *Reform-Rambo* (про прем'єр-міністра Нової Зеландії — Spiegel 36/1996), *Renten-Rambos* (про політиків-реформаторів пенсійного законодавства, Spiegel 43/1996), *Internet-Rambos* (про корис-

тувачив Інтернет, які розповсюджують незаконну інформацію — Spiegel 46/1996).

На закінчення слід зупинитися на випадках запозичення журналістами вже готових вторинних номінацій з іменником власним *'Rambo'*. Вже згаданий вище О.Потебня зауважував, що знання людей про світ аж ніяк не є тотожними, і це позначається на тому змісті, який вони укладають в слова. Люди розуміють один одного в процесі спілкування тому, що в змісті слів є щось спільне, народне. Це рівне, однакове в змісті слова Потебня називав його найближчим значенням. Саме цей різновид значення робить, на його думку, мову засобом спілкування. Тим не менш, слово має ще й друге, подальше значення, яке змінюється від індивіда до індивіда та в кожного є різним за якістю та кількістю елементів (Потебня 1958). Як правило, більшість okazіональних лексичних одиниць актуалізується в решті тексту повідомлення та можуть бути легко розшифровані, але в окремих випадках для їхнього вірного сприйняття може бути потрібним набагато ширший контекст. Так, зокрема, трапляється в актах цитування журналістами оригінальних висловлювань з інших джерел. Наприклад, в наступних уривках для розуміння дійсного значення цитати читачу потрібні знання, які істотно виходять за межі змісту статті або первинного значення імені, використаного у вторинній номінації:

(9) *Für Verteidigungsminister Volker Rühe ist er „der Rambo unter Deutschlands Managern“, Deutsche-Bank-Chef Hilmar Kopper stilisiert ihn zum „maximo leader“.* (Spiegel 21/1996)

(10) *Der in der Medienszene als „Rambo“ bekannte Unternehmer (47) vermarktet mit seiner in Ebersberg bei München ansässigen Firma so unterschiedliche Talente [...]* (Spiegel 27/1996)

Через те, що зміст смислової інформації завжди проходить через особистісну мовну свідомість реципієнта, і таким чином, може змінюватися, стають можливими різне читання та навіть нерозуміння. В залежності від комунікативної цінності певного висловлювання, його інтерпретація реципієнтом може істотно впливати на сприйняття тексту в цілому. Це явище, що свідчить про порушення основного принципу комунікації — загальнозрозумілості — заслуговує особливої уваги при вивченні взаємодії засобів масової інформації з їхньою аудиторією.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Потебня 1990: Потебня А.А. Теоретическая поэтика. — Москва 1990 — с. 30;
2. Телия 1986: Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — Москва 1986 — с. 5;
3. Knobloch 1994: Knobloch, J. Der „große Zampano“, wer kennt ihn noch? — Muttersprache, Н. 4, 1994 — S. 338;
4. Потебня 1958: Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. т. 1. — Москва 1958 — с. 20.

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПРАГМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ УСПЕШНОСТИ ИНТИМИЗАЦИИ ОБЩЕНИЯ

Фролова И.Е., канд. филол. наук (Харьков)

Устойчивый интерес лингвистов к анализу взаимосвязей лингвистических и экстралингвистических факторов, характерный для последних десятилетий, дает возможность глубже и шире исследовать язык и речь, открывает новые перспективы таких исследований.

Бесспорным является тот факт, что коммуникативно-ориентированные исследования базируются на основных положениях теории речевых актов и учитывают влияние основных экстралингвистических факторов, таких как характер ситуации, фактор адресата и т.д., а также принципов речевого общения, среди которых значительное место занимает принцип вежливости.

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет собой анализ взаимосвязей и взаимодействия данных факторов и принципов общения.

Так, например, исследование выражения отрицательных эмоций (на материале РА экспрессивов) с точки зрения их корреляций с принципом вежливости, привело к выделению значительной группы РА экспрессивов, которые формально нарушают принцип вежливости, однако не наносят ущерб ни "лицу" адресата, ни дальнейшей коммуникации. Данные РА, как показал их анализ, являются продуктом интимизации общения. Это понятие не является новым в лингвистике, однако до сих пор оно связывалось в основном с формально-семантическими средствами (отдельными словами или словосочетаниями), придающими особую окраску речи и свидетельствующими об отсутствии дистанции между коммуникантами. Вполне очевидно, что, подобно многим другим лингвистическим объектам, интимизация общения может быть реализована на разных уровнях — от морфологического (уменьшительно-ласкательные суффиксы) до акторечевого. При этом, акторечевой уровень средств интимизации общения не ограничен РА экспрессивами, выражающими отрицательные эмоции. Круг РА этого типа значительно шире и включает различные классы и подклассы. Однако, целью настоящей работы мы избрали не описание РА, служащих средством интимизации общения, а исследование прагматических условий успешности реализации интимизирующих средств различных уровней в их взаимосвязи и взаимозависимости.

Наиболее распространенной интимизация общения является для лиц, находящихся в близких (родственных, дружеских или служебных) отно-

пениях и/или для лиц, находящихся в экстраординарной ситуации. При этом, основным существенным фактором, обеспечивающим успешность интимизации, является характер взаимоотношений коммуникантов. Роль фактора адресата не является существенной — близкие отношения могут возникнуть между коммуникантами независимо от их пола, возраста, социального положения. Особый характер взаимоотношений, близость коммуникантов обусловлена тем, что они положительно ориентированы относительно друг друга, и их пресуппозиции включают знание об этом. Приведем пример:

"What the hell are you doing? Trying to kill yourself?"

She smiled. "Don't worry. I won't."

(S. Sheldon)

Как видим, говорящий в довольно резкой форме выражает неудовольствие действиями адресата, нанося, с формальной точки зрения, ущерб лицу последнего. Однако, пресуппозиция адресата, включающая знание об искренне дружеском отношении говорящего, позволяет правильно интерпретировать высказанное недовольство как участие, беспокойство во благо адресата, вследствие чего отсутствует эффект обиды. Вместе с тем, характер взаимоотношений коммуникантов является основным, но не единственным существенным условием успешности интимизации общения. Фактор наличия слушающих, в отличие от фактора адресата, приобретает особо важное значение. Причем, слушающие, так же, как и участники коммуникации, характеризуются по признаку наличия/отсутствия дистанции. Наличие слушающих при отсутствии дистанции между ними и участниками коммуникации нерелевантно. В то же время, слушающие, находящиеся на определенной дистанции, не находящиеся в особых, близких отношениях с обоими участниками коммуникации, делают интимизацию общения невозможной. Характер ситуации также относится к числу релевантных факторов. Возможно, с нашей точки зрения, здесь выделить два основных типа ситуаций — обычные и экстраординарные. Для обычных ситуаций характерны более или менее постоянные особые отношения коммуникантов, в то же время, в экстраординарных ситуациях такие особые взаимоотношения могут возникнуть на достаточно короткий срок.

Перечисленные прагматические факторы находятся в тесной взаимосвязи с принципом вежливости. Особые отношения коммуникантов дают им возможность свести к минимуму количество "лицевой работы" (Brown, Levinson 1987) при реализации интимизации общения на акторечевом уровне (выражение негативных эмоций, использование кратких повелительных структур и т.д.); в то же время, при одобрении адресата, выражении положительных эмоций в его адрес максимально использовать все речевые средства (как правило, лексический уровень интимизации).

Необходимо подчеркнуть тесную взаимосвязь всех описанных условий успешности интимизации общения, несоответствие или отсутствие одного из них обычно ведет к прагматической неудаче.

В целом же, условия успешности процесса интимизации можно представить в виде следующей схемы, где:

I – интимизация общения;

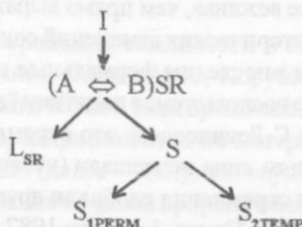
A, B – участники коммуникации;

SR – особый тип взаимоотношений;

L – слушающие;

S – характер ситуации;

(S₁ – обычная ситуация, S₂ – экстраординарная ситуация)

Очевидно, что интимизация общения представляет собой особый тип общения, обладающий рядом характерных разноплановых черт, которые требуют более широкого и детального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brown, Levinson S.C. (1987) Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge etc: Cambridge University Press.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПА ВЕЖЛИВОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ДИСКУРСЕ 16—20 вв.

Шевченко И.С., канд. филол. наук (Харьков)

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является диахронический анализ прагматических свойств речевой коммуникации. Логика исследования эволюционных процессов коммуникации обуславливает необходимость их комплексного анализа как на уровне речевого акта, так и дискурса. Последнее невозможно без обращения к коммуникативным принципам, в частности, к принципу вежливости как одному из ведущих в дискурсе.

Вслед за Дж.Личем мы исходим из того, что важнейшие принципы межперсонального взаимодействия — это принцип кооперации, вежливости, заинтересованности, способствования /Leech 1983:146/, причем первоочередность их значения зависит от культурных, социальных, лингвистических факторов: например, в англоязычных культурах предпочтение отдается максиме такта, а в культурах восточной Азии — принципу скромности /там же/. В трактовке Дж.Лича принцип вежливости и принцип кооперации одинаково значимы в прагматике и находятся в комплементарных отношениях. Из их равенства следует, что они обладают равной объяснительной силой: например, случаи косвенной реализации речевых актов, нарушающие принцип количества, могут быть объяснены вежливостью, так как импликация более вежлива, чем прямо выраженное значение.

Для анализа исторических изменений содержания и реализации принципа вежливости определим формальные параметры стратегий коммуникации, для чего воспользуемся понятием “лица”, взяв за основу его трактовку П. Браун и С. Левинсоном: это стремление к тому, чтобы, с одной стороны, действиям лица не мешали (негативное “лицо”), а с другой — чтобы его цели и стремления одобряли другие участники коммуникации (позитивное “лицо”) /Brown, Levinson 1987:131/.

Помимо понятия “лица” личность обладает и рациональным потенциалом, то есть способностью избирать методы достижения своих целей, исходя из самих целей /ibid:61/.

В своем поведении личность использует стратегии позитивной и негативной вежливости. Первые служат целям минимизации угрозы позитивному “лицу” адресата (обеспечивают его стремление к получению одобрения, поддержки окружающих, удовлетворяют его позитивную самооценку). Вторые предназначены для уменьшения угрозы негативному “лицу” адресата, то есть компенсируют его потребность в неприкосновенности внутренней сферы, самоопределении, невмешательстве. На выбор стратегий коммуникации влияют такие социальные факторы, как социальная дистанция говорящего и слушающего, иерархическое соотношение их статусов, а также преимущественная значимость той или иной стратегии в конкретной этнокультуре в ту или иную эпоху. Степень вежливости возрастает с увеличением социальной дистанции между коммуникантами и с повышением статуса слушающего над статусом говорящего. Она также возрастает с увеличением степени риска угрозы “лицу” (вмешательства) /ibid./.

В целом выделяют разное количество позитивных и негативных стратегий коммуникации /Brown, Gilman 1989:167; Brown, Levinson 1987:102-131/. Для нашего анализа возьмем за основу перечень П.Браун и С.Левинсона как наиболее полный (хотя сами авторы указывают, что он не является исчерпывающим). К позитивным стратегиям относятся: "1.

Notice, attend to (H) (his interests, wants, needs, goods); 2. Exaggerate (interest, approval, sympathy with H); 3. Intensify interest to (H); 4. Use in-group identity markers; 5. Seek agreement; 6. Avoid disagreement; 7. Presuppose, raise, assert common ground; 8. Joke; 9. Assert, presuppose S's knowledge of and concern for H's wants; 10. Offer, promise; 11. Be optimistic; 12. Include both (S) and (H) in the activity; 14. Assume or assert reciprocity; 15. Give gifts to H (goods, sympathy, understanding, cooperation)" /Brown, Levinson, 1987:102/.

К негативным субстратегиям относятся: "1. Be conventionally indirect; 2. Question, hedge; 3. Be pessimistic; 4. Minimize the imposition; 5. Give deference; 6. Apologize; 7. Impersonalize (S) and (H); 8. State the FTA as a general rule; 9. Nominalize; 10. Go on record as incurring a debt, or as not indebted" /ibid:131/.

Исследования эволюции принципа вежливости в английском языке, пока немногочисленные /Brown, Gilman 1989; Копутко 1993/, проводились безотносительно грамматического типа предложения. В данной статье такой анализ впервые предпринимается на материале английского вопросительного предложения (далее — ВП), что обусловлено исследуемым материалом — спрашивание по своей природе наносит ущерб "лицу" адресата, поэтому представляет особый интерес для анализа в плане использования стратегий ликвидации угрозы "лицу".

В этосах 16—20 вв. наблюдается неравномерное использование различных стратегий. По нашим данным, в целом, ВП способны реализовать восемь позитивных и четыре негативных стратегии вежливости, причем в различные периоды набор стратегий и их количественное соотношение варьируются (см. табл.7).

В 16 в. по нашим материалам ВП употребляются для реализации восьми позитивных стратегий: (P1), (P4), (P5), (P7), (P8), (P10), (P13), (P15) и четырех негативных (N1), (N2), (N5), (N7), причем первые существенно преобладают над вторыми. Среди позитивных стратегий наиболее частотны стратегии (P4), (P13), (P5), (P1), (P8).

Использование стратегии "относись с пониманием к интересам и добродетелям слушающего" (P1) характерно в случаях косвенных комплиментов и для ситуаций ликоповышения, например, "*Earl of Worcester. I cannot blame him; was not he proclaim'd By Richard that dead is the next of blood?*" /Shak., I, Henry IV/. Важную роль в (P1) играет фактор социальной дистанции, в данном случае — это обсуждение подданными наследника престола.

Стратегия использования идентификационных маркеров принадлежности к определенной группе (P4) типа *sir, sirrah* распространена в 16 в. Ее высокая частотность обусловлена, с нашей точки зрения, требованиями речевого этикета этого периода, который отражает общее состояние

этого (стиля общения) и зависит от комплекса социальных, этнокультурных и языковых факторов.

Разновидность стратегии позитивной вежливости, действие которой ориентировано на поиск согласия со слушающим для достижения оптимального взаимодействия (P5), представлена в нашей выборке в основном "подтвердительными вопросами", например, "*Hotspur. Of York, is it not? — Earl of Worcester. True...*" /Shak., I, Henry IV/.

Она также осуществляется маркерами вежливости в составе ВП типа I *prithae*. Характерной особенностью реализации этой стратегии является низкая степень социальной дистанции между коммуникантами.

Стратегия поиска и упрочения общих интересов (P7) выражается чаще всего смягченными просьбами. Косвенные реквестивы, реализованные вопросительными предложениями, служат средством установления благоприятных отношений между коммуникантами, стимулируют общение равных по статусу или используются как способ ликоповышения, например, следующая просьба мужчины адресована равной по статусу женщине: "*Hotspur. Come, wilt thou see me ride?*" /Shak., I, Henry IV/.

В 16 в. реализация стратегии "шути" (P8) характеризуется широким диапазоном факторов социальной дистанции и иерархического соотношения статусов коммуникантов: они могут быть и равны по статусу, и максимально удалены друг от друга. Однако в ситуациях ликопонижения данная стратегия применяется лишь в редких случаях: можно предположить, что использование (P4) рассматривается в них как избыточное в плане вежливости: ср, принц обращается к Фальстафу как к другу и собутельнику: "*Prince Henry. What say'st thou to a hare or the melancholy of Moor Ditch?*" /ibid./.

В 16 в. положительная стратегия "предлагай, обещаю" (P10) эпизодически реализуется ВП: "*Sir Blunt. Shall I return this answer to the king?*" /ibid./.

Ее использование ограничено ситуациями ликоповышения или равенства коммуникантов (как в приведенном примере).

Более частотна по сравнению с (P10) стратегия спрашивания либо информирования о причинах (P13). Она стимулирует взаимопонимание и не имеет ограничений в плане социальной дистанции коммуникантов: "*Prince Henry. An otter, Sir John! Why an otter?*" /ibid./.

Стратегия проявления внимания к слушающему, готовности к сотрудничеству, демонстрации понимания и симпатии (P15) является одной из наиболее частотных в произведениях В.Шекспира, в целом /Корутко 1993:79/, однако в ВП ее роль ограничена (3% выборки). Как правило, ее реализуют вопросительные предложения — разновидности метакоммуникативного РА, например, "*Prince Henry. Come hither, Francis. — Francis. My lord?*" /ibid./.

Поскольку метакоммуникативная функция ВП в 16 в. развита более слабо по сравнению с современным периодом /Шевченко 1998/, в этом усматривается одна из причин низкой частотности стратегии (P15) в нашем материале ранненовоанглийского периода.

Среди стратегий негативной вежливости в 16 в. ВП чаще всего реализуют (N1), (N2), а также (N5), (N7). Важность этих стратегий обусловлена тем, что в культурах Запада негативная вежливость представлена наиболее конвенционализированным набором лингвистических средств компенсации угрозы "лицу" /Копытко 1993:84/.

Целью стратегии (N1) является уменьшение степени "вмешательства" за счет использования косвенных способов передачи сообщения. Типичной формой ее реализации является использование косвенных РА (побуждений и т.п.), например, "*Sir John Falstaff. What, shall we be merry? shall we have a play extempore?*" /ibid/. В данном случае использование стратегии (N1) ситуативно коррелирует со значительной социальной дистанцией коммуникантов (Фальстаф — принц). В целом среди наших примеров реализаций стратегии (N1) преобладает социальная дистанцированность и иерархическое подчинение говорящего слушающему.

Сущностью стратегии негативной вежливости (N2) является стремление говорящего избежать навязчивости в общении за счет языкового оформления сообщения в виде вопроса, включения в сообщение лексических маркеров — hedges типа *rather, sort of, true, quite*: Фальстаф смягчает свое категоричное утверждение вопросительной формой с глаголом *believe*: "*Sir John Falstaff. Wilt thou believe me, Hal? three or four bonds of forty pound-a-piece*" /ibid/.

По нашим данным, стратегия (N2) в пьесах В.Шекспира реализуется ВП в ситуациях равенства или более высокого положения адресата (в этом примере — принца). Важной предпосылкой ее применения служит осознание говорящим категоричности своего сообщения, что обуславливает стремление смягчить высказывание для предотвращения угрозы негативному "лицу" слушающего.

В нашем материале стратегия (N2) реализуется и сегментированными вопросами, для которых смягчение категоричности является одной из ведущих функций /Шевченко, 1988/, например, Пандарус — Крессиде: "*What, are you gone again? You must be watch'd ere you be made tame, must you? Come your ways*" /Shak., Troilus and Cressida/.

Стратегия негативной вежливости (N5) — "относись с почтением к нуждам слушающего" — характерна для ситуаций ликоповышения. Как правило, она реализуется клишированными фразами, содержащими *beseach, pray* и производные, этикетными формами — кодифицированными и гонорифичными обращениями, например, "*Sir John Falstaff. ...But*

I prithee, sweet wag, shall there be gallows standing in England when thou art king?" /Shak., I, Henry IV/.

Привлекает внимание факт более высокой частотности стратегии (N5) в речи 16-17 вв. по сравнению с 19-20 вв., что обусловлено отмеченной выше гипертрофированностью социально-регулятивной функции общения в ранненовоанглийский период и наличием разветвленной системы кодифицированных языковых форм ее реализации.

Стратегия негативной вежливости (N7) ориентирована на то, чтобы избежать прямых форм "вмешательства", предотвратить прямую угрозу негативному "лицу". Она реализуется языковыми формами пассива, конструкциями с безличным подлежащим *it* и т.п., ср. *"Prince Henry. Cheerly, my lord: how fares your Grace?" /Shak., I, Henry IV/*. В нашей выборке эта стратегия реализуется вопросительными предложениями, как правило, безотносительно фактора социальной дистанции и иерархии социальных статусов коммуникантов.

В 17 в. стратегии позитивной и негативной вежливости, реализуемые ВП, по нашим данным, не претерпевают существенных качественных или количественных изменений. Сохраняется ведущая роль стратегий (P4), заметное место занимают также стратегии (P5), (P13), (N1), (N2).

Наиболее частотна стратегия использования маркеров принадлежности к группе (P4), реализуемая в ситуации социального равенства коммуникантов: *"Indeed, Mrs. Engine, is it thus with you? My friend Fainall, have you carried it so swimmingly?" /Congreve/*. Лексический состав идентифицирующих маркеров варьируется в различные исторические периоды в соответствии с требованиями речевого этикета.

В 18 в. статистически существенные изменения охватывают как общее соотношение позитивных и негативных стратегий, реализованных ВП, удельный вес которых в нашей выборке практически уравнивается, так и частные проявления отдельных стратегий: существенный рост частотности (N2) по сравнению с 16-17 вв.

Проявления негативной стратегии уклончивости выражения (N2), сущность которой понимается как *"Do not assume willingness to comply. Question, hedge"* /Brown, Gilman 1989:201/, становятся распространенными в 18 в. прежде всего в наших примерах ситуаций *small talk*, ср. *"Ha! ha! ha! 'tis genteel, isn't it?" /Sheridan/; "What's this for? — hey?" /ibid./*. Учитывая сущностные характеристики стратегии (N2), такие как близость социальной дистанции между коммуникантами и стремление быть ненавязчивым, смягчить свое высказывание, среди причин роста частотности этой стратегии в 18 в. справедливо усматривать появление и развитие в этот период *small talk* /Шевченко 1998/.

В 19 и 20 вв. развитие коммуникативного принципа вежливости направлено в сторону преобладания негативной вежливости над позитивной (ср. данные таблицы).

Среди отдельных стратегий наиболее заметные количественные изменения происходят в реализации вопросительными предложениями стратегий (P4), (P5) (уменьшение) и (N1), (N2) (увеличение). Так, в анализируемом материале практически полностью исчезает стратегия поиска согласия и одобрения адресата (P5), которая в 16-17 вв. реализовалась маркерами вежливости в составе вопросительных предложений.

Значительно сокращается сфера функционирования идентификационных маркеров (P4), что связано с общим снижением численности РА обращений, сопутствующих РА, реализованным вопросительными предложениями. В частности, в пьесах отдельных авторов (P. Shaffer, E. Bond, H. Pinter) не зарегистрированы обращения в вопросительных предложениях. Мы усматриваем связь этого явления с развитием литературной традиции, а именно интродуктивных и адресатных ремарок /Солощук 1995/ как средств организации авторской речи в современном драматургическом произведении, которые практически отсутствовали или находились в процессе становления в 16-18 вв.

В 19-20 вв. область функционирования негативных стратегий, реализованных вопросительными предложениями, количественно расширяется за счет существенного роста частотности стратегий (N1) и (N2). Это соответствует общей тенденции качественного и количественного расширения сферы косвенных реализаций РА вопросительными предложениями в 16-20 вв. /Шевченко 1998/. Например, "You eat well up there, eh?" /Pinter/; "The sun, you mean? The heat" /ibid./.

Одна из причин количественного роста реализации стратегий (N1) и особенно (N2) видится в значительно возросшем к 20 в. по сравнению с 16 в. употреблении сегментированных вопросов /Шевченко 1998; Nasslin 1984/: они служат средством смягчения категоричности высказывания, вызова подтверждения без передачи существенно важной информации (и в этом смысле функционируют как hedges), а также существенно расширяется их прагматический потенциал за счет реализации косвенных РА и их подтипов, например, "[...] and the cafes, almost private ones, weren't they? where artists and writers collected..." /Pinter/.

Следует указать, что с нашей точки зрения тенденция развития феномена косвенности в РА /Шевченко 1998/ имеет значение и для объяснения определенного роста численности стратегии (P15) в 19-20 вв. по сравнению с 16-18 вв.

В 19-20 вв. наблюдается сокращение частотности стратегий негативной вежливости (N5), (N7) (см. табл. 7). Это обусловлено как изменением

этикетных норм (выходом из употребления гонорифичных форм обращений и пр.), так и развитием безличных форм и пассива в английском языке /Иванова, Чахоян, 1976:173-176/.

Таблица. Стратегии вежливости, реализуемые ВП (в %)

Стратегии\Век	16	17	18	19	20
Позитивные:					
P1	8	9	2	2	2
P4	25	23	25	12	10
P5	10	10	5	0	0
P7	5	6	9	8	7
P8	7	7	3	3	2
P10	1	1	1	2	2
P13	11	10	5	8	9
P15	3	1	2	5	6
В целом	70	67	52	40	38
Негативные:					
N1	10	10	14	26	28
N2	8	10	26	30	30
N5	6	7	3	1	1
N7	6	6	5	3	3
В целом	30	33	48	60	62
Итого	100	100	100	100	100

Приведенные данные, в целом, свидетельствуют о преобладании позитивных стратегий над негативными в 16-17 вв. и негативных над позитивными в 19-20 вв., причем период Просвещения является своеобразным "водоразделом", когда оба типа стратегии относительно уравниваются. Наши выводы подтверждаются данными Дж.Лича /Leech 1983/ и Р.Копытко о том, что в этосе времен Шекспира доминировала позитивная вежливость, сменившаяся за последние столетия негативной вежливостью британского речевого общения 20 века /Копытко 1993:110/. Также полагают, что для современного британского социума с его формализованностью общения, обязательным учетом социальной дистанции характерна негативная вежливость как общая черта речевого взаимодействия, в отличие от современного американского общества, которому свойственно дружелюбие, демократизация стиля коммуникации: для него характерна позитивная вежливость /ibid :51/.

Думається, що виділення етосов з преимущественно позитивної или негативної вежливості все же виходить за рамки лінгвістических исследований. Необходимо підкреснути, що виявленне історическое варіювання реалізацій стратегій вежливості средствами ВП трактується нами тільки як загальна тенденція дискурсу и не претендує на глобальність висновків. Відказавшись от попыток однозначної атрибуції явлень, мы рассматриваем обнаруженное варіювання окремих стратегій не с позиций "либо-либо", а с точки зрения того, в якій степені та или иная стратегія представлена в етосе определеної епохи, що іменно в ній змінюється и каковы тенденції этой змінчивості, обусловленні комплексом факторів мовного и немовного ряду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова И.П., Чахоян Л.П. (1976) История английского языка. — М.: Высш. шк.
2. Солощук Л.В. (1995). Закономерности структурной организации авторской речи в драматургическом произведении // Вісник Харків. ун-ту. — № 384.
3. Шевченко И.С. (1998) Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение 16-20 вв. — Харьков: Константа.
4. Brown R., Gilman A. (1989) Politeness theory and Shakespeare's four major tragedies // Language in Society. — V.18.
5. Brown P., Levinson S. (1987) Politeness: Some universals in language use. — L.: CUP.
6. Kopytko R. (1993) Polite discourse in Shakespeare's English. — Poznan : UAM Press.
7. Leech J.N. (1983) Principles of Pragmatics. — Philadelphia: Benjamins.
8. Nasslin S. (1984) The English tag-question. — Stockholm: Almqvist and Wicksell.

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ПЕРЕКЛАДУ ЯК НАВЧАЛЬНОЇ ДИСЦИПЛІНИ

Швачко С.О., докт. філол. наук, Река О.В. (Суми)

Перекладач не може не бути філологом, але перекладач — це не тільки філолог (Кундзич 1955, Пасынок 1996). Перекладач володіє як мовою оригіналу (МО), так і мовою перекладу (МП). Лінгвістична компетенція перекладача тісно пов'язана з його соціальною компетенцією. Статус перекладача об'ємний, бо перекладацький процес — це поліфункціональна комунікативна діяльність: комунікація між відправником інформації та перекладачем, з одного боку, перекладачем і адресатом з другого. Перекладач — це тлумач тексту, ситуації, Гермес, який експлікує, з'ясовує, дигестує кванти інформації, передає їх адресатам, робить можливою комунікацію між представниками різних етносів.

Підготовка викладачів — нелегка справа (Комиссаров 1990, Чернов 1987, Миньяр-Белоручев 1994). Вона потребує вирішення багатьох про-

блем. Підготовка перекладачів має бути системною, цілісною, комплексною, такою, що відповідає вимогам сьогодення. Професіональний хист перекладача обумовлюється навичками адаптивності до різних умов діяльності. Навички адаптивності — це похідна величина від знань, вмінь, які досягаються шляхом копіїткої праці та навчання. Мотивація навчання експлікується поставленою метою — стати висококваліфікованим перекладачем. Базова підготовка перекладача передбачає вивчення філологічних, перекладацьких, суміжних курсів, які складають інфраструктуру перекладу. Перекладацькі лакуни — це не тільки лінгвістичні курйози, це незрозуміння специфічних особливостей інших культур, це невміння володіти протоколом етики перекладача.

Лінгвістичні основи перекладу закладені в практичних та теоретичних курсах МО та МП. Відомо, що без знання граматики неможливо оволодіти перекладом. Ефективність перекладу, нормативна швидкість та майстерність викладу залежить від підготовки перекладача, його фонових знань. Перекладачеві допомагає розуміння мети, исмилення матеріалу МО, а також хист репрезентувати інформацію за нормами МП. Сучасний перекладач розуміється на прагматико-комунікативному принципі викладання мови, дієвості його у перекладацькій практиці (Чередниченко 1990, Шевченко 1995). Зрозумілими для перекладача є опозиції мова :: мовлення, статика :: динаміка, тема :: рема, слово :: контекст, стиль :: жанр, норма :: узус, стилістика :: граматика тощо. Філолог-перекладач передає зміст, а не форму, запобігає буквалізму, величає еквівалентну подачу інформації (Чередниченко 1990). Основи красномовства вбачаються в невимушеності подачі інформації, в дотримуванні стильового регістру, в переконливості, в адекватній подачі думок, аксіологічного ставлення, зафіксованого МО.

Розуміння тексту передувє його репрезентації у МП. У навчальному процесі майбутні перекладачі вчаться ідентифікувати три рівні розуміння тексту, а саме: формальний, смисловий та прагматичний. Перекладацький процес починається зі стартових можливостей осмилення текстів МО, без чого неможливим є згаданий процес. Невірним є положення про те, що переклад — це авторитарний процес, недетермінований умовами комунікації. Усі рівні осмилення текстів МО є правомірні. Лінгвістичний та соціальний досвід стає у нагоді в процесі осмилення формального, інформативного (смислового) та прагматичного рівнів текстів МО. Глобальна структура текстів МО — поверхнева та глибинна — розкривається шляхом аналізу текстів, їх композиційних частин, тематичних та рематичних блоків, заголовків, інтродукцій, висновків, шляхом осмилення основної інформації, авторських намірів, мовної картини світу, дієвості антропоцентричного фактору в різних за стилем та жанром текстах. Пе-

рекладач несе відповідальність за вірогідність фактуальної інформації, за правдивість подачі подій, за концептуальну репрезентацію текстів МО, їх емоціональну, раціональну даність, за прагматичні аспекти. Адаптивне використання мовних одиниць та функціонально-системного підходу має місце у перекладах-поясненнях різних текстів, у відтворенні протокольної, пакувальної лексики в ділових паперах, в логічних аргументаціях наукових текстів, у психологічних трактатах художніх текстів тощо.

Шлях перекладача нелегкий, тернистий, бо об'єкт перекладу не є тільки автономне слово чи речення. Об'єктом перекладацького процесу є вербальна / авербальна / пікторіальна ситуація. Правомірним, на наш погляд, є вживання слова філолог-перекладач на позначення суб'єкта перекладацького процесу. Як зазначалось, перекладач — це не тільки філолог, але, разом з тим, і філолог.

Перекладач використовується як універсальний засіб семантизації та перевірки знань. З перекладу починається вивчення іноземної мови, він є також надійним контролем засвоєних знань, умінь та навичок.

Переклад як навчальна дисципліна передбачає роботу над різними за тематикою та жанром текстами, серед яких належне місце посідають художні, науково-технічні, публіцистичні, офіційно-ділові тощо (Карабан 1997, Череди́нченко 1981, Швачко 1998). Тексти відрізняються поверхневою та глибинною структурами. Для успішного перекладу цих комунікативних одиниць неабияке значення має підготовка, вибір форм роботи над текстом. Перекладацькому процесу притаманне осмислення / аналіз емпіричного матеріалу МО, пошуки шляхів адекватної подачі інформації на МП. Ефективною для створення навичок перекладу є рольова гра, квазі-ділова комунікативна ситуація. Наприклад, у рольовій грі "Small Talk" студент А виступає представником компанії. Він розважає візitera (студента В), поки той чекає на керівника компанії. Завдання студента А полягає в тому, щоб вести протягом певного часу бесіду з відвідувачем, спрямовуючи розмову таким чином, щоб останній вживав якомога більше тематичних слів. Поряд з ним працює перекладач з МО на МП. Письмові завдання за програмною тематикою передбачають ведення словників, створення пакету ділових ситуацій, сценаріїв примірних бесід, рольових ігор тощо.

Відомо, що характер тексту обумовлює характер вправ на підготовку перекладу. Так, тема "Зовнішня торгівля" стимулює написання листів, контрактів, ініціативних пропозицій, проспектів, реклам тощо. В той час, як художній текст передбачає вправи на дигестування, творчі роботи, аналіз, переказ, інтерпретацію, а науково-технічний текст вимагає виконання вправ на аотацію, реферування. Прагматичні аспекти текстів об'єднують різноманітність вправ та завдань на осмислення та переклад.

Відомо, що однією із заporук успіху підготовки перекладачів є адекватне осмислення вихідного тексту. Коректні завдання стимулюють та контролюють розуміння тексту, спрямовують увагу перекладачів на адекватний переклад. Під час вивчення специфіки рецензування завдання на препарацію можуть стосуватися визначення аксіологічних стверджень, аргументації. Тема "Ділові папери" передбачає складання завдань на заомовлення товарів, на визначення їх ціни та способу доставки за каталогом тощо.

Важливим для перекладача є, крім того, володіння перекладацькою етикою, уміння вести діалог, полілог та монолог. Чітка вербалізація думки, встановлення її логічних параметрів, подача основних блоків інформації та стилістичної орієнтації текстів, знання законів Грайса та Ліча — все це потребує від перекладача заочних зусиль, певної лінгвістичної та соціальної компетенції, розуміння дієвості антропоцентричного принципу.

Мета перекладу як навчальної дисципліни полягає у формуванні у студентів компетенції та компетентності, гуманістичного світогляду, поваги до загальнолюдських цінностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карабан В. (1997) Посібник-довідник з перекладу англійської наукової і технічної літератури на українську мову. Частина 1. Граматичні труднощі. — Київ: Політична думка. — 301 с.
2. Комиссаров В.Н. (1990). Теория перевода. — Москва: Высшая школа. — 253 с.
3. Кундзич А. (1955). Переводческая мысль и переводческое недомыслие // Вопросы художественного перевода. — М.: Советский писатель. — С. 213—258.
4. Миньяр-Белоручев Р.К. (1994) Как стать переводчиком? — М.: Стелла. — 142 с.
5. Пасынок В.Г. (1996) О профессиональных качествах и личности переводчика (вместо рецензии на книгу Р.К. Миньяр-Белоручева "Как стать переводчиком?" // Вісник Харківського державного університету № 386. — Харків: Константа. — С. 89—93.
6. Чередниченко О.І., Коваль А.Г. (1981) Оказіональні відповідники і переклад на різних рівнях еквівалентності // Теорія і практика перекладу. — К.: Вища школа. — № 5. — С. 72—77.
7. Чередниченко А.И. Соотношение эквивалентности и адекватности в переводе // Функциональные и семантические корреляции языковых единиц. — Киев. — С. 208.
8. Чернов Г.В. (1987). Основы синхронного перевода. — М.: Высшая школа. — 256 с.
8. Швачко С.А. (1998) Тетрадь переводчика № 1. Методические рекомендации. — Сумы: СумГУ. — 49 с.
9. Шевченко І.С. (1995) Прагматика перевода драмы: аспект диахронии // Вісник Харківського державного університету. — Харків: Константа. — Вип. № 384. — С. 190—194.

Рецензії

BUSINESS TERRITORY I.

Multimedia CD-ROM Programme.

Lingonet Oy, Linnakatu 11 A 20, 20 100 Turku, Finland

Леонід Черноватий (Харків)

Phone: 022345444, Fax: 022345445; e-mail: lnetti@Linetti.com

Мультимедійна програма, що рецензується, призначена для навчання ділового спілкуванню англійською мовою студентів, що відповідають приблизно середньому (intermediate) рівню за класифікацією видавництва "Оксфорд Юніверсіті Пресс". За формою програма побудована у вигляді відвідання британської компанії, що є вдалою спробою надати студентам унікальну можливість детально ознайомитись із структурою та роботою такої компанії.

Комбіноване використання відео та гіпертексту дозволяє студентам "інтерв'ювати" десять співробітників, що працюють на різних посадах та у різних підрозділах компанії. Інтерв'ю не адаптовані і демонструють реальне вживання мовних засобів у даній галузі.

Побудова курсу є надзвичайно простою і не потребує спеціальної підготовки ні для вчителя, ні для студента. На початку програми користувач бачить на екрані головне меню з переліком основних тематичних складників та фотографіями співробітників компанії. Студент може одержати інформацію щодо будь-якого з них, викликавши відеоінтерв'ю у одному з кількох тематичних елементів (e.g. загальна інформація, службові обов'язки тощо). Кожен тематичний елемент може підрозділятися на підтеми. Наприклад, розділ "Topics" (теми) включає такі підрозділи як "Типовий робочий день", "Типова кількість робочих годин", "Етапи кар'єри" тощо.

Студент може прослухати інтерв'ю без адаптації або вибрати режим, коли те ж інтерв'ю звучить стандартною літературною мовою (британський варіант). Після другого прослуховування (але не раніше) програма дає можливість викликати на екран текст інтерв'ю, що є суттєвою перевагою імітації відвідання компанії у порівнянні з реальним візитом. При цьому такий текст є гіпертекстом, тобто дозволяє додаткові операції з ним. Слова, що виділені синім кольором, дозволяють викликати на екран відповідну статтю словника з положенням особливостей вживання відповідного слова. Слова ж позначені червоним кольором, дозволяють викликати коментатора, що пояснить лінгвокультурні особливості вживання.

Кожне інтерв'ю закінчується серією цікавих вправ, що дозволяють студенту засвоїти відповідний матеріал через його вживання.

На відміну від більшості подібних мультимедійних програм, що концентруються, головним чином, на самостійній роботі студентів і не викликають особливо зацікавлення у вчителів, ця програма може успішно використовуватися для групових форм роботи, що особливо важливо для ви-

падків, коли кількість комп'ютерів, що наявні, є обмеженою. Для забезпечення групових форм роботи програма має широкий вибір завдань для студентів. Такі завдання роздруковуються та видаються групам студентів. Розмір груп залежить від кількості наявних комп'ютерів.

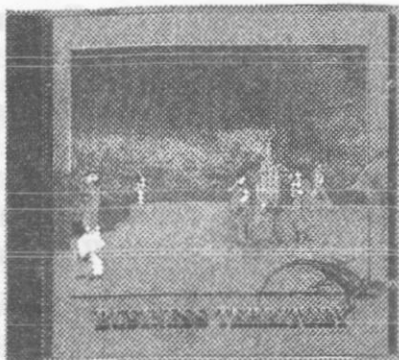
Після виконання таких завдань кожна група готує звіт про відвідини компанії, а потім інформує кожну іншу групу, яка занотовує інформацію та подає свою власну. Результатом такого обміну інформацією є загальний звіт про відвідини компанії, який кожний студент готує письмово (с.г. 500 слів), на базі одержаної інформації. Можливості програми не обмежуються формами, що наведені вище.

Важливою складовою програми є модуль "Teacher's Territory", що допомагає краще організовувати роботу і є закритою для студентів через використання пароллю, відомого лише вчителю.

Використання програми забезпечує реалізацію принципу інтерактивності у новому розумінні, тобто тут ми маємо справу не лише з інтерактивністю як засобом добування аутентичного матеріалу, але також з інтерактивністю між людьми за допомогою такого матеріалу, що міститься у програмі.

Програма розрахована приблизно на 36-40 годин аудиторних занять і є надзвичайно перспективною для запровадження в курсах, що потребують формування відповідних навичок та умінь.

Експериментальне навчання з використанням програми, що рецензується, у Харківському державному університеті показало, що зміст програми є надзвичайно цікавим для студентів, які позитивно оцінили форми роботи в межах запропонованого курсу. Позитивну оцінку згадана програма одержала і від викладачів, що за їх словами, вперше познайомилися з програмою, яка призначена не для самостійної роботи, а є засобом покращення керування навчальним процесом з боку викладача.

Содержание

Безуглая Л.Р.

К ПРОБЛЕМЕ КОСВЕННЫХ СПОСОБОВ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО АКТА	3
---	----------

Бондаренко Е.В.

ТЕМПОРАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ "ТЕПЛОЙ" КАРТИНЫ ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ ДЖ.КИТСА)	8
--	----------

Геращенко Е. Д.

КОММУНИКАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА	13
--	-----------

Говердовский В.И., Радченко И.Б. (Харьков)

ЭВФЕМИЗМЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА	17
--	-----------

Дмитренко В.О., Богдан В.В.

ПРОБЛЕМА ПРИСОЕДИНЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	22
--	-----------

Ейгер Г.В., Григорьева Л.М.

ДВУХФРАЗОВЫЕ ТЕКСТЫ С ПСЕВДОДЕФИНИЦИЕЙ	27
---	-----------

Е.Н.Зобена

РЕЧЕВЫЕ РЕАКЦИИ НА ЛОЖНЫЕ (ОШИБОЧНЫЕ) ВЫСКАЗЫВАНИЯ	35
---	-----------

Кагановська О.М.

СПІВІДНОШЕННЯ ФОРМИ І ЗМІСТУ В ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ (комунікативний та когнітивний аспекти)	40
---	-----------

Калугина Е.А.

КИНЕТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В РАСКРЫТИИ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО РОМАНА XX СТОЛЕТИЯ ...	47
---	-----------

Karavashkin V.I., Brashnik R.S.

ZUR KONNOTATION DER FUNKTIONSVERBGEFÜGE IN DER DEUTSCHEN SPRACHE	50
---	-----------

Ковальчук Н.Н.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ПРЕДЛОГОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	54
---	-----------

Козловская А.Б.

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ СИНОПТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	58
--	-----------

Конonenko Н.В., Панков А.С.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ОБУЧЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ПО ВЕКТОРНОЙ МОДЕЛИ СТУДЕНТОВ И СПЕЦИАЛИСТОВ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ	64
--	-----------

Кривенко В. П.	
К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ АНГЛОАМЕРИКАНИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	69
Кузьмина В.С.	
ОБУЧЕНИЕ ПИСЬМЕННОМУ АСПЕКТУ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА III КУРСЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ФАКУЛЬТЕТА	72
Левицкий А. Э.	
РОЛЬ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ В СИСТЕМЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	75
Мартинюк А.П., Пищикова К.В.	
ГЕНДЕРНІ КОМУНІКАТИВНІ СТРАТЕГІЇ В ДИСКУСІЇ	81
Е.Н.Медведь	
ХАРАКТЕР ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ НУМЕРАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ	85
Мизецкая В.Я.	
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ТЕКСТА	91
Минкин Л.М.	
СИСТЕМНО-ЯЗЫКОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КОМУНИКАТИВНЫХ СТРУКТУР РЕЧИ	95
В.Я. Мищенко	
К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕГРАЦИИ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ И ТЕОРИИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	101
Морозова И.И.	
ТАК НАЗЫВАЕМАЯ "ЖЕНСКАЯ РЕЧЬ" (АНГЛОЯЗЫЧНАЯ) В ЗАПАДНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ	106
Морозова Е.И.	
'LIE' : К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОТОТИПИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ КОНЦЕПТА	110
Моцун Н.А.	
САМООБМАН: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ДИСКУССООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ	114
Нефёдова Е.Д.	
ФУНКЦИИ И СТРУКТУРА ИНИЦИАЛЬНЫХ ФОРМУЛ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ	117
Олейник Н.А.	
ИНВЕРСИЯ КАК ПРИЕМ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	123
Омельченко Л.Ф., Максимчук Н.Н.	
СУБСТАНТИВНЫЕ КОМПОЗИТЫ-БАХУВРИХИ АНТРОПОСЕМИЧЕСКОГО ПОЛЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	126

<i>Pasynok V.G., Shamaeva J.</i>	
WEB PAGE "ESE/EFL FOR INTERMEDIATE STUDENTS THROUGH GAMES AND INTERACTIVE ACTIVITIES"	131
<i>Пасинок В.Г.</i>	
ПРОБЛЕМИ МОВНОЇ ПІДГОТОВКИ ФАХІВЦІВ У ВУЗАХ	137
<i>Пироженко О.Г.</i>	
ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЖИ В ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ В МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	144
<i>Піхтовнікова Л.С.</i>	
ЕВОЛЮЦІЯ МЕХАНІЗМУ МЕТАФОРИЗАЦІЇ ТА СТАНОВЛЕННЯ ОБРАЗУ-СИМВОЛУ БАЙКИ	148
<i>Рашевская А.Н.</i>	
ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕНТАЛИТЕТА	155
<i>Рябых Н.В.</i>	
АФФЕКТИВНЫЙ ФИЛЬТР В СТРУКТУРЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СХЕМЫ НАУЧЕНИЯ	160
<i>Смущинская И.В.</i>	
ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И ТЕОРИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЛОВА В ЛИТЕРАТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ	164
<i>Солощук Л.В.</i>	
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИНТЕРРОГАТИВНОГО ДИАЛОГА	170
<i>Тарасова Е.В.</i>	
КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЧИ	174
<i>Тютенко А.</i>	
РЕМБО: ІМ'Я КІНОГЕРОЯ В ЕМОТИВНО-ОЦІННИХ НОМІНАТАХ МОВИ НІМЕЦЬКОЇ ПРЕСИ	184
<i>Фролова И.Е.</i>	
АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПРАГМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ УСПЕШНОСТИ ИНТИМИЗАЦИИ ОБЩЕНИЯ	189
<i>Шевченко И.С.</i>	
ЕВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПА ВЕЖЛИВОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ДИСКУРСЕ 16—20 ВВ.	191
<i>Швачко С.О.</i>	
АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ПЕРЕКЛАДУ ЯК НАВЧАЛЬНОЇ ДИСЦИПЛІНИ	199

РЕЦЕНЗІЇ

<i>Черноватий Л.Н.</i>	
BUSINESS TERRITORY I.	203

ВІСНИК ХДУ №424

Відповідальний редактор

Редактор

Технічний редактор

Художній редактор

І.С. Шевченко

А.В. Бондарь

Л.П. Зябченко

Г.П. Ульянов

Підписано до друку 25.02.99. Формат 60х84/16

Папір офсетний. Друк офсетний. Гарнітура Прагматика.

Ум. друк. арк. 13,0. Ум. вид. арк. 15,2

Зам. № УП0103/99 Наклад 300 прим.

Видавництво "Константа"

310145 м. Харків, вул. Космічна, 26.

15-20

Віддруковано в друкарні видавництва "Константа"

310145 м. Харків, вул. Космічна, 26.